А. Г. Караяни

ВОЕННАЯ ПСИХОЛОГИЯ
Часть 1

УЧЕБНИК И ПРАКТИКУМ ДЛЯ ВУЗОВ

Рекомендовано Учебно-методическим отделом высшего образования в качестве учебника и практикума для курсантов военных учебных заведений, а также военных кафедр вузов

Москва ▪ Юрайт ▪ 2016

УДК 355.133.4(075.8)
ББК 88.4я73
К21

***Автор*:**

Караяни Александр Григорьевич — доктор психологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий кафедрой психологии военно-психологического факультета Военного университета Министерства обороны Российской Федерации.

***Рецензенты*:**

Кандыбович С. Л. — доктор психологических наук, профессор, старший научный сотрудник 16 НИЛ Военной академии Ракетных войск стратегического назначения имени Петра Великого, заслуженный деятель науки Российской Федерации, лауреат Государственной премии Российской Федерации имени Маршала Советского Союза Г. К. Жукова (2010 г.), лауреат премии Правительства Российской Федерации в области образования;

Утлик Э. П. — профессор, доктор психологических наук, профессор кафедры психологии Военного университета, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации.

Караяни, А. Г.

К21 Военная психология. В 2 ч. Часть 1 : учебник и практикум для вузов / А. Г. Караяни. — М. : Издательство Юрайт, 2016. — 218 с. — Серия : Специалист.

ISBN 978-5-9916-6800-2 (ч. 1)
ISBN 978-5-9916-7698-4

В учебнике рассматриваются история, теоретические и методологические основы военной психологии, опыт развития военно-психологической практики в военных событиях разных эпох, достижения различных государств в области развития военно-психологической теории и практики, психологическая характеристика современной войны и боя, особенности проявления индивидуально-психологических, личностных качеств военнослужащих и социально-психологических свойств воинского коллектива в боевой обстановке, психологические последствия участия военнослужащих в боевых действиях, цели, задачи и технологии профессионального психологического отбора, психологической подготовки боя, психологической помощи и реабилитации военнослужащих, основные направления и методы работы военного психолога в мирных условиях.

Содержание учебника соответствует актуальным требованиям Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования.

Для студентов (курсантов) высших учебных заведений психологического и психолого-педагогического профилей, аспирантов (адъюнктов) и преподавателей, а также для специалистов психологической работы частей и соединений Вооруженных Сил Российской Федерации и других силовых ведомств.

УДК 355.133.4(075.8)
ББК 88.4я73

ISBN 978-5-9916-6800-2 (ч. 1)
ISBN 978-5-9916-7698-4

Оглавление

Раздел II
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОВРЕМЕННОЙ ВОЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

Принятые сокращения

ВС — вооруженные силы
ВС РФ — Вооруженные Силы Российской Федерации
ВВС — Военно-воздушные силы
ВКС — Воздушно-космические силы
ВМФ — Военно-морской флот
МО — Министерство обороны
СВ — Сухопутные войска
СМИ — средства массовой информации
ТВД — театр военных действий

Предисловие

В новой военной доктрине России отмечается, что мировое развитие на современном этапе характеризуется усилением глобальной конкуренции, напряженности в различных областях межгосударственного и межрегионального взаимодействия, соперничеством ценностных ориентиров и моделей развития на фоне общего осложнения международных отношений. Воспламеняются очаги ожесточенных, кровавых, крайне опасных конфликтов. Все отчетливее проявляется тенденция к их силовому разрешению, в том числе у самых границ России. Гегемонистская политика США и НАТО, рост агрессивных амбиций турецкого руководства многократно повышают военную опасность для нашей страны.

Современная полномасштабная война в свете доктринальных установок характеризуется массированным применением систем вооружения и военной техники, высокоточного, гиперзвукового оружия, средств радиоэлектронной борьбы, оружия на новых физических принципах, информационно-управляющих систем, широким использованием беспилотных летательных и автономных морских аппаратов, управляемых роботизированных образцов вооружения и военной техники. Противоборствующие стороны способны оказывать воздействие на противника на всю глубину его территории одновременно в глобальном информационном пространстве, в воздушно-космическом пространстве, на суше и море. Боевое преимущество будет иметь та сторона, которая достигнет сокращения временных параметров подготовки к ведению военных действий, обеспечит избирательность и высокую степень поражения объектов противника, быстроту маневра войсками и огнем, широкое применение мобильных сил, эффективно использует глобальные сетевые автоматизированные системы управления войсками и оружием[1].

Вместе с тем, военные события в Сирии, Украине и других государствах вновь со всей очевидностью показали, что решающим условием обеспечения безопасности государства, боеспособности его вооруженных сил является высокий боевой дух воинов. Знаменитая формула Наполеона, гласящая, что «на войне моральная сила относится к физической как три к одному», действует с беспощадной неотвратимостью.

Отечественная военная психология с первых дней своего появления в ранге самостоятельной науки исходила из того, что война есть явление психологическое. Психологическими являются цель войны («заставить противника выполнить нашу волю»), ее важнейшие задачи (дезориенти-

---

[1] Военная доктрина Российской Федерации (утв. Президентом РФ 25.12.2014 № Пр-2976).

ровать, деморализовать, дезинтегрировать, дезорганизовать противника), наиболее ее эффективные средства (военная хитрость, ложь, устрашение, психологическое изнурение и подавление, внезапность) и последствия (паника, отчаяние, психические расстройства) и т.д.

В середине прошлого века русский военный мыслитель Е. Э. Месснер прозорливо указывал на то, что современная война обрела четвертое, психологическое, измерение. Если в прежних войнах ослабление духа вражеской армии и народа было вспомогательным средством, то теперь они стали важнейшими стратегическими объектами. «Разложить дух врага и уберечь от разложения свой дух — вот смысл борьбы в четвертом измерении, которое сделалось более важным, чем три прочих измерения»[1]. В нынешнюю эпоху проще разложить души людей, чем захватить территорию, легче разложить государство, чем покорить его оружием, эффективнее сокрушить психические силы врага, чем уничтожить его живую силу.

Как показывает анализ военно-политических взглядов США и НАТО, они целиком базируются на психологическом понимании войны. Главной стратегий в непрестанно ведущихся ими «гибридных», «асимметричных», «мягких», «4GW» войнах является «месснеровское» «воевание без войск» — воевание партизанами, диверсантами, террористами, массовыми вредителями, подпольщиками, «добровольцами», саботерами, пропагандистами. Это ведет к тому, что «теперь каждый воин и каждый гражданин соприкасаются с враждебно мыслящими, с перебежчиками, провокаторами, с неприятельскими пропагандистами, с попутными, но инакомыслящими людьми»[2].

Новые боевые и психологические грани войны неизмеримо повышают психологическую нагрузку на воинов, могут дезориентировать их, вызвать когнитивный диссонанс, нарушить систему базовых ценностей, снизить боевую мотивацию и активность, существенно затруднить выполнение боевых задач. Мощные психогенные факторы современного боя (опасность, неопределенность, новизна обстановки, внезапность наступления боевых событий, высокая ответственность и т.д.) способны травмировать психику воинов, существенно снижать их боеспособность, вести к масштабным психогенным потерям в воинских частях и соединениях.

Перечисленные обстоятельства возводят в ранг остроактуальных и значимых государственных задач задачу по всемерному укреплению психологических сил и возможностей российских воинов, их всесторонней психологической подготовке к эффективным боевым действиям в экстремальных условиях современных войн.

Важная роль в решении этой задачи принадлежит военной психологии. Именно военная психология призвана показать важность человеческого измерения современной войны, дать воину «психологические стрелы и щит», психологический ресурс, обеспечивающий успешное выполнение боевой задачи и выживание на поле боя.

---

[1] Хочешь мира, победи мятежевойну! Творческое наследие Е. Э. Месснера. М., 2005. С. 78.

[2] Там же. С. 146—147.

Военная психология будет полезной солдату, если откроет ему его собственные возможности, даст ключ к пониманию психологических явлений боя, покажет, как превратить страх в ярость, нерешительность — в гнев, слабость — в выдержку и героизм, победить себя, чтобы стать непобедимым. Она станет полезной офицеру и генералу, если укажет пути укрепления психических сил своих воинов и подавления психических сил противника, превращения сомнения в обоснованные боевые решения, беспокойство в умелую организацию боя.

Данный учебник призван выполнить эту миссию — предоставить в распоряжение военнослужащего, защищающего с оружием в руках интересы своей страны, знания, опыт, практические основания для превращения его в эффективного бойца.

Учебник отличается от других подобных изданий тем, что в нем обобщен исторический опыт развития военно-психологического знания за 2,5 тыс. лет развития человеческой цивилизации. В нем впервые широко представлен современный зарубежный опыт военной психологии, наработки военных ученых и психологов США, Китая, Великобритании, Германии, Израиля, Канады и других государств. Российские источники анализируются в той мере, в которой они являются оригинальными и не носят закрытого характера.

Данный учебник — первый подобный труд, выстроенный на основе целостной теоретико-методологической концепции — ресурсного подхода в психологии. Впервые содержание глав учебника по военной психологии ориентировано на комплекс профессиональных компетенций психологов, а в его структуре, наряду с теоретическими положениями, присутствуют практикумы, кейсы, задания, литература.

В учебнике представлена история, методология, теории и практика военной психологии. Военная психология предстает в учебнике как отрасль психологической и военной наук, исследующая психику военнослужащего, выполняющего боевые задачи в составе воинского подразделения в конкретной боевой обстановке, как направление специальной практики и как профессия.

Первый раздел учебника посвящен анализу исторических корней и опыта военной психологии; второй раздел ориентирован на изложение теоретико-методологических основ современной военной психологии, психологическое понимание войны и боя; третий раздел раскрывает особенности функционирования психики воина и психологии воинского коллектива в боевой обстановке; четвертый раздел связан с изложением технологий психологического обеспечения боя (психологической подготовки, психологической помощи и социально-психологической реадаптации воинов); пятый раздел посвящен анализу направлений, форм и методов работы военного психолога в мирное время.

Учебник предназначен для студентов (курсантов) психологического и психолого-педагогического профилей, аспирантов и преподавателей, а также специалистов психологической работы ВС РФ и других силовых ведомств.

Раздел I
ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ВОЕННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Глава 1
РАЗВИТИЕ ВОЕННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИДЕЙ В БОЕВОЙ ПРАКТИКЕ ВЫДАЮЩИХСЯ ПОЛКОВОДЦЕВ ПРОШЛОГО

В результате освоения материалов данной главы студент должен:

знать

• сущность, содержание и историю развития военно-психологического искусства;

• особенности военно-психологических идей выдающихся полководцев прошлых времен;

уметь

• анализировать и интерпретировать психологические аспекты военного искусства выдающихся полководцев;

• выявлять преемственность военно-психологических идей прошлого и настоящего;

владеть

• методами экстраполяции военно-психологических идей полководцев прошлого на решение задач современной военно-психологической науки и практики;

• навыками самостоятельной работы с историко-психологической литературой.

Ставшее сегодня популярным выражение «Без истории нет теории» на самом деле является своеобразной формулой анализа и развития научно-теоретического знания. Для того чтобы оценить современное состояние и перспективы развития той или иной научной отрасли, необходимо пропустить их сквозь матрицу исторических событий и критериев.

Обращение к истории становления и развития военной психологии обусловливается следующими обстоятельствами.

Во-первых, исторический экскурс необходим для того, чтобы понять, что совершенствование военно-психологической теории и практики — это не дань моде или плод воображения отдельных людей, а закономерный процесс отражения в психологической теории важнейших тенденций развития военной науки и практики. К военной психологии вполне применимо выражение, что «это наука с короткой историей, но огромным прошлым». За современными военно-психологическими знаниями стоят столетия размышлений, инсайтов и находок выдающихся полководцев прошлого, тщательного обобщения опыта войн и других военных событий, анализа причин боевых побед и поражений воинов разных армий и эпох, кропотливая и самоотверженная работа профессиональных военных психологов, теоретические обобщения и экспериментальные исследования отечественной и мировой психологической науки и практики.

Во-вторых, мы обращаемся к истории развития военно-психологической теории и практики для того, чтобы вновь и вновь не изобретать «психологических велосипедов», не идти по исходно тупиковым путям, а собирать по крупицам, сохранять и использовать уже имеющийся опыт военно-психологических исследований и военно-психологической практики. Нельзя допускать положения, при котором, как отмечал Б. М. Теплов, основатель школы дифференциальной психологии, становится легче заново открыть какое-либо психологическое явление, чем найти результаты его исследования.

Между тем история военной психологии убедительно показывает, что она обладает поистине огромными возможностями в деле управления «человеческим фактором» на крутых изломах социального бытия, в сложнейшие периоды жизни человечества. Величайшие полководцы прошлых эпох потому и покрыли себя неувядаемой славой и вписали свои имена золотыми буквами в анналы истории, что открыли для себя и эффективно использовали эту невидимую, но мощную силу — психику бойцов, их психологическую стойкость, психологию боевых масс.

В-третьих, известно, что если мы видим, как строилось какое-либо здание, мы лучше знаем все его сильные и слабые места — какие элементы являются несущими, а какие декоративными, прочность каких из них не вызывает сомнения, а какие требуют осторожного отношения. Это в полной мере касается и «здания» военной психологии. Знание ее корней, фундаментальных основ, принципов интеграции элементов в целостную теорию и практику позволяет военному психологу испытывать гордость за свою профессию, быть всесторонне теоретически, методологически и технологически вооруженным.

Развитие военной психологии идет путем теоретических и экспериментальных исследований, опираясь на обобщение опыта войн и военных конфликтов. Исторический материал позволяет более глубоко постигать сущность современных военно-психологических проблем.

В истории развития военно-психологического знания можно выделить два этапа:

1) этап развития военно-психологических идей в русле военного искусства выдающихся полководцев прошлого (предыстория военной психологи);

2) этап развития военной психологии в ранге науки.

Первый этап уходит своими истоками в необозримое прошлое и завершается в конце XIX в. Второй берет свое начало в 1879 г. (год официального рождения психологической науки, связанный с созданием В. Вундтом, немецким врачом, физиологом и психологом, первой экспериментальной психологической лаборатории в Лейпцигском университете) и длится по настоящее время.

1.1. Общая характеристика военно-психологического искусства

Первоначальной формой существования военно-психологического знания явилось военно-психологическое искусство полководцев прошлого.

Военно-психологическое искусство — совокупность военных и психологических знаний полководца, интегрированных в его мировоззрение и реализующихся в управлении войсками.

Военно-психологическое искусство является результатом целенаправленного «вплетения» более или менее систематизированных психологических знаний в военную тактику, оперативное искусство и стратегию. В давней истории военно-психологического искусства разных народов содержится бесценный материал для сегодняшней боевой психологической практики.

Первые попытки целенаправленно использовать «психологический фактор» в борьбе с противником, по-видимому, имели место на самых ранних этапах человеческой истории. Сходясь с противником в кровавой схватке за добычу, территорию, жилище, древний человек неосознанно использовал доставшиеся от животных предков паттерны угрожающего поведения: устрашающую мимику, резкую, агрессивную жестикуляцию, грозные гортанные крики, рычание, визг, шипение и т.п. Сами по себе эти действия не могли причинить противнику боль или травмировать его, однако иногда они воздействовали на него сильнее, чем клыки, кулаки и дубины.

Приобретая опыт боевого противоборства, древний боец замечал, что более страшным и опасным выглядит неприятель, который кажется более крупным, выпачкан грязью и кровью, имеет лохматую «гриву», одет в шкуры диких животных и т.д. Стремясь выглядеть также внушительно и устрашающе, воин пачкал свое лицо и тело различными красителями и взлохмачивал волосы. Подыскивая себе боевое одеяние, он отдавал предпочтение шкурам животных, отличающихся силой, ловкостью, смелостью и хитростью. Наличие такой шкуры должно было свидетельствовать о силе и мужестве самого воина, о его ловкости, мастерском владении орудиями охоты и боя. Одновременно шкуры зрительно увеличивали воина, делали его в глазах противника более крупным и, следовательно, более сильным.

С этой же целью воины вплетали в свои волосы и в элементы древней боевой экипировки перья сильных и умных птиц. Такие элементы внешней атрибутики воина часто говорили не вообще о каких-либо его психологических или боевых качествах, а указывали на конкретное число поверженных, уничтоженных (а иногда и съеденных) врагов. С этими же целями в боевой наряд воинов встраивались когти и крылья птиц, рога и лапы животных.

Для того чтобы казаться и чувствовать себя крупнее и сильнее, воины эллинских и римских эпох сооружали на боевых шлемах высокие гребни и султаны, дополняли доспехи различными «пристройками», визуально расширявшими их.

На плащах, боевых знаменах, стенах крепостей, запускаемых в сторону противника «летучих змеях», изображались устрашающего вида драконы, змеи, оскалившиеся пасти тигров, львов и других диких животных.

В некоторых традиционных племенах, существующих в наши дни, раскрашивание лица и тела перед схваткой с противником является непременным атрибутом и важнейшим ритуалом подготовки к баталии. Все

применяемые средства украшения носят психологический характер. Они призваны: обозначить статус воина и выстроить иерархию отношений с соплеменниками; утешить его тщеславие; создать боевой настрой; защитить воина от противника и нечистой силы; оказать устрашающее воздействие на противника (делать воина визуально выше, шире, кровожаднее, ужаснее).

Так, в целях устрашения неприятеля в некоторых племенах используются перья страуса или орла, пучки человеческих волос, браслеты на запястьях (по количеству убитых врагов), обведение глаз красными и белыми кругами, ношение шкур тигра, бизона, медведя.

Длинные волосы воина и вплетенные в них перья птиц, трава, пух, развевающиеся при движении, искажают форму тела воина, отвлекают противника, затрудняют нанесение прицельных ударов. Специальные амулеты призваны принести боевую удачу и защитить от поражения и смерти.

Грозный внешний вид древних воинов дополнялся устрашающими звуками. Разрозненные крики и шумы, издаваемые первоначально отдельными воинами, постепенно объединялись в коллективные боевые кличи, групповые шумовые эффекты (чеканный шаг, удары мечами или копьями по щитам, барабанный бой, вой боевых труб, боевые песнопения и т.д.). Они выполняли важнейшие психологические функции: служили системами опознания «свой — чужой», создавали необходимый групповой боевой настрой, позволяли постоянно ощущать «чувство локтя», указывали на порядок действий, оказывали устрашающее воздействие на противника, а иногда выступали средством экстренного обращения к Богу, демонстрации приверженности ему. Так, древние греки использовали в качестве боевого клича возглас «Алале!», который имитировал крик совы (запугивание) и, одновременно, был именем богини, «курировавшей» боевые кличи (обращение к Богу). Воины поздней Римской империи и Византии подбадривали друг друга кличем «*Nobiscum Deus*!» («С нами Бог!»). Древние евреи кричали в бою «Ахарай!» («За мной!»). У воинов многих тюркских племен боевыми кличами являлись слова «Алга!» («Вперед!»), а также «Ур!» («Бей!»). По одной из версий, от тюркского «Ур!» произошло русское «Ура!». Японский клич «Банзай» обещал воинам 10 000 лет процветания. Исламский боевой клич «Аллах акбар!» прославляет Бога («Бог величайший!»).

Первобытные войска применяли «психологические атаки», устрашая воинственными кличами врага, тем самым усиливая физическую мощь своего удара и «психологическую оборону», рисуя на стенах крепостей чудовищных драконов. Позже А. В. Суворов, организуя «психологические атаки на врага», требовал «при ударах делать большой крик и крепко бить в барабаны»[1].

Было замечено, что когда перед сражениями воины выполняли какие-либо совместные ритмичные движения, танцы, пели коллективные песни, их моральный дух повышался за счет ощущения единства с соплеменниками, боевыми товарищами. Это наблюдение послужило целенаправлен-

---

[1] Хочешь мира, победи мятежевойну! Творческое наследие Е. Э. Месснера. С. 104—105.

ной разработке боевых гимнов, речевок, песен, танцевальных предбоевых ритуалов.

Древними «специалистами по психологическому фактору» разрабатывались боевые музыкальные инструменты (прежде всего духовые и ударные), рассчитанные на психологический эффект. Так, по свидетельствам современников, у печенегов были боевые трубы, издававшие звуки, от которых «кровь леденела в жилах». Боевая труба галлов — карникс — была своего рода дальнобойным психологическим оружием, заставлявшим римлян в панике бежать. Не менее сильное впечатление производила на противника боевая труба даков, имитировавшая вой волка. Перед началом сражения с участием войск некоторых тюркских народов можно было слышать своеобразные «концерты» музыки, призванной мобилизовать своих воинов и устрашить неприятеля.

В древних баталиях в качестве средства деморализации и введения неприятеля в заблуждение зачастую использовались различные животные: слоны, тигры, разъяренные быки и даже пчелы. Один из таких примеров связан с именем великого карфагенского полководца Ганнибала. Однажды карфагеняне оказались в окружении в горах. Из ущелья вел лишь один узкий проход, на который встали мощные посты римлян. Карфагенские воины пали духом, видя, что со всех сторон окружены противником, и что его невозможно выбить с занимаемых им господствующих высот. Тогда Ганнибал пошел на хитрость. Он приказал собрать около 2000 отбитых у римлян быков, привязать к их рогам и хвостам факелы или связки сухих прутьев, и когда стемнело, дал команду поджечь их и гнать быков по тропам на высоты, занятые неприятельскими постами. Карфагенское войско выступило в темноте сразу же за стадом быков. Когда факелы на рогах быков занялись огнем, они в ужасе, обезумев от боли, с горевшими хвостами и головами понеслись к горам. Римляне, охранявшие проход, впали в панику, приняв ревущих, сверкающих искрами и несущихся со всех сторон быков за карфагенских воинов, и бежали, бросив посты.

Персидский царь Камбис добился победы над превосходящими силами египтян, используя кошек, считавшихся в Египте священными животными. По его команде персидские воины привязали животных к щитам или несли их с собой в бою. Так как египтяне не смели стрелять в сторону свято почитаемых животных, они не нашли другого выхода, как оставить поле боя. Благодаря этой военной хитрости была достигнута победа над сильным и организованным египетским войском.

Животных активно использовали и для того, чтобы ввести противника в заблуждение. Так, султан Аладдин Кейкубад при взятии крепости Алания приказал привязать свечи к рогам тысяч коз и ночью направил их по скалам к крепости. Защитники крепости, увидев наступление «многочисленного войска», воины которого неестественно быстро скачут по горам, были ошеломлены и прекратили сопротивление.

С давних времен мощным средством воздействия на противника считается огонь. Свидетельства его широкого применения в ходе боевых действий в целях устрашения противника имеются как в эпической литературе (например, в древнеиндийском героическом эпосе), так и в исторических

источниках. Огонь не приводил к массовому поражению войск противника, но взметающиеся в небо огненные шары, катящиеся с возвышенностей огненные валы (собранные из хвороста, тряпья и т.д.), очаги пожаров вокруг боевых порядков войск вызывали у неприятеля страх.

В глубокой древности практиковалось применение средств, воздействующих на обонятельную систему и выводящих противника из строя без нанесения ему физических потерь. Так, константинопольские воины забрасывали в помещения, обороняемые неприятелем, комки созданного по секретному рецепту смрадно дымящегося войлока и других веществ, издающих при горении нестерпимый запах.

Искусство военной хитрости уже в библейские времена достигло высоких вершин. В одной из библейских легенд рассказывается о том, как Гедеон, ведя войны со своими многочисленными противниками, нередко прибегал к военным хитростям, дезинформации и запугиванию неприятеля. Однажды он всего с тремя сотнями воинов подошел к лагерю противника и с помощью труб, кувшинов, светильников и криков так смог запугать и дезориентировать врага, что тот, потеряв контроль над своими действиями, ударил по своим войскам. Для этого Гедеон (в 1245 г. до н.э.!) использовал следующую военную хитрость. Зная, что противнику известно о том, что на каждую сотню воинов приходился трубач и факельщик, он выдал по трубе и факелу каждому из своих воинов. Таким образом, число труб и факелов в его войске соответствовало норме для тридцатитысячного войска, тогда как у Гедеона оно было в 100 раз меньше. Чтобы достичь эффекта внезапности (на зажжение факелов требовалось немало времени), Гедеон распорядился зажечь их раньше и спрятать в кувшинах (!).

Таким образом, уже на самых ранних этапах развития военной истории психологические знания сначала стихийно и фрагментарно, а затем все осмысленнее и целенаправленнее вплетались в боевую практику, выделялись в качестве самостоятельного, а порой и главного, средства достижения победы над врагом. Эмпирически выведенное искусство управления психическими состояниями, мыслями и поступками людей для достижения военных целей первоначально совершенствовалось и хранилось как тайное оружие жрецами, политическими и военными деятелями Шумера, Вавилона, Египта, Китая, Древней Греции, Рима, Древней Руси и др. Затем оно постепенно «врастало» в военное искусство наиболее талантливых полководцев, становилось достоянием их последователей.

Общей тенденцией этого развития являлось то, что в процессе совершенствования средств психологического воздействия на противника постепенно осуществлялся переход от обычной лжи, уловок, обмана, к военной хитрости как системе мероприятий по введению противника в заблуждение, от разовых обращений полководцев к воинам — к систематическому психологическому влиянию на подчиненных, от тренировки отдельных качеств воинов — к системе их боевой подготовки.

Постепенно психологические знания складывались в более или менее систематизированные конструкции, формировался своеобразный психологический «репертуар» боевых практиков, включающий такие элементы, как психологическое изучение противника; введение его в заблуждение;

запугивание и нарушение психологического единства неприятельских войск; развитие и мобилизацию психологических возможностей своих воинов; разработку психологически обоснованных тактических форм; создание средств противоборства, оказывающих преимущественно психологическое воздействие на противника; использование психологических знаний в системе боевой подготовки воинов и др.

Многочисленные и интересные примеры практического применения психологических познаний в военном деле содержатся в эпических и исторически-художественных произведениях, устных преданиях народов, относящихся к глубокой древности. Наиболее ранние описания их связаны с боевой практикой народов Древней Греции. Так, в гомеровских «Илиаде» и «Одиссее» описываются методы психологической мобилизации воинов, внимательного изучения военачальниками психологических возможностей противника, запугивания неприятеля, применения военной хитрости и др. Большую известность получила описанная Гомером психологическая акция со знаменитым «троянским» конем. Именно глубокое знание психологических особенностей троянцев, в частности их любви к лошадям, оружию, позволила Ахиллу предложить спрятать в деревянном коне, подаренном защитникам неприступной Трои, группу воинов, которые ночью, выбравшись из «коня», открыли ворота города.

Ясно, что перечисленные литературные источники являются лишь красивыми легендами, но в них отражена реальная боевая практика своего времени. Не случайно Александр Македонский утверждал, что «изучение "Илиады" — хорошее средство для достижения военной доблести». Говорят, что копию «Илиады», исправленную самим Аристотелем, он всегда имел при себе, храня ее под подушкой.

Историки, литераторы, политики и военачальники древности Геродот, Ксенофонт, Полибий, Плутарх, Велизарий, Прокопий, Юлий Цезарь и другие в своих трудах рассказывают о многочисленных фактах использования демонстрации силы, мужества, распространения слухов, засылки перебежчиков в лагерь врага для возбуждения недовольства, страха, конфликтов, предательства и паники, слома его воли к сопротивлению.

1.2. Военно-психологические идеи выдающихся полководцев

Анализ военно-психологического искусства эмпирических военных психологов — военачальников и безызвестных воинов прошлого времени — позволяет выделить многочисленные и разнообразные психологические «находки», прозрения, идеи, которые позволяли им эффективнее повергать врага.

Поистине психологическим стратегом зарекомендовал себя афинский полководец ***Фемистокл*** (ок. 524 — ок. 459 до н.э.). В ходе войны с персидским войском во главе с Ксерксом он применил множество психологических приемов *воодушевления своих войск*, *разобщения неприятельских сил* и *введения противника в заблуждение*. Ему по праву следует присвоить звание «отца военной хитрости». Геродот свидетельствует, что, совершая

маневр флотом и плывя вдоль берегов, Фемистокл повсюду, где неприятель должен был приставать, запасаясь пресной водой и спасаясь от бури, велел высекать на камнях надписи. Одна из таких каменных «листовок» гласила:

«Ионяне! Вы поступаете несправедливо, идя войной на своих предков и помогая варварам поработить Элладу. Переходите скорей на нашу сторону! Если же это невозможно, то, по крайней мере, хоть сами не сражайтесь против нас и упросите карийцев поступить так же. А если не сможете сделать ни того, ни другого, если вы скованы слишком тяжелой цепью принуждения и не можете ее сбросить, то сражайтесь как трусы, когда дело дойдет до битвы. Не забывайте никогда, что вы произошли от нас и что из-за вас первоначально пошла у нас вражда с персидским царем»[1].

Анализ этого обращения даже с сегодняшних позиций поражает его психологической обоснованностью. Эта листовка была рассчитана на достижение, по крайней мере, одного из трех результатов: 1) что их бывшие соплеменники перейдут на их сторону; 2) что моральный дух эллинов, даже если они останутся в строю, будет понижен; 3) что Ксеркс, узнав об этом обращении, не пошлет эллинов в сражение. Одновременно делалась попытка использовать психологический эффект этнической общности афинян и ионийцев.

Пытаясь ввести врага в заблуждение относительно своих планов, Фемистокл тайно посылает к царю персов Ксерксу своего доверенного (перса по рождению) с сообщением, что он переходит на сторону персов, сообщает им о том, что эллины хотят бежать, советует не позволить им убежать, а напасть на них, пока они находятся в тревоге по случаю отсутствия сухопутного войска, и уничтожить их морские силы. Ксеркс поверил этому сообщению, вступил в морской бой в невыгодном для себя месте и потерпел сокрушительное поражение.

Признанным военно-психологическим мыслителем, одним из основателей психологического подхода к пониманию войны можно назвать китайского военного теоретика и военачальника ***Сунь-Цзы*** (VI—V в. до н.э.). Он обессмертил свое имя самым знаменитым военно-психологическим трактатом — «Искусство воевать», написанным около 500 лет до н.э.

Главная идея Сунь-Цзы состоит в том, что искусство воевать имеет жизненную важность для государства. Оно является вопросом жизни или смерти, дорогой к спасению или к гибели. В связи с этим он подчеркивал, что в основе военного искусства, достижения победы над противником лежат тесно связанные между собой факторы как материального, так и духовного порядка.

По его мнению, всякая война основана на обмане. Суть военно-психологического искусства состоит в том, что «когда вы можете нападать, показывайте вид, что не в состоянии нападать; действуя, вы должны притворяться бездействующим; когда вы находитесь близко от противника, заставьте его думать, что вы далеко; когда вы от него далеко, вы должны заставить его

---

[1] *Геродот.* История // Геродот. Фукидид. Ксенофонт. Вся история Древней Греции. М., 2009. С. 376.

думать, что вы близко. Показывайте приманку, чтобы соблазнить противника. Сделайте вид, что у вас беспорядок, и сокрушите его». По существу эта краткая формула составляет сердцевину современных представлений об искусстве введения противника в заблуждение.

Сражаться и уничтожать врага, по Сунь-Цзы, — еще не является высшим воинским мастерством; высшее мастерство состоит в том, чтобы сломить сопротивление врага, не прибегая к сражению, ведь искусный вождь покоряет неприятельские войска без боя; берет неприятельские города, не прибегая к осаде; побеждает королевства без длительных операций в поле.

В трактате содержатся указания на важность и необходимость психологического воздействия на противника, преследующего цели: «как забить клин между фронтом и тылом врага; как помешать взаимодействию между его крупными и мелкими подразделениями; как помешать хорошим войскам спасти плохие, а офицерам соединиться со своими солдатами».

В этих простых формулах раскрыта глубинная сущность идеи информационно-психологического противоборства.

Военно-психологический мыслитель утверждал, что побеждает в войне тот, кто: 1) знает, когда надлежит сражаться, а когда следует воздержаться от боя; 2) видит, как следует действовать меньшими и превосходящими противника силами; 3) чья армия, от солдата до командования, воодушевлена одним и тем же духом; 4) кто, подготовившись сам, ждет, когда врага можно будет захватить неподготовленным; 5) кто обладает военными способностями, и кому не мешает государь.

Сунь-Цзы дает конкретные рекомендации по управлению психологическим состоянием и поведением личного состава: «Тщательно изучайте состояние ваших людей и не переоценивайте его...», «держите свою армию в постоянном движении...», «ставьте своих солдат в положения, из которых нет выхода, и они предпочтут смерть бегству...», «смотрите на ваших солдат как на своих детей, и они пойдут за вами в огонь и в воду; смотрите на них как на своих любимых сыновей, и они будут стоять за вас насмерть...», «запретите обращать внимание на предзнаменования и не предавайтесь суеверным сомнениям...», «принцип, по которому управляют армией, состоит в том, чтобы показать образец храбрости, которого все солдаты должны достигнуть»[1].

Психологические инсайты полководцев лежат в основе многих тактических форм и завоеванных побед. Именно знание психологии спартанцев позволило фиванскому стратегу ***Эпаминонду*** (IV в. до н.э.) одержать победу над вдвое превосходившим по численности войском спартанцев при Левктрах летом 371 г. до н.э.

Спартанцы построились фалангой в 12 шеренг, сосредоточив на правом фланге лучших воинов во главе со спартанским царем Клеомбротом.

Эпаминонд решил выстроить свои войска «не по правилам», но в виде «косы», распределив их *неравномерно по фронту*. Против сильного фланга противника он выстроил колонну в 50 шеренг, а против слабого фланга и центра — фалангу всего в восемь шеренг. Скорее всего, он исходил из роковой

[1] *Сунь-Цзы.* Искусство войны: стратегия и тактика победителя. М., 2003. С. 367—368.

приверженности спартанцев линейной тактике действий в фаланге. Если бы он хоть на минуту допустил, что почти вдвое превосходящий его противник может, хотя бы теоретически, проявить творчество в тактике, он вряд ли бы решился на столь радикальные эксперименты.

Более того, Эпаминонд воспользовался тем, что 5 августа спартанцы отмечали праздник. Он сначала изобразил отход своих войск в лагерь, а затем, когда греки, потеряв бдительность, отправились в лагерь на празднование, он неожиданно атаковал их и нанес сокрушительное поражение.

Александра Македонского (356—323 гг. до н.э.) можно смело назвать воителем-психологом.

В основе его таланта полководца-психолога лежат знания, полученные от его персонального воспитателя Аристотеля. Александр глубоко знал психологию солдата, пользовался непререкаемым авторитетом у своих подчиненных и делал многое, чтобы подкрепить этот авторитет, так как знал, что вера в полководца — важнейший фактор мотивации боевой активности воинов, механизм психического заражения их мужеством военачальника. Он соревновался с солдатами в выполнении различных упражнений, борьбе, его одежда и манера держаться мало отличались от простого человека, зато личное мужество и воинский дух не имели равных.

Александр умел найти путь к сердцу каждого бойца с учетом его социальной принадлежности. Перед каждым сражением он объезжал боевые строи воинов и обращался к ним с призывами, соответствующими чувствам представителей каждой социальной группы. Так, обращаясь к македонцам, он апеллировал к «их древней славе»; грекам напоминал о разрушенных персами греческих храмах и городах, нарушенном укладе жизни; иллирийцев и фракийцев, промышлявших грабежом, он прельщал богатой добычей, которую предлагал отнять у «женоподобных персов».

Поистине фантастическим было боевое чутье полководца, способность предвидеть развитие событий, продумать сражение за противника, выбирать место сражения с учетом боевых, физических и психологических возможностей противоборствующих сторон, предусмотреть неожиданности.

Римский историк Квинт Курций Руф дает описание приемам, использованным Александром в *борьбе со страхом своих воинов*. Перед одним из сражений с персами греческое войско «было охвачено беспричинным страхом, все, как безумные начинали трепетать, и какая-то робость закрадывалась всем в сердце». Александр, узнав о паническом состоянии войска, «дает сигнал к остановке и солдатам велит положить перед собой оружие, а самим отдохнуть, объясняя при этом, что нет причины для внезапного страха и что враг далеко. Наконец, придя в себя, солдаты воспрянули духом, снова взялись за оружие»[1]. Не случайно румынский военный врач и эмпирический психолог М. Кампеано подчеркивал, что Александр знал все тайные принципы, управляющие армией — толпой.

---

[1] *Руф К. К.* История Александра Македонского // Историки античности : в 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 560—561.

Слава величайшего эмпирического психолога — знатока человеческой души по праву принадлежит одному из знаменитейших полководцев Древнего мира ***Ганнибалу*** (247—183 гг. до н.э.).

Имея малочисленное, по сравнению с римской армией, войско, Ганнибал одержал над римлянами ряд громких побед. Во многих случаях в основе этих побед лежало чутье полководца, тонкое знание им психологии противника, применение эффектных психологических приемов воздействия на врага, умение вселять надежду и мужество в своих воинов.

Все тактические приемы Ганнибала, позволявшие ему достигать победы над римлянами, строятся на его представлениях о человеческой психике и поведении. Как следствие — его войска в большинстве случаев вступали в сражения более подготовленными в физическом и психологическом отношении (отдохнувшими, настроенными, находящимися в состоянии готовности), а противник был заранее изнурен и психологически подавлен.

Тит Ливий, знаменитый римский историк, описывает следующий тактико-психологический прием, использованный карфагенским полководцем. На рассвете, когда сон наиболее сладок, он посылает легкую конницу через реку с задачей: подскакать к воротам неприятельского лагеря, забросать его дротиками, вызвать на бой, а затем, когда сражение разгорится, медленным отступлением заманить его на свою сторону реки. Римляне действительно ввязались в схватку, увлеклись ею и в холодное ненастное утро совершили тяжелое форсирование реки. Они вышли на берег к полудню, не выспавшиеся, измотанные, продрогшие, голодные, не в состоянии держать в руках оружие, и встретились с хорошо отдохнувшими, успевшими позавтракать, все время согревавшимися в палатках у костров, натертыми оливковым маслом воинами Ганнибала.

В ходе решающего сражения с превосходящим по численности войском римлян вблизи Канн (216 г. до н.э.) Ганнибал применил целый каскад военных хитростей, позволивших победить вдвое превосходящего по численности противника. Во-первых, он изменил позицию и развернул свои войска спиной к ветру. Сильный ветер поднимал с песчаных равнин страшную пыль и нес ее в лицо римлянам. Во-вторых, при построении войск, наиболее сильных и храбрых воинов он поставил на флангах, а худших оставил в центре[1].

Римский полководец Варрон решил сильным ударом сомкнутых масс пехоты сокрушить слабый центр неприятеля и разгромить Ганнибала. Он построил свои войска плотным легионом, имеющим глубину в 48 шеренг. На флангах главных сил римляне имели слабые отряды конницы.

Ганнибал же расположил в центре неглубокую, но гибкую и устойчивую линию пехоты (в которой расположился сам), а на флангах, уступом назад — мощные группы конницы и пехоты.

Римская армия мощным ударом потеснила центр карфагенян, но ударные группы Ганнибала вышли во фланги римлян и нанесли по ним удар с тыла. Главные силы римлян были окружены и разгромлены.

---

[1] *Ливий Т.* История от основания Рима // Историки античности : в 2 т. Т. 2. С. 51—186.

На полном основании Ганнибал вошел в историю военного искусства как величайший военный психолог. На примере каннского сражения видно, что он всегда стремился избирать не силовую, а психологическую тактику ведения сражения. В битве при Каннах главным фактором поражения явилось психическое состояние римских воинов. В ходе боя двукратное превосходство римлян над противником в живой силе не изменилось. Изменилось лишь взаиморасположение противоборствующих сторон. И оно стало таковым, что окруженным римлянам казалось, что опасность идет отовсюду, свобода маневра утрачена, все пути к отступлению отрезаны, противник имеет значительное превосходство в силе. Римские воины были сначала деморализованы и лишь затем уничтожены.

Известный французский военный теоретик и практик Ш. Ардан дю Пик писал, что «Ганнибал бесспорно величайший полководец древних времен, благодаря замечательному пониманию нравственной стороны боя, нравственного духа солдата как своего, так и неприятельского, и умению пользоваться им в различных перипетиях войны, кампании, боя. Он всегда остается победителем, потому что его средства, прежде всего, моральные. Он умеет, командуя армией, склонить какой-нибудь комбинацией нравственный элемент в свою сторону»[1]. Дополняя этот портрет полководца, Кампеано отмечает, что Ганнибал лепил из своих наемников, как из теста, все, что хотел.

Своеобразным «коньком» Ганнибала можно считать игру на противоречиях (этнических, социальных, религиозных). Он мастерски сеял раздоры между горожанами и сельскими жителями, между различными племенами, и сам же выступал в качестве третейского судьи, а затем предлагал одной из сторон военную помощь.

Мудрым предводителем и тонким психологом зарекомендовал себя известный римский полководец и государственный деятель ***Гай Юлий Цезарь*** (100—44 гг. до н.э.).

По оценке Плутарха, Цезарь отставил далеко позади себя всех римских полководцев. Одних — по причине суровости мест, в которых он вел войны, вторых — в силу размеров страны, которую он завоевал, третьих — имея в виду численность и мощь неприятеля, которого он победил, четвертых — принимая в расчет дикость и коварство, с которыми ему пришлось столкнуться, пятых — человеколюбием и снисходительностью к пленным, и, наконец, всех — тем, что он дал больше всего сражений и истребил наибольшее число врагов. Перечислить все полководческие заслуги Цезаря непросто, ибо за неполные 10 лет, в течение которых он возглавлял военные походы в Галлии, он взял штурмом более 800 городов, покорил 300 народностей, воевал с тремя миллионами людей, из которых один миллион уничтожил во время битв и столько же взял в плен[2].

Полководец настойчиво взращивал в своих подчиненных мужество и любовь к славе. Главным методом такого воспитания был личный пример мужества и славолюбия. Он бросался навстречу любым опасностям,

---

[1] См.: *Ардан дю Пик Ш.* Исследование боя в древние и новейшие времена. Варшава, 1902.

[2] *Плутарх.* Избранные жизнеописания : в 2 т. М., 1987. Т. 1. С. 449.

а лишения, которые он переносил в походах, казалось, превосходили его физические возможности.

В сражения он вступал не только по расчету, но и по случаю, часто сразу после перехода, иногда в самую жестокую непогоду, когда меньше всего этого от него ожидали. Если успех колебался, он отсылал прочь лошадей, прежде всего, свою, чтобы воины держались вместе поневоле, лишенные возможности к бегству.

После сражения при Фарсале, отправив свои войска в Азию и возвращаясь один в лодке, он встретил своего врага Луция Кассия с десятью кораблями. Вместо того чтобы обратиться в бегство, Цезарь, подойдя к нему вплотную, сам потребовал его сдачи, и тот, покорный, перешел к нему[1].

Многие решения и практические действия великого римлянина свидетельствуют о глубоком понимании им значения психологического фактора в бою, об этнической специфике психологических качеств воинов.

Психологическая компетентность Цезаря проявляется, например, при описании им ночного боя, в котором подчеркивается возрастание роли управления, сигнализации и связи, внимательности солдат. С целью введения противника в заблуждение, он имитировал шум передвигающейся конницы, требовал от подчиненных соблюдения маскировки и др.

К воинам он относился в соответствии с требованиями боевой целесообразности: в обычных условиях не был без нужды чрезмерно требовательным, при близости неприятеля требовал железной дисциплины и беспрекословного повиновения. О предстоящих походах он зачастую не предупреждал, а держал воинов в постоянной готовности к выступлению. Гай Светоний Транквилл отмечал, что полководец нередко выводил войска без всякой надобности, особенно в дожди и праздники. Порой, отдав приказ не терять его из виду, он скрывался из лагеря днем или ночью и пускался в далекие прогулки. Таким образом, он тренировал у подчиненных психологическую готовность к походу и бою, выносливость, ответственность, веру в свои возможности и в своего полководца.

Кампеано в своей работе «Опыт военной психологии» отмечал, что нравственная сила ставилась на первое место всеми гениальными военными людьми, и что Цезарь являлся в данном случае таким же мастером, как и во всем остальном[2].

Интересен и многообразен военно-психологический опыт, оставленный своим потомкам великим завоевателем Азии и Восточной Европы **Чингисханом** (1155—1227).

В исторической литературе содержатся сведения о том, что Чингисхан был хорошо знаком и высоко ценил трактат Сунь-Цзы «Искусство воевать». Судя по тактике действий его войск, он старался соблюдать изложенные в нем аксиомы. Основной психологической стратегией его действий было *устрашение* и *обман*. При подготовке и проведении своих военных кампаний Чингисхан широко использовал агентурную сеть, посылал впереди своего войска полчища лазутчиков, распространявших слухи

[1] *Светоний Г. Т.* Жизнь двенадцати цезарей // Историки античности : в 2 т. Т. 2. С. 437—438.
[2] См.: *Кампеано М.* Опыт военной психологии, индивидуальной и общей. СПб., 1902.

о неисчислимости, жестокости и мощи монгольского войска. Часто это приводило к полной деморализации противника задолго до начала татаро-монгольского нашествия. Крепости, города и страны, лишенные воли к борьбе, порой сдавались без сопротивления.

Этому в немалой степени способствовало мощное психологическое воздействие, осуществляемое с помощью лазутчиков, заполнявших страну — потенциальную жертву — и распространявших слухи о том, что все монгольские воины — истинные мужчины и выглядят как настоящие богатыри; все их помыслы связаны ни с чем иным, как только с войной и кровью; они выражают такое громадное нетерпение к бою, что их полководцам с трудом удается их сдерживать; однако, несмотря на то, что они такие жестокие, они держат себя в рамках строгой покорности командованию и полностью посвятили себя своему правителю; они довольствуются любой пищей и не очень тщательны в выборе зверя или скотины для еды; они едят не только свиное мясо, но могут питаться и мясом волка, медведя и собаки; что касается их численности, то войска Чингисхана, напоминают кузнечиков, сосчитать которых не представляется возможным.

В традиции монголо-татарской армии было брать как можно меньше пленных. При взятии городов часто уничтожалось все мирное население. Страх перед монгольской ордой был настолько велик, что нередко потенциальные противники разбегались еще до встречи с ней на поле боя.

Вместе с тем позитивным было то, что Чингисхан соединял завоеванные земли в единую империю и, покорив очередной народ, присоединял его к своей орде, способствовал развитию экономики, торговли, не препятствовал функционированию религиозных учреждений.

Бесспорно высочайшее место среди полководцев, на практике применявших психологические познания, занимает ***Наполеон Бонапарт*** (1769—1821).

Наполеон отчетливее многих других полководцев понимал значение морального состояния войск. «Если хотите глубже проникнуть в истины политики и войны (вообще, следовательно, в области, где человек является главным деятелем), — подчеркивал Наполеон, — то обратитесь к духовной стороне дела». Такое понимание роли морально-психологического фактора и средств воздействия на него он выработал на основании опыта своих многочисленных походов и сражений, обобщений полководцев прошлого. Он писал: «Наступательные войны должны вестись, как вели их Александр, Ганнибал, Цезарь, Густав Адольф, Тюренн, принц Евгений и Фридрих. В умелом использовании психологического фактора этими полководцами заключаются “тайны военного искусства”». Учитывая это, Наполеон считал, что замысел войны, сражения, боя должен основываться на учете морального фактора: «Устремляться с быстротою на важнейшие пункты, использовать моральный фактор, силу оружия, страх». Построение боевого порядка также должно учитывать психологические условия. Его известное выражение, гласящее, что «моральная сила относится к физической как три к одному», является не только красивым изречением, это — реальная формула для расчета вероятности победы в бою.

Полководческое искусство Наполеона отличалось умением понимать и учитывать солдатскую психологию, чему в решающей степени способ-

ствовали сложившиеся в целостную систему военно-психологические взгляды. Он обладал фантастической способностью чувствовать, улавливать главное в настроении масс и влиять на него. Еще будучи капитаном, при осаде Тулона он, сам раненый, заменил тяжелораненого командира и возглавил французскую артиллерию. При этом настолько приблизил свою батарею к противнику, что, казалось, не найдется храбрецов для ее обслуживания. Однако Наполеон высоко над батареей повесил плакат с надписью «Батарея бесстрашных», и желающим воевать здесь не было отбоя.

История зафиксировала несколько фактов, в которых психологический дар Наполеона раскрывается во всей своей силе. Однажды Наполеон во время проверки караулов обнаружил, что один часовой заснул в снегу на своем посту. Любому было ясно, как должен был поступить проверяющий. Пощады солдату, заснувшему на посту и подвергавшему угрозе жизнь своих товарищей, быть не могло: арест, суд и расстрел.

Но Наполеон, как гений, поступил гениально. Он поднял ружье спящего часового и занял оставленный им пост. Прибыв со сменой, сержант увидел, что часовой все еще спит, а император стоит на его посту. Наполеон хорошо понимал, что история об императоре, взявшем на плечо ружье, вместо того чтобы вызвать подразделение для расстрела, на следующий день молнией облетит всю армию и окажет на нее мощное моральное воздействие[1].

Почти бытовой расчет лежал в основе всех мифов о «божественности», «неуязвимости», «бессмертии» Наполеона, распространявшихся среди его солдат и в стане его противников. Легендарная неуязвимость полководца на самом деле во многом является отражением его профессионализма. Молва сохранила такой эпизод из его жизни. В бою за Аркольский мост в ноябре 1796 г. вокруг него погибло более десятка солдат, включая адъютанта. Но его не поразил ни один снаряд не потому, что он был «заговорен», а потому, что в основе его действий лежал тонкий расчет. Первоклассный артиллерист, он точно знал, как, через какие промежутки стреляют австрийские пушки. И в эти промежутки он и проскакивал опасные участки.

Наполеон показал себя специалистом в области психологии воздействия на войска и население стран противника. Он считал, что «четыре газеты смогут причинить больше зла, чем стотысячная армия». Именно поэтому в его армии постоянно находилась походная типография мощностью до 10 тыс. листовок в сутки. В его трудах содержатся яркие, во многом и сегодня актуальные наблюдения, характеризующие национально-психологические особенности воинов разных стран: французов, русских, пруссаков, австрийцев, арабов и др.

Полководец оставил много интересных мыслей, относящихся к пониманию и учету солдатской психики и поведения. Некоторые из них стали своеобразными формулами. Например: «Путь к сердцу солдата лежит через его желудок», «в ранце каждого солдата лежит маршальский жезл», «на войне моральный фактор относится к физическому, как три к одному» и др.

---

[1] *Коупленд Н.* Психология и солдат. М., 1991. С. 28—29.

Богатый опыт использования «человекознания» в военно-прикладных целях содержится в военно-психологическом наследии полководцев разных времен и народов: греческого стратега Мильтиада, спартанского царя Леонида, персидских вождей Кира Великого и Ксеркса, франкского короля Карла Великого, английского короля Ричарда I Львиное сердце, шведского короля Густава Адольфа, немецкого короля Фридриха Великого, испанского полководца Гонсало Фернандеса де Кордоба, английского адмирала Горацио Нельсона, французского маршала Мишеля Нея, прусского маршала Хельмута Карла Бернхарда фон Мольтке. Бесценные военно-психологические идеи содержатся в трудах Н. Макиавелли. Великолепные военно-психологические идеи высказаны Г. Жомини, генералом, военным теоретиком и практиком, который рассматривал моральный фактор как главный показатель силы и устойчивости армии и предлагал выделить в военной науке специальную отрасль знания — «политику (философию) войны».

В своем трактате «О войне» К. фон Клаузевиц, по существу, изложил «психологическую военную науку». По его мнению, психологической является цель войны, ибо война — это акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю. Военное искусство имеет дело с живыми людьми и моральными силами. Военная деятельность никогда не бывает направлена против одной лишь материи, а всегда в то же время и против моральных сил, одухотворяющих эту материю. Клаузевиц анализирует движущие силы бойца: мужество, страх, смелость, долг, хитрость и др. Его труд наполнен пафосом того, что военные теории должны перенестись в царство духа, так как невозможно, например, объяснить действие любой победы сколько-нибудь удовлетворительно, не принимая во внимание ее морального впечатления.

Интересный и самобытный опыт накопления и практического применения психологических знаний в военном деле принадлежит полководцам и государственным деятелям ***Древней Руси*** и ***России***. В глубокой древности сложились пронизанные своеобразными «психологическими открытиями и рекомендациями», поучительные для воинов сказания и легенды о Святогоре, Илье Муромце, Алеше Поповиче, Добрыне Никитиче, Микуле Селяниновиче и др. Психологические познания о поведении человека в бою содержатся в «Слове о полку Игоревом», в документах, описывающих походы киевских князей Олега и Игоря на Царьград (Константинополь).

Тонкими знатоками человеческой психологии и творцами военно-психологического искусства проявили себя выдающиеся российские полководцы Александр Невский, Дмитрий Донской, Петр Великий, П. А. Румянцев, М. И. Кутузов, М. Д. Скобелев, флотоводцы адмиралы С. О. Макаров, П. С. Нахимов, Ф. Ф. Ушаков, Д. Н. Сенявин и др.

Самым выдающимся русским полководцем и величайшим военным психологом по праву считается ***Александр Васильевич Суворов*** (1730—1800).

В эпоху тотального увлечения армий муштрой, когда идеальный солдат представлялся в виде бессознательного, бесчувственного, бессловесного автомата, а идеальная армия в виде бездушного механизма, где все раз-

мерено «на вершки и дюймы» (от подъема носка до длины косы), когда главными средствами воспитания бойца были палка и виселица, Суворов поставил в центр военного искусства, науки и практики побеждать врага мыслящего, «знающего свой маневр», верующего в Бога, верящего в свою страну, в свою армию и в самого себя, активного бойца — «чудо-богатыря». Суть суворовской военной науки — сделать из новобранца настоящего воина, не ломая в нем человека и не превращая его в бездушный автомат.

В главной формуле суворовских побед «глазомер, быстрота, натиск» на первом месте стоит «глазомер», т.е. способность командиров и бойцов видеть и понимать бой. В тактике русского военного гения содержится непревзойденное искусство использовать психические возможности своих воинов. Суворовская «Наука побеждать» поражает своим стилем, близким современному НЛП — нейро-лингвистическому программированию. Ее текст на первый взгляд кажется странным. Однако, по оценкам специалистов, именно благодаря этой «странности» слова суворовской науки глубоко западали в душу русского солдата, превращались в военные поговорки, словесные формулы, боевые настрои.

Чисто психологическая категория «внезапность» становится у Суворова главным условием достижения победы в бою. «Деньги дороги, жизнь человеческая еще дороже, а время дороже всего» — это важнейшая формула суворовского военного искусства. И время здесь — не самоцель, а средство достижения победы малой ценой, средство сохранения жизней русских солдат. Ибо «быстрота и внезапность заменяют число». «Штыки, быстрота, внезапность!.. неприятель думает, что ты за сто, за двести верст, а ты, удвоив шаг богатырский, нагрянь быстро, внезапно. Неприятель поет, гуляет, ждет тебя с чистого поля, а ты из-за гор крутых, из-за лесов дремучих налети на него, как снег на голову, рази, тесни, опрокинь, бей, гони, не давай опомниться; кто испуган, тот побежден вполовину; у страза глаза большие; один за десятерых покажется. Будь прозорлив, осторожен, имей цель определенную»[1].

Для того чтобы солдат преодолевал любые препятствия войны, побеждал малой кровью, Суворов создал великую русскую школу психологической подготовки, к которой лишь сегодня вновь начинают обращаться современные командиры и психологи. Ее суть состоит в том, чтобы ковать победу до боя, целенаправленно моделировать конкретные боевые и психологические факторы предстоящего сражения в процессе боевой подготовки и тренировать воинов в выполнении конкретных боевых функций в системе четко прописанного боевого взаимодействия. Так, *фактор опасности* моделировался в ходе сквозных маневров и атак. Войска делились на две части и вставали напротив друг друга на некотором удалении. По команде они двигались навстречу друг другу в развернутом строю или колоннах. Метров за сто друг от друга пехотинцы переходили на бег, а кавалерия — в галоп. Солдаты проносились рядом друг с другом со штыками наперевес, порой задевали друг друга локтями, плечами, вышибали из седел кавалеристов, получали легкие травмы. Такие атаки были насыщены опасностью, нередко заканчивались ушибами, вывихами, переломами, что способство-

---

[1] Цит. по: *Макаров О. М.* Рассуждения по вопросам морской тактики. М., 1943. С. 140.

вало развитию сноровистости, изворотливости, смелости, гибкости, силы, обостренного зрительного восприятия, формированию боевых рефлексов. Они проводились как днем, так и ночью. По оценкам специалистов, «для войск, выдержанных на суворовских маневрах, бой не представлял ничего нового. Действительно, кавалерия получала навыки атаковать дерзко и неустрашимо, пехота — встречать атаку спокойно и хладнокровно. Подобные солдаты атаковали холодным оружием в деле, как на маневре; при таком способе образования рекруты стоили старых выдержанных солдат»[1].

Важнейший суворовский принцип *«тяжело в учении — легко в бою»* нацеливал на моделирование *фактора «напряженности»* в ходе боевой учебы. Суворовские воины тренировались совершать пешие переходы на большие дистанции с рекордными для того времени скоростями, многократно отрабатывали приемы предстоящих действий.

Другой известный суворовский принцип *«учить тому, что необходимо на войне»* реализовывался в том, что его солдаты учились метко стрелять, работать штыком, тренировались преодолевать рвы, крепостные стены, другие заграждения, действовать в атаке и обороне. Учитывая, что точность стрельбы была в то время крайне низка, Суворов учил своих солдат отдавать предпочтение штыку: «Береги пулю на три дня, а иногда и на целую кампанию, когда негде взять. Стреляй редко, да метко, штыком коли крепко; пуля обмишулится, а штык не обмишулится; пуля — дура, а штык молодец!»[2]

Особо ценным является суворовский опыт *моделирования взаимодействия воинов в бою* как реализация принципа *«каждый должен знать свой маневр»*. Готовясь брать крепость, Суворов приказывал строить фрагменты аналогичной крепостной стены, крепостного рва, полевых заграждений и тренировал действия воинов по группам задач: одни учились покрывать плетнями засеки, другие забрасывали фашинами рвы, третьи бросали на стены лестницы, четвертые вели огонь по противнику. В ходе отработки боевого взаимодействия в подсознание бойцов внедрялись суворовские формулы, оживавшие в ходе сражения: «Ломи через засек, бросай плетни через волчьи ямы, быстро беги! Прыгай через палисады, бросай фашины, спускайся в ров, ставь лестницы! Стрелки, очищай колонны, стреляй по головам колонны, лети через стены на вал, скалывай на валу, вытягивай линию! Караул к пороховым погребам! Отворяй ворота коннице! Неприятель бежит в город, его пушки обороти по нем. Стреляй сильно в улицы, бомбардируй живо, недосуг за этим ходить! Приказ: спускайся в город, режь неприятеля на улицах, конница, руби, в дома не ходи, бой на площадях, штурмуй, где неприятель засел; занимай площадь, ставь гауптвахты, расставляй в миг пикеты к воротам, к погребам, к магазинам; неприятель сдался — пощада!»[3]

Суворов всячески внушал войскам чувство уверенности в себе, ибо *«на себя надежда есть основание храбрости»*. Поэтому он всегда бодрил войска, никогда не угрожал им. Анализируя способы психологического

---

[1] Цит. по: *Макаров О. М.* Рассуждения по вопросам морской тактики. С. 143.

[2] *Суворов А. В.* Наука побеждать // Не числом, а умением! Военная система А. В. Суворова. М., 2001. С. 29.

[3] Там же. С. 27.

воздействия на подчиненных, один из первых отечественных военных психологов Р. Дрейлинг отмечает, что вместо страха он использовал добродушную насмешку, острое меткое словцо или обрекал свое требование в граненую форму народной поговорки или пословицы. Сегодня уже трудно определить, где суворовская формула-метафора, а где использованная им народная мудрость. Но сегодня, по праву, суворовскими считаются крылатые заветы: «Обучать только тому, что необходимо на войне»; «Время дороже всего»; «Быстрота и натиск — душа настоящей войны»; «Неприятеля, просящего пощады, щадить; безоружных не убивать; с бабами не воевать; малолеток не трогать; не меньше оружия поражать неприятеля человеколюбием»; «Держи голову в холоде, живот — в голоде, а ноги — в тепле», «Солдат дорог! Береги здоровье!»; «Ученье — свет! Неученье — тьма!»; «Дело мастера боится!»; «За ученого трех неученых дают. Нам мало трех! Давай нам шесть, давай нам десять на одного!»; «Всех побьем, повалим, в полон возьмем»; «У страха глаза велики»; «От немогузнайки много, много беды!»; «Сам погибай, а товарища выручай!» и др.

Особое внимание полководец обращал на развитие самостоятельности у командиров всех звеньев. Ни один полководец в истории войн и военного искусства не делегировал столь обширные права подчиненным. Более того, он строго предупреждал: «Спрашиваться старших накрепко запрещено, но каждому постовому командиру в его окруженности делать мятежникам самому собой скорый и крепкий удар под взысканием за малую деятельность». Следует отметить, что в отношении предоставления младшим командирам самостоятельности, Суворов опередил свое время почти на три столетия.

Суворов отверг «осадную психологию», доминирующую в боевой практике того времени. Он доказывал на практическом опыте, что армия несет значительно меньшие потери, совершая быстрые дальние переходы и молниеносные внезапные атаки, чем от болезней во время длительной осады.

Опыт современных войн показывает, что «суворовская» атака «с налета» остается лучшей по духу и силе формой атакующих действий. В этой тактической форме реализован известный психологический принцип — «Порыв не терпит перерыва». Перерыв напряжения — это «пробуждение загипнотизированного. При каждой остановке, ощущение, охватившее наступающего, идея в нем господствующая, ослабевает. Сознание опасности начинает вставать перед очами остановившихся во всем ее ужасе и надо затрачивать снова огромную психическую работу, чтобы поставить идею движения в исключительно господствующее положение. Чем остановка дольше, чем внимание и ожидание сосредоточеннее, тем и страх больше»[1].

Соединяя воедино повседневную жизнь воина и его боевую деятельность, Суворов выстраивал своеобразную «траекторию» достижения победы над противником: «Субординация (Послушание), Экзерциция (Обучение), Дисциплина (Ордер воинский), Чистота, Здоровье, Опрятность, Бодрость, Смелость, Храбрость, Победа!»[2]

---

[1] *Байков Л. Л.* Свойства боевых элементов и подготовка войск к войне и бою. Одесса, 1910. С. 78–79.

[2] *Суворов А. В.* Наука побеждать. С. 30.

Не случайно, оценивая русского солдата суворовской боевой школы, Наполеон Бонапарт искренне восклицал: «Дайте мне русских солдат, и я с ними завоюю весь свет. Русских солдат можно уничтожить, но не победить!»

Используя талант знатока и повелителя солдатских душ, Суворов побеждал турок, поляков, французов, мятежников. Умный, храбрый, выносливый, он не проиграл ни одного сражения, хотя нередко сталкивался с превосходящими силами противника. В 1789 г. при р. Рымнике он разбил турецкую армию, четырехкратно превосходившую его войско по численности. В 1790 г. он взял считавшуюся неприступной крепость Измаил. В 1799 г. разбил французские войска при Кассано, на р. Треббий и при Нови.

Таким образом, военное искусство полководцев прошлого строится на прочной основе психологического знания, что дает возможность говорить о «военно-психологическом искусстве», т.е. совокупности военных и психологических знаний полководца, интегрированных в его мировоззрении и реализующихся в управлении войсками. Военно-психологическое искусство является результатом целенаправленного «вплетения» более или менее систематизированных психологических знаний в военную тактику, оперативное искусство и стратегию и представляет собой эмпирическую военную психологию. Систематизированные военно-психологические идеи полководцев прошлого, документально зафиксированные факты, связанные со способом и стилем принятия решений, мобилизацией духовных сил воинов, целенаправленным воздействием на психические состояния, мотивацию и волю войск противника составляют бесценную сокровищницу современной практической военной психологии.

Рекомендуемая литература

Геродот. История // Геродот. Фукидид. Ксенофонт. Вся история Древней Греции. — М. : АСТ, 2009.

Ливий, Т. История от основания Рима // Историки античности : в 2 т. — М. : Правда, 1989. — Т. 2. — С. 51—186.

Плутарх. Избранные жизнеописания : в 2 т. — М. : Правда, 1987. — Т. 1. — С. 449.

Руф, К. К. История Александра Македонского // Историки античности : в 2 т. — М. : Правда, 1989. — Т. 1.

Светоний, Г. Т. Жизнь двенадцати цезарей // Историки античности : в 2 т. — М. : Правда, 1989.

Суворов, А. В. Наука побеждать // Не числом, а умением! Военная система А. В. Суворова. — М. : ВУ, 2001.

Сунь-Цзы. Искусство войны: стратегия и тактика победителя. — М. : Эксмо, 2003.

Практикум

Контрольные и аналитические вопросы

1. Как можно определить военно-психологическое искусство?
2. Что составляет военно-психологический репертуар боевых практиков прошлого?
3. Какие визуальные средства использовали древние воины для психологического воздействия на противника?

4. Как формировались боевые кличи воинов разных народов?

5. Как психологическое знание объективировалось в тактических построениях войск?

6. Как использовались в целях введения противника в заблуждение существовавшие в прошлом тактические нормативы?

7. Каково значение исторического анализа для понимания сегодняшнего состояния и перспектив развития военной психологии?

8. На каком основании можно разделить историю военной психологии на этапы (периоды)?

9. Какие психологические эффекты возникают при окружении войск?

10. Римляне модернизировали македонскую фалангу, максимально сократив количество рядов в боевом построении. Какая психологическая причина послужила этой модернизации?

11. История зафиксировала случаи использования верблюдов в качестве средства психологического воздействия. На кого нацеливалось это воздействие?

12. Как сказки и мифы влияют на военно-психологическое искусство полководцев?

Практические задания

1. Главной формой боевого построения македонской пехоты была фаланга — сугубо психологическая тактическая форма. Фаланга позволяла ставить в боевой строй даже мало обученных и довольно слабо вооруженных воинов из крестьян и инородцев. Достаточно было, что четверть (25%) фаланги составляли высоко подготовленные боевые профессионалы. Сила фаланги заключалась не в героизме отдельных личностей, как практиковалось у эллинов, а в подчинении всех личностей решению общей боевой задачи. Поэтому в ее рядах было практически невозможно совершить индивидуальный подвиг, однако не менее трудно было вести себя как трус[1].

Фаланга — неудобное, неповоротливое построение, насчитывающее тысячи человек, образующих от 16 до 32 рядов, но построение эффективное. Специалисты считают, что основные факторы эффективности — психологические.

Попробуйте провести психологический анализ фаланги как формы совместной деятельности, оцените ее влияние на: а) мотивацию, б) психические состояния, в) координацию действий воинов, г) психическое состояние противника.

2. В таблице ниже приведены рекомендации известного древнекитайского военного теоретика и практика Сунь-Цзы[2] по психологическому разложению враждебного государства и речь одного из основателей, а позднее директора Центрального разведывательного управления США А. Даллеса[3] (1948), ставшая своеобразной программой разложения Советского Союза и социалистического лагеря.

Проведите их сравнительный психологический анализ.

Сунь-Цзы	А. Даллес
— Разлагайте все хорошее, что имеется в стране противника. — Вовлекайте видных представителей вашего противника в преступные предприятия.	Посеяв там хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности поверить. Как? Мы найдем единомышленников... Найдем союзников и помощников

---

[1] Македонские фалангиты. URL: http://ru.warriors.wikia.com/wiki/%D0%9C%D0%B0%D0%BA%D0%B5%D0%B4%D0%BE%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5_%D1%84%D0%B0%D0%BB%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D0%B8%D1%82%D1%8B (дата обращения: 08.02.2016).

[2] *Сунь-Цзы.* Искусство войны: стратегия и тактика победителя. С. 367—368.

[3] Информационно-аналитический бюллетень: специальный выпуск. М., 1998. С. 216.

Сунь-Цзы	А. Даллес
— Подрывайте их престиж и выставляйте в нужный момент на позор общественности. — Используйте сотрудничество самых подлых и гнусных людей. — Разжигайте ссоры и столкновения среди граждан вражеской страны. — Подстрекайте молодежь против стариков. — Мешайте всеми средствами деятельности правительства. — Препятствуйте всеми способами оснащению, обеспечению и наведению порядка в вооруженных силах. — Обесценивайте все традиции и богов ваших врагов. — Посылайте женщин легкого поведения, чтобы дополнить дело разложения. — Будьте щедры на предложения и подарки для покупки информации и сообщников, не экономьте ни на деньгах, ни на обещаниях, так как они приносят богатые дивиденды	в самой России. Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на земле народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания. Мы будем всячески поддерживать и поднимать так называемых художников, которые станут насаждать культ секса, насилия, садизма, предательства, словом, всякой безнравственности. В управлении государством мы создадим хаос и неразбериху. Мы будем незаметно, но активно способствовать самодурству чиновников, взяточников, беспринципности. Бюрократизм и волокита будут возводиться в добродетель. Честность и порядочность будут осмеиваться и превратятся в пережиток прошлого. Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркомания, животный страх друг перед другом и беззастенчивость, предательство, национализм и вражду, прежде всего вражду и ненависть к русскому народу, — все это мы будем ловко и незаметно культивировать, все это расцветет махровым цветом

Глава 2
СТАНОВЛЕНИЕ НАУЧНОЙ ВОЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ И ВОЕННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ

В результате освоения материалов данной главы студент должен:

знать

• содержание первых научных военно-психологических идей отечественных и зарубежных военных психологов;

• основные уроки и выводы из опыта военной психологии в годы Русско-японской войны;

уметь

• осуществлять самостоятельный анализ научных взглядов и подходов психологов периода «романтизма» к пониманию миссии, предмета, задач и методов военной психологии;

• использовать исторический опыт военной психологии для анализа ее современного состояния;

владеть

• навыками критического анализа достижений и ошибок первого опыта научной военной психологии;

• навыками работы с исторической военно-психологической литературой.

2.1. Обретение военной психологией статуса науки

Военная психология за рубежом. Официальной точкой отсчета начала истории научной психологии является 1879 г., когда известный немецкий психолог В. Вундт создал в Лейпциге первую экспериментальную психологическую лабораторию, положившую начало экспериментальному исследованию психических явлений. С появлением в системе научного знания отдельной науки — психологии, начала формироваться такая ее отрасль, как военная психология.

Военно-политическая обстановка, сложившаяся к середине XIX в., создавала исключительно благоприятную почву для развития военно-психологических идей. Еще активно переосмыслялись итоги Крымской войны (1853—1856). Еще памятны были кровопролитные сражения гражданской войны в США (1861—1865). Еще слышны были отголоски франко-прусской (1870—1871) и русско-турецкой (1877—1888) войн. Мир буквально полыхал десятками больших и малых военных пожаров, в которых человеческий дух и плоть подвергались чудовищным испытаниям.

В этих больших и малых войнах впервые отчетливо проявились и подверглись научному анализу психологические обстоятельства и явления, характеризующие боевые действия. В ходе Крымской войны русские воен-

ные врачи столкнулись с феноменом массовых психологических потерь, что подготовило рождение военной психиатрии. Эта война также остро поставила вопрос о природе страха и психологической готовности к бою.

На полях гражданской войны в Америке было впервые обращено пристальное внимание на характер психологического влияния войны и боя на солдат и описано явление «ностальгии» как психологического следствия войны. Американские военные врачи столкнулись с массовой симуляцией бойцами болезней как способом избежать участия в боевых действиях, фантомными болями у ампутантов, острыми и хроническими маниями, солнечными ударами. В ходе этой войны остро проявились проблемы, связанные со злоупотреблением и зависимостью от алкоголя, опиума, хлоралгидрата, кокаина, морфина, а также с абстиненцией[1].

Американский хирург Джекоб Мендес Да Коста на основе обследования 300 участников гражданской войны в Америке открыл синдром психологических последствий участия человека в войне, который назвал «раздраженное сердце». Впоследствии этот синдром называли «солдатское сердце», «сердечный невроз», «хроническая астения», «синдром усилия», «соматоформное расстройство», «соматоформная автономная дисфункция» и, естественно, «синдромом Да Коста». Открытый синдром характеризовался рядом симптомов, свойственных болезни, но обследование не выявляло физиологических нарушений. Участники войны, страдавшие синдромом Да Коста, жаловались на хроническую усталость, учащенное сердцебиение, одышку, дрожь, повышенное потоотделение, боль в левой стороне груди, лихорадку, диарею. Симптомы редуцировали в случае, если военнослужащие попадали в безопасную и менее напряженную обстановку.

Ряд исследователей высказали предположение, что перечисленные симптомы вызываются тяжестью боевой амуниции солдата, давящей на плечи и особенно на грудь. В связи с этим для восстановления воинов предлагалось улучшение физических кондиций и позы, занятие физкультурой, ношение свободной одежды, правильное распределение веса боевой амуниции, избегание лежания на левой или правой стороне, что должно было снизить нагрузку на грудь и боль в сердце.

В середине 1880-х гг. был основан Правительственный госпиталь США для военнослужащих с душевными расстройствами (*The United States Government Hospital for the Insane*, USGHI), также известный как Госпиталь святой Елизаветы (*St. Elizabeth's Hospital*). Этот госпиталь функционирует и сегодня.

В ожесточенных военных баталиях в сердце Европы зрело понимание роли «нравственных сил» в достижении победы над врагом. Не случайно в это время в разных странах отмечалось большое количество попыток командиров, военных врачей, других военных специалистов и ученых осмыслить «моральный фактор» войны с позиций военной психологии.

Одним из центров психологического осмысления войны и боя стала Франция, драматически переживавшая поражение в франко-прусской

---

[1] Military psychology: Clinical and Operational Applications / ed. by C. H. Kennedy, T. A. Zillmer. N. Y. ; L., 2006. C. 3.

войне. Работы французских боевых командиров направлены на понимание психологических причин побед и поражений, доблести и бесславия. Великолепным примером является работа французского полковника Ш. Ардана дю Пика «Этюды о бое», изданная в 1902 г. в Варшаве под названием «Исследование боя в древние и новейшие времена» более чем через 30 лет после гибели автора в бою. По мнению дю Пика, «в конечном исследовании бой принадлежит к явлениям нравственного порядка». Если бой составляет конечную цель армий, то «человек есть первое орудие боя; без точного знания человека и его нравственного состояния в решающий момент боя — невозможно ничего разумно установить в армии, в ее устройстве, дисциплине, тактике»[1]. В книге дю Пика анализируются все важнейшие составляющие психологической стороны боя, даются ответы на вопросы о том, как бой воздействует на поведение воина, что заставляет его самоотверженно сражаться, как тактические формы влияют на настроение и боевую активность воинов, какова роль групповой сплоченности, умелого руководства, воинской дисциплины в достижении победы над противником, как нужно психологически готовить воинов к бою, каково влияние религии, этнопсихологических особенностей на боевую активность воинов и др. Военно-психологические идеи дю Пика сегодня кажутся абсолютно современными и, одновременно, не до конца оцененными. В них содержится материал для серьезных рассуждений.

О необходимости тщательного учета морального фактора при подготовке и ведении боя, руководстве войсками, путях формирования эффективных воинов говорится в военно-психологическом труде генерала Л. М. Гоше «Очерк психологии войсковой части и командования» (1910), в работе Дю Тейля «Психология командования» (1911) и др. Известный французский психолог Гюстав Лебон пошел добровольцем на франко-прусскую войну в качестве фронтового врача и обобщил свои наблюдения о поведении человека в экстремальных условиях сокрушительного военного поражения, психологических факторах эффективного военного руководства. В 1916 г. вышел его труд «Психология Великой войны». Эта работа стала не только признанным учебным пособием в военно-образовательных учреждениях Франции, но и, наряду с его «Психологией толп» (1895), определила теоретико-методологические основы французской военной психологии. За участие в войне Лебону присвоено звание Кавалера Ордена Славы.

В предисловии к блестящей работе румынского военного врача М. Кампеано «Опыт военной психологии, индивидуальной и общей», вышедшей в Санкт-Петербурге в 1902 г., французский генерал Ф. Канонж писал, что нравственная сила ставилась на первое место всеми гениальными военными людьми.

В конце XIX — начале XX в. в Германии, Великобритании появились научные статьи и книги, обращавшиеся к анализу психологической стороны войны и боя. Английский специалист Е. де Грей (1864—1868) предпринял изучение синдрома Да Косты.

---

[1] Цит. по: *Ардан дю Пик.* Исследование боя в древние и новейшие времена. Варшава, 1902.

В 1893 г. вышли в свет работы «К вопросам психологии большой войны» К. фон Биндер-Кригельштейна и «Психологические элементы в наступлении и обороне» Ф. фон Лихтенштейна, в 1915 г. — «Психология войны» Г. П. Патрика, «Психология войны» Б. Эльтинге, в 1916 г. — «Стадные инстинкты в дни мира и войны» В. Троттера, «Толпа времен мира и войны» М. Конвея.

В упомянутой выше книге М. Кампеано «Опыт военной психологии, индивидуальной и общей» автор анализировал индивидуально-психологические, социально-психологические и управленческие компоненты достижения победы в бою, психологические особенности войск по родам оружия, видов боевых действий (наступление, оборона), марша и др.

Многие известные военачальники и боевые командиры, анализируя факторы достижения победы в бою, все чаще и чаще обращались к таким категориям, как «нравственная сила», «моральная сила», «психология» и т.д.

Военная психология в России. Главным центром развития военно-психологической теории и практики на этапе ее становления как науки стала Россия.

В развитии отечественной военной психологии по основанию «степень активности военно-психологической науки и социальное признание ее возможностей и роли в решении государственных задач» можно выделить ***четыре основных этапа***:

1) *этап романтизма* (конец XIX в. — 30-е гг. XX в.) характеризуется высокой активностью военных психологов в разработке теоретико-методологических основ военной психологии, безграничной верой военных психологов в возможности и перспективы военной психологии и умеренным социальным признанием ее возможностей и роли в укреплении обороноспособности государства;

2) *этап анабиоза* (30-е — начало 60-х гг. XX в.) — практическое запрещение военной психологии, существование военно-психологического знания в рамках философии, военной науки, физиологии и педагогики;

3) *этап становления* современной военной психологии (начало 60-х — начало 90-х гг. XX в.) — осознание обществом и военным руководством страны возможностей военной психологии, начало фронтального научного исследования военно-психологической проблематики, разработка теоретико-методологических основ современной военной психологии;

4) *этап развития* теории и практики военной психологии (90-е гг. XX в. — по настоящее время) — признание высокой роли военной психологии в обеспечении боеготовности и боеспособности ВС РФ, создание психологической структуры (службы), существенное расширение предметного поля военной психологии и проблематики военно-психологических исследований[1].

Имеется достаточно оснований говорить о том, что *военная психология как наука и практика зародилась именно в России.*

---

[1] См.: *Караяни А. Г., Сыромятников И. В.* Введение в профессию военного психолога. М., 1997.

Во-первых, в России был создан первый в истории специальный орган, ориентированный на осуществление военно-психологических исследований и разработку методов военной психологии. В 1908 г. в рамках Общества ревнителей военных знаний[1] был учрежден Отдел военной психологии. Председателем Отдела стал военный врач-психиатр, психолог, психофизиолог *Герасим Егорович Шумков*, который по его вкладу в развитие военно-психологической теории и практики, сплочение российского военно-психологического сообщества по праву считается основателем военной психологии. Его ближайшими соратниками были Р. К. Дрейлинг, В. Н. Полянский и другие исследователи, внесшие весомый вклад в создание военной психологии.

Таким образом, в России появились первые специалисты, которые назывались военными психологами.

Во-вторых, данным Отделом был принят первый в истории официальный военно-психологический документ — Устав Отдела военной психологии. В уставе констатировалось, что Отдел военной психологии имеет целью разработку военной психологии как отрасли общих и военных наук, исследующей духовную сторону явлений войны и наилучшую подготовку и использование психической стороны — сил, средств и способов вооруженной борьбы.

В-третьих, российские военные психологи первыми разработали программу строительства военной психологии, организовали первые исследования и дискуссии по важнейшим направлениям приложения психологических знаний к практике боевой деятельности войск. За четыре года (1908—1912) состоялось 50 заседаний Отдела, были прочитаны и обсуждены доклады по проблемам военной психологии, опубликовано более десятка работ, отражающих результаты военно-психологических исследований сотрудников отдела.

Жизнь военно-научного сообщества России в начале XX в. буквально кипела. В журнале «Военный сборник», газете «Военный инвалид» регулярно печатались военно-психологические работы. На страницах этих и других изданий шла острая дискуссия о предмете, задачах, методах военной психологии, о психологических особенностях влияния боя на поведение военнослужащих и т.д. К началу военных событий по различным проблемам военной психологии выступило более 150 авторов. Общее количество военно-психологических монографий, статей и выступлений превышало пять сотен. Динамика интереса ученых, командиров, военных врачей к военно-психологическим проблемам отражается в следующих фактах: после 1861 г. в среднем в год выходила одна военно-психологи-

---

[1] Общество ревнителей военных знаний было создано в 1898 г. в Петербурге во главе с военным историком А. З. Мышлаевским для популяризации военных знаний, разработки вопросов военной науки и истории. В Обществе насчитывалось порядка 40 тыс. членов, входивших в десятки региональных организаций. За время функционирования Общества состоялось 330 заседаний, которые посетило более 70 тыс. человек. Члены Общества собрали огромную библиотеку военных книг и опубликовали 68 изданий тиражом около 56 тыс. экземпляров. Таким образом, Общество являлось эффективным пропагандистом военных знаний.

ческая публикация, после 1896 г. — две-три, в период 1900—1904 гг. — четыре-пять, в 1905—1909 гг. — 10—12, после 1910 г. — двадцать пять и более публикаций в год[1].

В 1907 г. военный историк, социолог, психолог и военачальник *Николай Николаевич Головин* защитил диссертацию по военной психологии («Исследование боя. Исследование деятельности и свойств человека как бойца») на звание экстраординарного профессора Николаевской академии Генерального штаба. В диссертации Головин, одним из первых, на обширном статистическом материале обосновал важность моральных и духовных качеств военнослужащего.

На русский язык переводились военно-психологические труды зарубежных авторов, в ряде военных училищ и академий был введен курс военной психологии, читался курс военной психологии и велись исследования лабораторией при Музее ведомства военно-учебных заведений, военные психологи приглашались на психологические форумы. С осени 1896 г. в Николаевской военной академии начали читать курс лекций по психологии.

Отечественная военная психология впитала в себя всю палитру военно-психологических идей, которыми располагало к концу XIX в. мировое военно-психологическое искусство.

Важнейшим результатом работы Отдела военной психологии Общества ревнителей военных знаний была разработка, распространение и анализ анкет для участников Русско-японской войны об их впечатлениях и переживаниях в ходе боевых действий. В преамбуле анкеты подчеркивалось, что война со всей очевидностью продемонстрировала, что «для успеха на войне и для понимания бойца как личности необходимо детальное знакомство с психологией бойца, т.е. с тем моральным элементом, о котором столько трактуют, но совершенно не изучают, признавая искусство пользования им уделом лишь исключительно военных талантов»[2].

Простой перечень вопросов анкеты указывал на масштаб интереса российских военных психологов к психологическому измерению боя. Психологическому анализу подвергались психические состояния воинов на различных этапах боевых действий: при получении приказа на выступление с бивака в бой; при выдвижении к рубежу боевых действий при отсутствии воздействия противника; во время ожидания вне огня; при движении и стоянии под огнем ружейным (дальним, ближним, залповым и т.д.), пулеметным, артиллерийским (шимозами, шрапнелями, бомбами и тд.); влияние звуков, полет снарядов, их разрывов, отравления газами; влияние сосредоточенного огня по площадям на боевые части, резервы, обозы и т.д.; душевные состояния при действии нашей артиллерии и противника; при штурме и штыковом ударе; при успехе и неуспехе, при ясной задаче и неизвестности; при долгой стоянке на месте; при голоде, недоедании, жажде, недосыпании; при обороне (влияние окопов, искусственных препятствий,

[1] См.: Военная психология: методология, теория, практика : в 2 ч. М., 1998.

[2] *Дружинин К. И.* Исследование душевного состояния воинов в разных случаях боевой обстановки по опыту Русско-японской войны 1904—1905 гг. СПб., 1910. С. 1.

местных предметов, закрытий, бойниц, фугасов и т.д.); при получении сведений об обходе, фланговом (тыльном) огне; состояние духа после ранений и потерь (первых и последующих); состояние после боя, ожидание нового боя; стихийный порыв вперед (как и чем был вызван); паника во время боя, причины ее возникновения и меры прекращения; действие на состояние духа религиозных чувств, любви к Родине, чувства долга, самолюбия, стыда, взаимной выручки, наград, дисциплины, взысканий и т.п.; влияние алкоголя на состояние в бою, до и после него; виды и динамика заболеваний; душевные состоянии в ночном бою, при внезапном нападении противника.

На то время это была самая масштабная в истории военной науки и психологии попытка познать психологическую реальность боя. Одновременно это был крупнейший в истории отечественной военной психологии исследовательский проект. За всю последующую ее историю она не ставила перед собой столь грандиозных задач.

Некоторые ответы на разосланную анкету представляли собой полноценные военно-психологические труды. В них сформулированы своеобразные уроки для будущих поколений российских военных ученых, командиров, психологов.

В-четвертых, в России, в рамках первого, «романтического», этапа развития военной психологии (конец XIX в. — 30-е гг. XX в.) было предпринято беспрецедентное по масштабам осмысление учеными (военачальниками, военными врачами) возможностей приложения психологического знания к боевой практике войск, были сформулированы основные военно-психологические гипотезы, очерчено предметное поле военной психологии, разработаны методы военно-психологических исследований, сделаны первые попытки энтузиастов применить выводы и рекомендации психологической науки в военном деле.

В России появилась первая психологическая работа, посвященная анализу войны — книга Д. А. Коробчевского «Психология войны» (1892). В ней была сделана попытка применить социально-психологический метод к пониманию такого сложного социального явления, как война, выявить факторы боевитости различных рас и этносов. Глубоко психологическими являются «Севастопольские рассказы» и «Война и мир» Л. Н. Толстого, которого некоторые зарубежные специалисты считают созидателем военной психологии.

В это время в трудах Л. Л. Байкова, А. А. Бильдерлинга, Г. И. Бутакова, А. Д. Бутовского, К. М. Вольфа, С. К. Гершельмана, Н. Н. Головина, А. М. Дмитревского, М. И. Драгомирова, К. И. Дружинина, В. В. Заглухинского, А. С. Зыкова, П. И. Изместьева, А. А. Керсновского, Н. А. Корфа, Н. В. Краинского, П. А. фон Ланга, Г. А. Леера, С. О. Макарова, И. П. Маслова, Н. П. Михневича, А. А. Мокржецкого, В. Н. Полянского, А. С. Резанова, Н. А. Ухач-Огоровича, Г. Е. Шумкова, а позже — в работах Р. К. Дрейлинга, В. Н. Доманевского, Н. В. Колесникова, П. Н. Краснова, А. А. Попова, Г. Д. Хаханьяна, Б. А. Штейфона активно анализируется спонтанный, несистематизированный опыт психологической подготовки, поддержки, реабилитации воинов, психологического противоборства с противником

в войнах предшествующих эпох, Русско-японской войны, Первой мировой войны.

Например, Г. Е. Шумков отмечал, что науку о душе человека вообще называют психологией. Вполне правильно науку о душе воина назвать военной психологией. Корф определял военную психологию как отрасль военной науки, изучающую душевные явления в их связи с боевой деятельностью, предмет которой не охватывается психологией мирного времени.

Шумков очерчивал объектно-предметное поле военной психологии: «Область, подлежащая нашему научному исследованию, есть бой, центральное место в котором занимает боец. Психика его, его свойства и деятельность во время боя составляют для нас задачу»[1]. Далее, в границах этой области выделяются две составляющие: 1) *психология боя*, призванная детально изучать психику воинов во время сражений и вырабатывать принципы, которыми нужно руководствоваться во время боя; 2) *психология мирного времени*, разрабатывающая пути привития воинам в мирное время принципов, намеченных психологией боя. При этом методом изучения воина должен быть «метод одновременного изучения психики», позволяющий выявлять то, что переживает сам воин, как он проявляет себя в деятельности и какие изменения происходят в деятельности его организма. Этот метод включает наблюдение, самонаблюдение, исследование сосудистой и секреторной систем и состояния внутренних органов (дыхание, внешние проявления, деятельность кишечника, изменение ритма сердца и т.д.)[2], изучение рассказов и дневников участников и свидетелей боевых действий, фотографий эпизодов боя, документов и художественной литературы, отражающих обстановку и бойцов во время сражений[3].

Русскими военными психологами была четко сформулирована эвристическая *идея о приобретении войной все более психологического характера*.

В психологической литературе того времени понимание приоритетности психологической составляющей боевых действий обосновывалось тем, что, во-первых, психологической является цель боя; во-вторых, критерии победы или поражения есть явления чисто психологические; в-третьих, среди средств достижения тактических, оперативных и стратегических целей все более существенными становятся средства психологические; в-четвертых, последствия войны наиболее ощутимо проявляются в психологической сфере.

Шумков писал по этому поводу: «Прежнее понятие о бое как о насилии физическом, об истреблении противника, о захвате как цели приходится изменить и центр тяжести о насилии из области физической перенести в область психологическую»[4]. Оценивая уроки поражения в Русско-японской войне 1904—1905 гг., журнал «Русский инвалид» указывал на тот факт, что в будущих войнах «победу будут решать не снаряды и картечь, не смерть и раны, а “нервы”».

---

[1] *Шумков Г. Е.* Психика бойцов во время сражений. СПб., 1905. Вып. 1. С. 14.

[2] См.: *Шумков Г. Е.* Предмет и область военной психологии // Русский инвалид. 1910. № 270.

[3] *Шумков Г. Е.* Психика бойцов во время сражений. С. 38.

[4] *Шумков Г. Е.* Предмет и область военной психологии. С. 11.

По мнению военного писателя генерала Н. А. Корфа, подготовить бой, подготовить наступление — равносильно понятию «подорвать, расшатать, убить психические силы противника».

Полянский на основе исследования обширного статистического материала пришел к выводу о том, что победа и поражение в бою есть величины психологические и что достаточно в среднем физически вывести из строя 17—20% личного состава, чтобы заставить живых бойцов отказаться от продолжения боевых действий. Остальные 80% терпят, по его мнению, чисто психологическое поражение. Из этого следует вывод: цель боя — не обязательно убить, но обязательно — устрашить. В этой же связи Н. Н. Головин даже вводит в оборот специальный термин — «предел моральной упругости войск», под которым понимается способность частей и подразделений продолжать ведение боевых действий, несмотря на «кровавые потери».

Отсюда вытекает возможность практически использовать психологические средства для достижения победы над противником в бою. Выработка таких средств, по мнению Шумкова, является центральной задачей военно-психологической науки. Он отмечал: «Военная психология только тогда явится наукой, необходимой для полководца, когда она откроет ему секрет боевой силы или работоспособности бойца во всех фазах боевой обстановки, когда она выработает свои научные положения о моментах, понижающих и повышающих работоспособность... укажет средства борьбы с наступающим понижением силы в своих войсках и наметит моменты, способствующие угнетению и ослаблению своего противника»[1]. По существу здесь заложена мысль о том, что военная психология постольку и востребуется боевой практикой, поскольку способна психологическими средствами обеспечить ее потребности.

По широко распространенному в то время убеждению, война как социальное и психологическое явление строится на определенных закономерностях. Выражая эту мысль, Шумков писал о том, что на войне нет случайностей, все подчинено определенным законам как в сфере внешних явлений, так и в сфере психики. Поэтому в каждом бойце, по его мнению, необходимо признать личность, подвергающуюся изменениям под влиянием обстановки. При этом следует учитывать, что абсолютной воли бойца не существует, а есть его поступки, безусловно, подчиняющиеся закону причинности. На основании этого делается вывод о том, что *необходимы специальное психологическое обоснование принимаемых боевых решений, тактики действий войск, психологическая подготовка к боевой деятельности, психологическая помощь военнослужащим в преодолении психотравмирующих факторов боевой обстановки.* На это указывал и видный представитель военной науки П. И. Изместьев, отмечавший, что тактика требует не только от начальника, но и от рядового бойца знания, инициативы и умения воздействовать на других, т.е. тактика сделалась более психологической.

Отвечая на запросы боевой практики, ученые того времени настойчиво искали *истоки боевой активности воинов, условия ее достижения и сохранения.*

---

[1] *Шумков Г. Е.* Психика бойцов во время сражений. С. 18.

Корф выделил четыре группы *факторов, определяющих поведение воинов в боевой обстановке*: 1) внешние и материальные факторы (оружие, численность, внешняя форма боя и т.д.); 2) управление боем; 3) система воспитания воинов; 4) общие социальные факторы[1].

В работах А. П. Агапеева, Н. Н. Головина, С. К. Гершельмана, М. В. Зенченко обосновывается важность учета *социально-психологических факторов* боевой активности воинов на поле боя. Наиболее значимыми из них они считали: отношение народа к войне, ее популярность или непопулярность в массах; отношение народа к армии; понятность целей войны ее участникам; место ведения войны (своя, чужая или нейтральная территория); отношение к противнику; наличие религиозных мотивов.

Например, М. В. Зенченко, военный писатель, определяя детерминанты боевой активности войск, отмечал, что личность воина производна от общественных условий, что армия — верная копия государства, миниатюра, его зеркало со всеми достоинствами и недостатками. Поэтому для «мощи войск необходимы симпатии всего населения. Никакой энтузиазм в армии невозможен, когда не будет его в отечестве»[2].

В трудах М. И. Аствацатурова, К. И. Дружинина, В. Н. Полянского, А. С. Резанова показано, что война многолика, что разные тактические формы применения войск оказывают различное влияние на психологическую сторону боевых действий. В связи с этим они уделяют особое внимание *тактико-техническим факторам*, влияющим на боевое поведение военнослужащих. Среди таких факторов называются: особенности видов боя (оборона, наступление); успешность ведения боевых действий; применяемые виды оружия; природно-географические условия и др.

Такие авторы, как К. М. Вольф, А. М. Дмитриевский, А. С. Зыков, Н. А. Корф, Г. Е. Шумков, обращали внимание на важность выделения *факторов боевой деятельности*:

— индивидуально-психологических (мотивы и чувства, опыт участия в боях, интеллектуальные качества);

— психофизиологических (особенности нервно-психической конституции людей, наличие физических и нервно-психических травм, физического и психического истощения, присутствие опасности для жизни).

Из вышесказанного следует, что перечисленными *факторами боевой активности войск можно управлять*. Одним из наиболее эффективных способов такого управления считается ***психологическая подготовка войск***. При этом ученые и войсковые практики выделяют в психологической подготовке наиболее существенные, по их мнению, стороны. Так, Н. А. Корф, анализируя боевые действия войск, указывает, что в основе всех поступков человека на поле боя лежат чувства. Следовательно, формируя тот или иной эмоциональный настрой, можно по существу задавать уровень боевой активности личного состава.

Указывая важность этого факта, Г. Е. Шумков отмечал, что, помимо технической подготовки, необходима подготовка психологическая. Рас-

---

[1] См.: *Корф Н. А.* О воспитании воли военачальников. СПб., 1906.

[2] *Зенченко М. В.* Сообщение на тему «Анализ нравственных сил бойца». СПб., 1892. С. 91.

крывая самую сущность такой подготовки, он считал, что надо «честно, откровенно, правдиво и деловито познакомить воинов с их будущей деятельностью и обстановкой. Они должны отчетливо сознавать, что война — не торжественная прогулка и не ряд возвышающих душу боев, а сплошные тяготы бивуачной, походной, сторожевой службы с их трудностями, лишениями, болезнями и потерями; что современные войны выигрываются не лихими, самоуверенными наскоками и распущенными знаменами, а настойчивым измором врага, нередко подвергаясь крайнему истощению, неудачам и даже поражениям, захлебываясь порой в крови»[1].

Крупнейший русский военный теоретик и практик М. И. Драгомиров главным в психологической подготовке считал воспитание у воинов воли, уверенности в своих силах, психологического превосходства над противником. В этой связи он приводил аргумент, что наилучший стрелок или фехтовальщик, если он не проникнут сознанием долга или убежден, что не может одолеть неприятеля, ничего не сделает. Наоборот, слабый физически и не совсем искусный, но не допускающий мысли, что его могут побить, часто бьет и искусных. Для формирования таких качеств предлагается вести стрельбу в боевых условиях без щитового прикрытия, проводить учения с боевыми патронами и др.

Исследователь военного дела, социолог и психолог Н. Н. Головин видел главными задачами психологической подготовки военнослужащих к бою привитие привычек, способных поддерживать их в борьбе с инстинктом самосохранения (дисциплина, любовь к части, товарищество, способность к самостоятельной деятельности, находчивость и умение переносить опасность) и доведение их боевых умений и навыков до автоматизма.

Генерал К. М. Вольф предлагал ввести в войсках «школу», преследующую цель воздействия на умы и сердца, укрепления нервной системы солдат, формирования у них «воинского инстинкта» — подсознательного образования, управляющего поведением воина, когда мотивы его деятельности и обстановка не осознаются им полностью. При этом он подчеркивал, что нужны не отдельные тренировки, а система мер, терпение и последовательность.

Ученые и военные специалисты данного периода ведущей психологической реальностью боя считали страх, который, являясь продуктом действия инстинкта самосохранения, присущ всем людям без исключения. Им принадлежит приоритет в выявлении психологических механизмов, физиологических и поведенческих коррелятов страха, в определении мер психологической подготовки, направленной на формирование у воинов смелости, презрения к смерти.

Например, А. А. Мокржецкий считал, что только навык, внедряемый суровой школой, усиленной физической деятельностью, спартанской тренировкой, развивает пренебрежение к опасности, духовную мощь и в состоянии сдерживать в человеке его духовные (не человеческие) инстинкты самосохранения. Для этого надо тренировать стрелков по «малозаметным, плохо видимым, трудно отыскиваемым невооруженным глазом целям», так

---

[1] *Шумков Г. Е.* Психика бойцов во время сражений. С. 76.

как «только такие цели в бою и будут. Цели будут не только мало заметными, но и быстро исчезающими. Поэтому надо тренировать командиров в быстрой и точной подаче команд, а солдат в быстром отыскании целей». Мокржецким предпринята попытка объяснить психологический механизм такого рода психологической подготовки. «Человек, — писал он, — деятельно работая в известном направлении, посредством навыка механически свыкается с величайшими опасностями, для другого, неподготовленного — непереносимыми»[1].

Таким образом, среди основных задач психологической подготовки назывались формирование устойчивой к страху эмоциональной организации человека, выработка прочных навыков выполнения операций и действий на поле боя, правильного представления о психологических явлениях, характерных для войны.

Анализ боевых действий российских войск в Крымской (1853—1856) и в Русско-японской (1904—1905) войнах и попыток их осмысления учеными и войсковыми практиками показывает, что в то время уделялось серьезное внимание поиску действенных ***способов поддержания и мобилизации психических возможностей военнослужащих*** в критические моменты боевых событий. Генерал от инфантерии С. К. Гершельман отмечал в связи с этим, что огромные потери, затяжной характер боев производят подавляющее нравственное впечатление на воина, которое непомерно больше того, что было до сих пор, и требует от войск необыкновенно крепких моральных сил, чтобы выдержать его. Поэтому теперь главная забота сводится к изысканию средств борьбы с нравственными впечатлениями боя, средств к укреплению моральных сил войск. Им была предложена целая система мер непрерывного целенаправленного психологического воздействия на военнослужащих в боевой обстановке для достижения и сохранения высокого морального духа войск и психологического превосходства над противником. По мнению Гершельмана, необходимы: полное отсутствие новизны в действиях и в требованиях от войск перед лицом неприятеля; «правдивое описание сил и боевых качеств противника, тоже в целях отсутствия всякой новизны и неожиданности; восстановление в памяти людей как прежних боевых подвигов, так и вообще боевой славы русского оружия; твердое и постоянное удерживание в своих руках инициативы и вырывание таковой из рук противника в случае временного захвата им инициативы; быстрота и крайняя энергия в действиях; полная уверенность в успехе главного начальника и вселение таковой как в подчиненных начальников, так и в войска; моментальное восстановление поколебленного порядка в войсках»[2] и др.

Одним из самых заметных достижений рассматриваемого этапа развития теории и практики психологического обеспечения является разработка и практическая апробация средств и способов оказания ***психологической помощи военнослужащим на поле боя***. Разработанная схема психологического вспомоществования военнослужащим была апробирована в ходе Русско-японской войны.

---

[1] См.: *Мокржецкий А. А.* Кабинет и казармы // Офицерская жизнь. 1909. № 176—177.

[2] См.: *Гершельман С. К.* Нравственный элемент в руках А. В. Суворова. Гродно, 1900. С. 124.

Таким образом, проведенный анализ первых научно-теоретических идей военных психологов показывает, что главное предназначение военной психологии они видели в том, чтобы максимально расширить психологические возможности бойца, облегчить психологическое давление боя и, как результат, обеспечить его лучшее выживание в боевой обстановке. По существу, на этом этапе были подняты и поставлены в фокус научного анализа все важнейшие проблемы военно-психологической науки, составляющие сегодня ее предметное поле.

2.2. Боевое крещение военной психологии в ходе Русско-японской войны

Первой проверкой научной обоснованности сформулированных военно-психологических идей и реальной полезности военной психологии стала Русско-японская война 1904—1905 гг. Эту войну многие считают самой неудачной из войн в российской истории. Многочисленные просчеты и ошибки повлекли за собой ряд тяжелых поражений на суше и на море. В этой войне впервые широко применялась дальнобойная артиллерия, миноносцы и броненосцы. В войне погибло 32 904 русских солдата и офицера, умерло от ран 6614 человек, 11 170 умерло от болезней, 146 032 человека были ранены или контужены. Непонятность целей войны, ее бессмысленность, кровопролитность, неуспешность, большая удаленность театра военных действий от центра политической жизни страны (путь от Манчжурии до Москвы составлял 1,5 месяца) обусловили высокий уровень психотравматизации ее участников. В связи с этим перед психологами и военными врачами остро встала задача профилактики и купирования психических расстройств. Решение этой задачи усложнялось тем, что отношение к душевнобольным в армии и обществе было весьма предвзятым: их нередко рассматривали как симулянтов, стремящихся любым способом избежать участия в боевых действиях, подвергали насмешкам и презрению. Конкретных решений по оказанию помощи душевнобольным не принималось. В лучшем случае они располагались в общих госпиталях, при наличии в них мест (в последнюю очередь).

Тот факт, что военным психиатрам и психологам удалось доказать военному руководству, что психотравмированные воины являются действительно больными, стал важнейшим достижением военной психиатрии и психологии.

Русские военные специалисты впервые осмысленно столкнулись с проблемой психических потерь еще во время Крымской войны и вследствие этого с началом Русско-японской войны они были готовы решать эту проблему. Однако многие психические явления, которые проявились на этой войне, были незнакомы психиатрам. У них не было опыта оказания масштабной психолого-психиатрической помощи.

Прежде чем приступить к оказанию психологической помощи участникам боевых действий, русские военные специалисты достигли «прорывного» для того времени уровня теоретического осмысления проблемы психической травматизации, связав стресс, возникающий у личного состава на поле боя, с различными физическими проявлениями. Это позволило им

разработать и практически использовать такие диагностические приемы, которые, по мнению специалистов, и сегодня являются вполне современными. С помощью этих методов были описаны случаи истерического возбуждения, помутнения сознания, реакции бегства, истерической слепоты, глухонемоты, частичного паралича, неврастении. В 1906 г. врач-психиатр П. М. Автократов впервые описал бредовые синдромы с идеями преследования, состояниями острой спутанности по типу сумеречного или делириозного помрачения сознания, устрашающими галлюцинациями, бредом окружения и пленения при неврастенических психозах. Годом позже психиатр М. О. Шайкевич наблюдал больных с депрессивно-ступорозными психозами.

Именно в русской армии впервые в истории была создана целостная система оказания психолого-психиатрической помощи участникам боевых действий. Эта система включала пять рубежей.

Первый рубеж составляли военные врачи-психиатры, должности которых были введены в штаты медицинских частей. Они действовали непосредственно на передовой. Вблизи линии фронта была развернута сеть амбулаторных пунктов, в штат которых входили психиатр или невролог, которые занимались вопросами мозговых травм, помощник врача и группа из трех ассистентов. Эти пункты были специально ориентированы на решение проблемы психических потерь.

Второй рубеж психолого-психиатрической помощи составляли психиатрические отделения, созданные в военных госпиталях.

Третий рубеж психолого-психиатрического вспомоществования представлял собой полевой психиатрический приемный покой, располагавшийся сначала в Мукдене, а позже — в Гунчжулине. Покоем руководил врач-психиатр, в подчинении у которого были восемь санитаров, подготовленных для оказания помощи психотравмированным воинам и эвакуации их в госпитали.

Из приемного покоя пострадавшие отправлялись на *четвертый рубеж помощи*. Первоначально это были общие палаты госпиталей. Затем — психиатрическое отделение сводного военного госпиталя № 1 в г. Харбин (Манчжурия), которым руководил известный врач, доктор медицины Е. С. Боришпольский. За период существования отделения через него прошло 228 человек (70 офицеров, 158 нижних чинов). В это время приемом, лечением и эвакуацией пострадавших занималось военное ведомство. В конце 1904 г. вся эта деятельность была передана в компетенцию Красного Креста. Уполномоченный этого органа по психиатрическим вопросам на Дальнем Востоке П. М. Автократов приступил к созданию в Харбине отдельного психиатрического госпиталя и специальных поездов для эвакуации душевнобольных[1]. Госпиталь был открыт 15 декабря 1904 г.

Центральный психиатрический госпиталь был рассчитан на оказание помощи 50 психотравмированным (15 офицерам и 35 нижних чинов).

[1] *Макичян А. А.* Организация медицинской помощи душевнобольным воинам во время Русско-японской войны 1904—1905 гг. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем востоке. 2014. № 2. С. 24.

В штат госпиталя входили 10 врачей (четыре — от Красного Креста и шесть — от военного ведомства), 10 фельдшеров, четыре сестры милосердия, 40 служителей и 25 человек дворовой команды. За время функционирования госпиталя (с 15 декабря 1904 г. по 18 марта 1906 г.) через него прошло 1347 психотравмированных военнослужащих (275 офицеров и 1072 нижних чинов)[1].

Среди пострадавших преобладали лица с симптомами эпилептических, алкогольных и травматических психозов, прогрессивных параличей. Большинство из них проходило лечение на протяжении около двух недель. Однако в боевой строй возвращалось лишь незначительное количество психотравмированных воинов.

Из-за нарастающего количества психотравмированных военнослужащих полевые медицинские пункты не могли справиться с возложенными на них задачами. В связи с этим было принято решение об эвакуации многих из них в тыл и передаче для лечения в подразделения русского Красного Креста. Такие больные эвакуировались в Москву, дорога в которую занимала порядка 40—45 суток. Поезда были оборудованы изолированными купе, специальными помещениями для буйных больных, а также окнами с решетками. Эвакуация осуществлялась военным врачом из харбинского психиатрического госпиталя и несколькими его помощниками. Ближе к концу войны по одноколейному пути от Москвы до района боевых действий курсировало (3—4 раза в месяц) несколько поездов для психотравмированных воинов. За время реализации эвакуационного проекта было отправлено в тыловые госпитали 1349 душевнобольных воинов[2]. Эти поезда составляли *пятый рубеж* психолого-психиатрической помощи участникам боевых действий.

Наконец, *шестой рубеж* системы образовывали специализированные психиатрические лечебные учреждения глубокого тыла.

В ходе практического функционирования описанной выше системы был выявлен интересный с научной точки зрения и грозный с точки зрения боевой эффективности войск и успешности психологической помощи феномен, обозначенный как «*синдром эвакуации*». Суть этого синдрома состоит в том, что как только солдаты начинают осознавать, что психическая травма является достаточным основанием для эвакуации с поля боя, количество психотравмированных резко увеличивается, эффективность их излечения снижается, а срок увеличивается. Причем, чем дальше от линии фронта эвакуировались психотравмированные воины, тем меньше шансов у них оставалось на выздоровление. Это явление позже было названо «*вторичной выгодой*», так как военнослужащие, пострадавшие от психических расстройств, на самом деле получают выгоду, эвакуируясь из зоны боевых действий. И чем дальше они удаляются от линии фронта, тем меньше у них остается желания и шансов избавиться от болезни и вернуться в боевой строй. В результате болезнь все прочнее укореняется в их психике. И чем

---

[1] *Макичян А. А.* Организация медицинской помощи душевнобольным воинам во время Русско-японской войны 1904—1905 гг. С. 25.

[2] Там же. С. 27.

более тонко диагностировались психические расстройства, и чем большая забота проявлялась о психотравмированных воинах, тем сильнее увеличивался поток страдающих от психических расстройств[1].

Несмотря на создание довольно стройной системы психолого-психиатрической помощи в годы Русско-японской войны, ее эффективность была достаточно низкой. Так, из 275 офицеров, принятых в госпиталь для душевнобольных в Харбине на срок до двух недель, лишь 54 человека вернулись в строй. Остальных пришлось эвакуировать в Москву. Из 1072 человек рядового состава, находившихся там же на излечении, 983 были эвакуированы[2].

Поиск путей профилактики «синдрома эвакуации» привел к формулировке важнейшего принципа организации психологической помощи в боевой обстановке — *принципа приближения психологической помощи к району боевых действий* или их лечение вблизи переднего края. В ходе апробации этого принципа было установлено, что психические расстройства, вызванные участием в боевых действиях, более успешно излечиваются в зоне боевых действий в непосредственной близости от переднего края.

Большой вклад в теорию и практику оказания психологической помощи пострадавшим военнослужащим внесли известные российские психологи и врачи-психиатры В. М. Бехтерев, М. И. Аствацатуров, Г. Е. Шумков, С. Д. Владычко и др. Так, Бехтерев, являясь руководителем специальной комиссии Красного Креста, разработал основы психиатрической помощи в Русской армии.

Таким образом, в ходе Русско-японской войны роль отечественных военных врачей, часть из которых называли себя военными психологами, состояла в том, что они: во-первых, показали действительные масштабы и серьезность последствий психотравматизации участников боевых действий, описали симптоматику и дали классификацию психических расстройств военного времени; во-вторых, высказали предположение о психогенной природе психотравматизации; в-третьих, предприняли первые попытки осуществить профилактику психических расстройств; в-четвертых, разработали методы и схемы оказания помощи психотравмированным участникам боевых действий; в-пятых, сформулировали некоторые принципы организации психологической помощи воинам в боевой обстановке; в-шестых, излечили около 2000 человек от последствий боевого шока.

По оценкам специалистов, попытки русских врачей диагностировать и лечить последствия боевого шока в Русско-японской войне ознаменовали собой рождение военной психиатрии. В 1905 г. на третьем съезде психиатров России был узаконен термин «военная психиатрия».

Опыт деятельности отечественных психологов и психиатров в годы Русско-японской войны ценен тем, что они пытались глубоко разобраться в причинах психотравматизации воинов. С этой целью было предпринято масштабное исследование психических состояний воинов в различных

---

[1] См.: *Габриэль Р.* Героев больше нет: умственные расстройства и проблемы военной психиатрии в условиях войны.

[2] Там же.

обстоятельствах боя (перед боем, в бою, после боя, под артиллерийским огнем и т.д.).

Наблюдения Г. Е. Шумкова установили, что доминирующим состоянием воина перед боем является не страх, как это считалось ранее, а «тревожное ожидание», которое характеризуется:

1) в когнитивной сфере — беспрерывным потоком мыслей, трудностью сосредоточения на какой-то из них (мысли прикованы к тому, «что будет»); ярким воображением в отношении ожидаемого; ослаблением внимания, трудностью сосредоточения на одном из объектов; при длительных переживаниях появлением сомнений в принимаемых решениях; нарушением восприятия времени (кажется, что оно тянется слишком медленно); ухудшением процессов запоминания и воспроизведения информации;

2) в аффективной сфере — напряжением, ожиданием чего-либо тяжелого, трудного («настроение»); лабильностью настроения от неприятно-томительного до повышенно-веселого, глубокой озабоченностью. Воин мысленно готовится ко всем возможным ситуациям боя, которые представляются ему в уме и воображении. Эти мысли могут оценивать предстоящие явления как правильно, так и не правильно, что зависит от личного опыта воинов;

3) в мотивационной сфере — желанием скорее идти в бой и «пусть будет, что будет». Как было установлено, первые выстрелы или появление противника способствовали снижению эмоционального напряжения;

4) в психофизиологической сфере — учащением сердцебиения до 125 ударов в минуту (при норме — 72); учащением дыхания до 30 вдохов и выдохов в минуту (при норме — 18); повышением температуры тела до 39 °C (при норме 36,6 °C); повышенным потоотделением;

5) в поведенческой сфере — суетливостью, излишней говорливостью, частым курением, стремлением сбросить верхнюю одежду даже в морозное время; повышение внушаемости и комформности[1].

В период атаки психическое состояние воина существенно меняется. Воин идет в атаку в состоянии, близком трансовому. Как установил К. М. Вольф, атака производится в особом нервном состоянии, которое он назвал шоком. Это не полная выключенность, потеря чувствительности и заторможенность нервной системы, а чувство, похожее на опьянение, всецело поглощающее все существо воина. В этом состоянии человек действует без явного контроля сознания, он подобен выпущенной пуле. Для «шока» необходима энергия[2]. По сообщению Л. Л. Байкова, многие участники боев отличают, что порой они забывают окружающую обстановку и повинуются какой-то неведомой внутренней силе, влекущей их помимо воли и желания. Постепенно, с нарастанием опасности, стремление к психическому объединению масс увеличивается, происходит своеобразное «психическое брожение». Перед атакой это единство достигает апогея, боец теряет свою индивидуальность и становится неотделимой частицей этой

---

[1] *Шумков Г. Е.* Душевное состояние воинов в ожидании боя (по наблюдению офицеров) // Военный сборник. 1913. № 5. С. 100—105; № 6. С. 90—93.

[2] *Вольф К. М.* Из дневника командира полка // Военный сборник. 1908. № 6. С. 160.

массы, со всеми присущими массовому бойцу положительными и отрицательными качествами. Этот момент Байков называет «кризисом боя»[1].

Военный инженер и один из первых отечественных военных психологов В. Н. Полянский отмечал, что в период сближения с противником воины превращаются в автоматы и под умелым руководством способны проявлять такую стихийную силу, самоотверженность и героизм, что никакие преграды на их пути не смогут остановить их стремления[2].

После боя психическое состояние воинов характеризуется следующими явлениями. Когнитивные способности и самообладание восстанавливаются постепенно. Отмечается отсутствие эмоций (по сегодняшней терминологии — эмоциональное оскуднение или *numbing*), повышенная сонливость. Воин избегает контактов взглядами, направляет взор на пустые места, неподвижно смотрит в какую-либо точку и о чем-то думает, глубоко вздыхает. На вопросы отвечает односложно. Выражает желание лечь и отдохнуть от усталости, утрачивает аппетит. Воин уединяется, становится раздражительным, конфликтным, не может удержаться от слез. Ночью ему снятся кошмарные сны с картинами боя, погибшие товарищи. Воин просыпается, вскрикивает, совершает бессмысленные движения. В таком состоянии нередко возникает паника по самым незначительным причинам. Такое состояние, резко проявляясь в первые дни после боя, постепенно сглаживается в течение двух недель и более[3].

Анализ перечня проявлений психических состояний воинов на различных этапах боя позволяет утверждать, что русские военные психологи впервые детально описали явление, которое в наши дни называется *боевым стрессом*.

Шумков был первым психологом, который исследовал влияние алкоголя на боеспособность воинов. В ходе Русско-японской войны он провел специальное исследование, которое позволило ему сделать вывод, что у воинов, употребивших перед боем алкоголь, в ходе боя:

— развивается физическая слабость; воин плохо владеет собой, быстро устает, становится внушаемым, подчиняется поступкам и движениям других;

— скорее развивается страх, который распространяется на окружающих;

— сужается поле зрения, снижается тонкость зрения и слуха, точность расчета, способность владеть оружием (сила, точность и скорость ударов), выносливость;

— повышается кровотечение при ранении и раны заживают медленнее и болезненнее, чем у трезвенников[4].

Исследование Шумковым влияния алкоголя на боевую деятельность воинов является классическим и сохраняет свою актуальность по сей день.

В ходе войны специалисты отмечали, что среди военнослужащих, призванных на военную службу, значительное число страдало эпилепсией,

---

[1] *Байков Л. Л.* Свойства боевых элементов: подготовка войск к войне и бою. С. 88.

[2] *Полянский В. Н.* Моральный элемент в области фортификации. СПб., 1910. С. 38.

[3] *Шумков Г. Е.* Душевное состояние воинов после боя. С. 104—107.

[4] *Шумков Г. Е.* Пьяная храбрость или алкоголь в бою // Общество ревнителей военных знаний. 1909. № 1. С. 18—25.

алкоголизмом (прежде всего офицеры запаса), заболеваниями головного мозга. Отсутствие элементарного отбора контингентов приводило к тому, что значительное число призванных в ряды армии отправлялось назад. Учитывая это обстоятельство, П. А. Кавтарадзе впервые разработал опросник для структурированной беседы с новобранцами[1]. Он включал следующие пункты:

1. Национальность и религия, так как эти два фактора накладывают резкий отпечаток на все мировоззрение человека.

2. Род занятий новобранца до службы, так как социальные условия определяют характер поведения военнослужащего, а род занятий играет большую роль в приобретении привычек и качеств личности.

3. Семейное и материальное положение; знание этих сведений не только открывает область самых близких интересов подчиненных, но и позволяет установить контакт, «нравственный авторитет», доверительные отношения.

4. Степень умственного развития и грамотности; для этого нужно попросить испытуемого написать краткую автобиографию с изложением самых важных, по его мнению, пережитых событий. Автобиография поможет узнать также и отношение объекта к этим событиям.

5. Духовные способности: а) умственные — легко ли воспринимает объясняемое, каковы качества памяти, доступны ли ему отвлеченные понятия; б) эмоциональные способности — альтруистические чувства дружбы, любви, справедливости и т.д.; в) волевые — решительный субъект или колеблющийся, ищет поддержки у окружающих или самостоятелен, обладает ли инициативой и т.п.

6. Группа честолюбивых инстинктов. Собрав эти, а также другие сведения, которые покажутся заслуживающими внимания, их необходимо систематизировать и обработать.

Перечень предложенных П. А. Кавтарадзе вопросов позволяет констатировать, что они составляют основу сегодняшних методов социально-психологического изучения личности в системе психологического отбора военнослужащих.

Военная психология по итогам Русско-японской войны. Эта война стала первым военным событием, подвергшимся всестороннему научно-психологическому осмыслению. Психологический анализ Русско-японской войны дали ее непосредственные участники: рядовые, офицеры и генералы. В этом анализе по крупицам был собран первый боевой опыт военной психологии, исследованы реальные возможности психологии в решении боевых задач, сформулированы важнейшие, не преходящие уроки для военно-психологической практики.

Первый урок касается необходимости *научно обоснованной психологической оценки морально-психологических возможностей противоборствующих сторон.* Об этом настойчиво предупреждал еще А. В. Суворов. Он уловил тенденцию отечественного военного характера недооценивать противника, надеяться на эфемерные, неосязаемые переменные при планировании сра-

---

[1] Цит. по: *Феденко Н. Ф., Раздуев В. А.* Русская военная психология (середина XIX — начало XX в.). М., 1993. С. 33.

жений и всячески предостерегал военачальников от «шапкозакидательских» настроений. К сожалению, при разработке планов боевых операций Русско-японской войны не обращали серьезного внимания ни на боевые, ни на технические, ни на психологические факторы. Военные руководители всех звеньев не имели должного представления об организации воинских частей, тактике действий, вооружении противника, об особенностях тактики ведения боевых действий в горной местности. Так, разведка в горной местности велась конными группами, что делало разведчиков априори психологически и физически уязвимыми перед противником. При ведении боевых действий использовались тактические формы и приемы, характерные для равнинной местности. В штабах не было достаточного количества переводчиков с японского и китайского языков[1].

Реальное состояние морально-психологических возможностей противника грубо недооценивалось. Так, Е. С. Сенявская отмечает, что перед войной все высшее русское общество, включая императора и Генеральный штаб, «относились к японцам как к диким недоразвитым азиатам», «макакам»... «при этом явно переоценивался и противопоставлялся неприятельскому морально-психологический потенциал собственных войск»[2]. Например, почти двукратное превосходство противника в численности личного состава, в оружии могло считаться несущественным и легко компенсируемым русской решимостью и отвагой.

В результате многие офицеры и солдаты не утруждали себя «умственной тактической работой (леность мозга)». Например, при перемещении войск «большинство шло и ехало, не интересуясь местностью, не приглядываясь к ней, не сверяясь с картой, не принимая и не поддерживая всяких мер предосторожности и готовности; поэтому войска двигались, как стадо, как толпа, до самого получения приказа для перестроения в бой. При такой обстановке психика всех бойцов вообще становится хуже...»[3]

Когда же в ходе войны «макаки» вдруг превратились в мужественных, самоотверженных и умелых бойцов, это вызвало шок во всех звеньях военного управления.

Боевые русские офицеры, которые были вынуждены корректировать неверные представления о противнике на полях кровавых сражений, оценивали морально-психологические качества японских солдат, офицеров и генералов достаточно высоко, внимательно изучали боевые психопрактики противника. И у противника было чему поучиться.

Так, Л. Л. Байков описывал психопрактику преодоления страха смерти японскими военнослужащими. Японец, отправляющийся на войну, порывает все связи с домом и семьей и совершает над собой обряд «*погребения*». Он для семьи и семья для него как бы умирают, перестают существовать. Поэтому японец остается спокойным во время высшей опасности. «Он

---

[1] *Дружинин К. И.* Исследование душевного состояния воинов в разных случаях боевой обстановки по опыту Русско-японской войны 1904—1905 гг. С. 44.

[2] *Сенявская Е. С.* Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999. С. 50.

[3] *Дружинин К. И.* Исследование душевного состояния воинов в разных случаях боевой обстановки по опыту Русско-японской войны 1904—1905 гг. С. 44.

совершенно отдаляется от своих чувств, от своего тела. Все понятия, относящиеся к собственному "я", отпадают, остается лишь ясное, холодное действие рассудка, двигающее его вперед, — для победы или смерти», когда сводится «к минимуму ценность жизни... смерть уже не является страшною»... «Вот почему, японские войска, глубоко сознавая важное значение для их родины совершаемого ими подвига, действовали... с невиданным еще ни в одной армии упорством и самоотвержением»[1].

К сожалению, этот урок по-прежнему нельзя назвать усвоенным нами в достаточной мере. Небрежное отношение к противнику еще не раз приводило нашу армию к большим и неоправданным жертвам.

Второй урок, который сформулировали участники войны, состоит в том, что решающая роль в достижении победы над противником принадлежит психологическому фактору, прежде всего высокой боевой мотивации. Такая мотивация проистекает из решимости народа отстаивать свои жизненные интересы. Учитывая это, специалисты считают, что «стратегическое поражение в войне было понесено не только и не столько на поле брани, сколько на "идеологическом фронте", так как фактическим союзником противника оказалась русская либерально-демократическая пресса, поднявшая антивоенную истерию, способствовавшая нарастанию революционного брожения в тылу, что и вынудило правительство свернуть боевые действия и пойти на позорный, унизительный мир»[2].

В отечественной военной психологии с первых дней ее существования было зафиксировано, что «воин, будучи сколком своего народа, верно и точно отражает как доблести, так и немощь своего народа»[3]. Понимание этого остро и бескомпромиссно ставит вопрос о необходимости целенаправленного формирования духовного единства воюющей нации, «ресурсного» отношения народа к войне, к противнику, к своей армии.

Третий урок состоит в том, что эвристические, полезные инсайты, находки, проверенный боевой опыт, решения конкретных задач необходимо фиксировать в боевых документах, уставах, наставлениях, руководствах, учебных программах учебных курсов. Это необходимо потому, что добытые в ходе Русско-японской войны кровью и потом знания о психологических закономерностях боя, необходимости отбора новобранцев, психологической подготовки военнослужащих, психологической помощи психотравмированным воинам были после окончания войны частично непоняты, частично забыты, частично игнорированы. В результате этого в годы Первой мировой войны они оказались в большей мере невостребованными.

Усвоение этих уроков и их учет в деятельности органов государственного и военного управлениия, командиров и военных психологов является необходимым условием достижения победы над противником и в современных войнах. Опыт Русско-японской войны не должен исчезнуть бесследно. Он должен и может служить на благо России.

---

[1] *Байков Л. Л.* Свойства боевых элементов: подготовка войск к войне и бою. С. 98.

[2] *Сенявская Е. С.* Психология войны в XX веке: исторический опыт России. С. 194.

[3] *Энгельман И. Г.* Воспитание современного солдата и матроса. СПб., 1908. С. 5.

Рекомендуемая литература

Военная психология: методология, теория, практика : в 2 ч. / под ред. П. А. Корчемного. — М., 1998.

Габриэль, Р. Героев больше нет: умственные расстройства и проблемы военной психиатрии в условиях войны : пер. с англ. / Р. Габриэль. — Нью-Йорк, 1986.

Дружинин, К. И. Исследование душевного состояния воинов в разных случаях боевой обстановки по опыту Русско-японской войны 1904—1905 гг. / К. И. Дружинин. — СПб., 1910.

Караяни, А. Г. Введение в профессию военного психолога / А. Г. Караяни, И. В. Сыромятников. — М. : Академия, 1997.

Сенявская, Е. С. Психология войны в XX в.: исторический опыт России / Е. С. Сенявская. — М. : РОССПЭН, 1999.

Феденко, Н. Ф. Русская военная психология (середина XIX — начало XX в.) / Н. Ф. Феденко, В. А. Раздуев. — М., 1993.

Шумков, Г. Е. Предмет и область военной психологии / Г. Е. Шумков // Русский инвалид. — 1910. — № 270.

Шумков, Г. Е. Психика бойцов во время сражений / Г. Е. Шумков. — Вып. 1. — СПб., 1905.

Практикум

Контрольные и аналитические вопросы

1. Какие особенности Русско-японской войны обусловили высокий уровень психических расстройств военнослужащих?

2. Почему первый этап развития военной психологии можно назвать «романтическим»?

3. В каких странах активно исследовались военно-психологические аспекты войны и боя на первом этапе развития военной психологии?

4. Какие эшелоны психологической помощи можно выделить в системе психолого-психиатрического вспомоществования российским воинам в годы Русско-японской войны?

5. Какие психологические явления боя были исследованы в годы Русско-японской войны?

6. Какую роль сыграл Отдел военной психологии Общества ревнителей военных знаний в создании и развитии военной психологии?

7. Почему Россия считается родиной военной психологии?

8. Какие направления научных исследований обозначились на этапе становления военной психологии?

9. Что значит «извлечь уроки из опыта военной психологии в годы Русско-японской войны»?

10. Какие явления Русско-японской войны указывали на необходимость психологического отбора участников боевых действий?

11. Какие принципы оказания психологической помощи участникам боевых действий не были учтены в ходе Русско-японской войны?

12. К числу каких качеств можно отнести способность японских военнослужащих психологически «похоронить» себя, свои связи с родными и близкими на время войны?

Практические задания

1. Отечественными военными психологами в ходе Русско-японской войны было выявлено, что состояние воина в бою характеризуется повышением тревожности,

напряжения, учащенными сердцебиением и дыханием, дрожью, повышением температуры тела, изменением цвета кожных покровов.

Сравните перечень этих показателей с симптомами стресса.

Обоснуйте ответ на вопрос: можно ли говорить о том, что русские военные психологи уже в начале прошлого века исследовали боевой стресс?

2. Анализируя Русско-японскую войну, Л. Л. Байков писал, что в ходе войны имело место явное злоупотребление наградами. Ордена давались гуртом, огулом, одинаково для всех, за каждый бой по одному. Ордена, в том числе и те, которыми награждались только «за военные подвиги против неприятеля», получали и офицеры полков, покинувших свои позиции, и полков, потерявших до 90% личного состава; начальники, отлучившиеся и оскандалившиеся, и начальники, доблестно руководившие своими частями; лица, которые не принимали участия в боях. Это вело к лживым донесениям о «подвигах», получению орденов по знакомству, вследствие происков и умения понравиться начальству. Некоторые из тех, кто получил орден Святого Георгия, впоследствии были преданы суду за те же самые дела, за которые им были вручены награды (А. М. Стессель, А. В. Фок, В. А. Рейс). В статуте ордена было записано: «ни высокое происхождение, ни связи, а лишь действительный подвиг дает право на награждение». Иногда главнокомандующий А. Н. Куропаткин, обходя санитарные поезда с ранеными, награждал «Георгием» всех без исключения раненых унтер-офицеров и фельдфебелей. Бывали случаи, что крест получал фельдфебель с оторванным пальцем, а рядовой, пробитый несколькими пулями, лежащий с забинтованной головой или лишившийся ноги, оставался без награды.

Определите: как можно охарактеризовать подобную систему морального стимулирования участников боевых действий? Как такая система стимулирования могла повлиять на боевую активность? Какой урок можно вынести из такой практики награждения?

Глава 3
НАПРАВЛЕНИЯ ПРИЛОЖЕНИЯ ВЫВОДОВ ВОЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ К ПРАКТИКЕ РЕШЕНИЯ БОЕВЫХ ЗАДАЧ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В результате освоения материалов данной главы студент должен:

знать

• историю разработки системы психологического тестирования воинских контингентов;

• особенности трактовки психологической травмы и организации психологической помощи психотравмированным военнослужащим в годы Первой мировой войны;

• логику и тенденции использования психологического знания для ведения пропаганды на войска противника;

уметь

• анализировать и интерпретировать общие тенденции развития военно-психологической теории и практики;

• вычленять главные военно-психологические идеи, наработки, уроки и выводы, вытекающие из опыта военной психологии в годы Первой мировой войны;

владеть

• навыками поиска исторического материала, релевантного современным задачам психологического обеспечения воинской деятельности;

• методами работы с учебной и научной литературой по истории Первой мировой войны.

Первая мировая война (1914—1918) по масштабам и силе своего психологического давления на участников боевых действий не знала себе равных во всей предшествующей истории человечества. В ожесточенном, бескомпромиссном, кровавом противоборстве на полях сражений, охвативших Европу, Азию, Африку, акватории Атлантического, Тихого и Индийского океанов, Черного, Балтийского, Северного и Средиземного морей сошлись армии 38 из 59 существовавших в то время государств.

Впервые в истории человеческой цивилизации для уничтожения людей широко применялись новые, невиданные доселе средства вооруженного насилия: авиация, химическое оружие, бронетехника, подводные лодки, автоматическое оружие, огнеметы и т.д., обладавшие не только огромными для того времени боевыми возможностями, но и гигантским психологическим эффектом. В годы войны родился новый вид противоборства — психологическая война. Боевые позиции, маршруты выдвижения и места привалов утомленных боями солдат были плотно усеяны вражескими листовками.

Впервые в истории человечества боевые потери исчислялись в миллионах: около 10 млн военнослужащих погибли, более 20 млн были ранены, 3,5 млн стали калеками. Поля сражений были буквально усыпаны телами погибших, госпитальные палаты были переполнены ранеными, улицы европейских городов заполнили инвалиды. Невиданные масштабы сражений, новые, разрушительные средства и способы противоборства определили психологическое измерение этой войны. Участники боевых действий подвергались огромным психологическим нагрузкам. Все это не только придало особую психологическую окраску Первой мировой войне, но и обусловило становление, возмужание и международное признание военной психологии как научной теории и реальной практики. Уже в первые годы войны она сосредоточила свои постоянно возрастающие возможности на психологическом осмыслении и обеспечении важнейших задач:

1) психологическом отборе (тестировании) военных новобранцев;
2) психологической помощи военнослужащим в боевой обстановке;
3) информационно-психологическом противоборстве с противником.

3.1. Создание системы психологического тестирования новобранцев

По оценкам специалистов, наиболее существенным вкладом психологов, участвующих в войне государств, стала разработка концепции, методических средств и практического осуществления *психологического отбора новобранцев* для участия в боевых действиях. Война поставила перед психологами воюющих армий невиданную по масштабам задачу, от решения которой в значительной степени зависела судьба государств. Они должны были отобрать и распределить по родам войск и воинским должностям миллионы новобранцев. В начале войны теория и практика психологического отбора была практически в зачаточном состоянии. Существовавшие в то время средства психологической оценки не удовлетворяли потребности армий в отборе контингентов ни по критериям валидности и надежности, ни по предписанным процедурам их применения. В распоряжении психологов не было времени и достаточного количества специалистов для персональной оценки пригодности новобранцев к военной службе. К тому же, например в США насчитывались миллионы граждан, выходцев из разных народов, которые слабо владели английским языком или были неграмотны. От психологов требовались неординарные подходы в этой области.

В первую очередь психологи США, Англии, Франции, Германии приступили к оперативной разработке простых и надежных ***отборочных тестов для вооруженных сил и конкретных родов войск***.

Наиболее масштабно эта работа была организована в США. Она осуществлялась по трем важнейшим направлениям:

1) разработка групповых тестов для психологического обследования призывных контингентов на предмет пригодности к военной службе;

2) создание тестов для отбора кандидатов на конкретные военные специальности;

3) разработка тестов для выявления психологической патологии у военнослужащих.

Первое направление возглавил известный американский психолог, выдающийся организатор науки и талантливый управленец — президент Американской психологической ассоциации Р. Йеркс. Буквально через несколько дней после вступления США в войну (6 апреля 1917 г.), Йеркс созвал экстренное совещание крупнейших американских психологов, среди которых были Дж. М. Кэттел, Г. С. Холл, Э. Л. Торндайк и Дж. Б. Уотсон. На повестке дня стоял один вопрос «Как психологи могут помочь воюющей армии?». По призыву авторитетных ученых 132 психолога во главе с Йерксом (он служил в звании майора до конца войны) были призваны на военную службу в отделение психологии в Службе главного хирурга вооруженных сил

Йеркс возглавил комитет из 40 психологов, который первоначально назывался «Комитет по отбору военнослужащих для выполнения заданий, требующих специальных навыков», а позже — «Комитет по мотивации и связи с военнослужащими». С работой Комитета были связаны такие известные ученые, как Э. Л. Торндайк, Л. Л. Терстоун, А. С. Отис. Йеркс был сторонником медицинского подхода в психологии, в связи с чем главный упор в разработке методик он сделал на разработку методического средства отсеивания лиц, психически непригодных к военной службе.

Коллектив, возглавляемый Йерксом, в весьма короткие сроки разработал на основе теста Артура С. Отиса две компактные диагностические методики — «*армейский альфа-тест*» и «*армейский бета-тест*». Первый тест был предназначен для обычных граждан, а второй («Армейский бета-тест») был ориентирован на неграмотных призывников, лиц, слабо владеющих английским языком, а также на тех, кто не смог успешно выполнить «альфа-тест». Инструкции при применении «бета-теста» давались с помощью пантомимы. Преимущества данных диагностических инструментов состояли в том, что они были групповыми и позволяли одновременно оценивать сотни новобранцев. Тесты позволяли классифицировать обследуемых по шкале от *A* до *E*. Новобранцы, отнесенные к категориям *D* и *E* (низшие уровни), считались непригодными к военной службе, те, кто был отнесен к категории *A* (высший уровень), могли занимать офицерские должности.

Положительным моментом стала экспериментальная проверка разработанных методик в одном из военных лагерей для новобранцев, которая доказала их состоятельность. Однако работа по внедрению тестов в практику отбора воинских контингентов шла довольно медленно. Сама идея, предлагаемые методы и способы отбора натыкалась на сопротивление военных специалистов и психиатров. В результате обязательное психологическое тестирование для всех новобранцев было введено в самом конце 1917 г., а к практическому тестированию психологи приступили лишь за три месяца до окончания войны. Несмотря на это, психологи успели обследовать 1 млн 175 тыс. человек.

Такое масштабное обследование стало возможным потому, что к участию в отборе военнослужащих было привлечено значительное количество специалистов, которые допускались к работе после окончания специальных курсов. За время войны эти курсы окончили около 400 человек.

Среди них были и те, кто впоследствии стали весьма авторитетными фигурами в области психологического тестирования. Так, Д. Векслер (под руководством Э. Г. Боринга) участвовал в процедурах психологического отбора военнослужащих с использованием «армейского альфа-теста» сначала в военном лагере на Лонг-Айленде, а позже — в группе психологов в Форт-Логан в Техасе, где занимался подбором персонала. Это позволило ему создать авторский «Армейский тест Векслера», который эволюционировал сначала в Шкалу Векслера — Белльвью, а затем — в Тест интеллекта Векслера для взрослых.

Второе направление в разработке средств и методов психологического отбора возглавил У. Д. Скотт. Скотт занимался промышленной психологией и возглавил Комитет по отбору персонала. Он создал *Шкалу для оценки качеств младших офицеров*, а сотрудники комитета под его руководством разработали тесты умений для 83 военных профессий и стали участвовать в отборе на все армейские должности.

Комитет, который за время войны вырос с 20 до 175 сотрудников, сосредоточился на решении нескольких взаимосвязанных задач: 1) проведение психотехнических испытаний и классификация полученных данных; 2) психологический анализ вех видов воинской деятельности; 3) описание и стандартизация военных профессий; 4) определение психологическим качеств, необходимых военнослужащим различных специальностей и должностей; 5) разработка формы для фиксации результатов психотехнических испытаний (солдатская классификационная карточка).

Работа комитета, возглавляемого Скоттом, была признана самым успешным психологическим проектом Первой мировой войны. Его сотрудниками была разработана теоретическая основа профессионального психологического отбора, десятки отборочных тестов. За время войны с помощью разработанной Скоттом Шкалы была оценена квалификация трех миллионов военнослужащих, описаны важнейшие воинские специальности. Скотт был награжден медалью «За выдающиеся заслуги» — высшей военной наградой США для гражданских лиц.

Особенно активно работа по психологическому отбору велась в родившейся в годы войны военной авиации. Здесь главное внимание уделялось разработке методов и процедур отбора лиц, способных эффективно осваивать летное дело и не допускать летных происшествий. Прежде всего, отбирались люди с высоким уровнем общего интеллекта, пространственного воображения, психологической устойчивости и бдительности.

Третье направление в психологическом изучении военнослужащих было связано с тем, что с началом войны возникла также острая потребность в выявлении военнослужащих, страдающих неврозами. Эту задачу успешно решил Р. С. Вудворт, разработавший специально для этой цели *Бланк личностных данных*.

В других воюющих государствах (Германия, России, Франция) главное внимание уделялось разработке методов отбора военнослужащих на конкретные военные специальности. Так, уже в самом начале войны, в 1914 г., французские психологи (А. Камю и др.) предложили интересные методики отбора, нацеленные на оценку быстроты их реакции на зрительные, так-

тильные и слуховые раздражители. Обследование проходило так: испытуемому 10 раз предъявлялись различные стимулы (вспышка света, звонок, прикосновение), на которые он отвечал нажатием ключа хронометра. Среднее время реакций служило показателем скорости реагирования.

Немецкие военные психологии уже в начале XX в. разработали тестовую систему для отбора военных летчиков, которая и сегодня считается специалистами перспективной. Они создали экспериментальные установки, моделирующие деятельность летчика, на которых исследовалось протекание психических процессов у пилотов в условиях максимальной приближенности к полету. Для оценки конкретных показателей способности кандидатов действовать в моделируемой ситуации была разработана диагностическая батарея, состоящая из нескольких тестов. Эти тесты позволяли осуществлять оценку внимания, памяти, времени реакции, способности к ориентации и распознаванию стимулов. Кроме этого они давали возможность оценивать способность кандидата преодолевать нерешительность.

В России в годы войны обсуждались вопросы, связанные с требованиями технических военных профессий, в частности авиации, к психологическим качествам специалистов.

Таким образом, по оценкам ученых, в годы Первой мировой войны появилось и доказало свою состоятельность важнейшее направление в практической психологии — *психологическое тестирование*. Разработанные военными психологами тесты, процедуры и принципы обследования, индивидуальные и групповые схемы тестирования после войны проникли в практику отбора персонала в силовых ведомствах, экономике, образовании и др. Лучшим доказательством эффективности психологического отбора в годы войны является то, что в текст Версальского договора, знаменовавшего завершение боевых действий, был включен пункт о запрещении Германии использовать психологические тесты в военных целях.

3.2. Развитие теории и практики психологической помощи участникам боевых действий

Мощное психологическое давление сражений Первой мировой войны обусловило высокий уровень психотравматизации ее участников. В оборот был даже введен специальный термин — «психологические потери». Психологические потери в годы войны достигли таких масштабов, что превратились в один из важнейших факторов победы и поражения. Было установлено, что объем психологических потерь зависит: 1) от продолжительности пребывания военнослужащих в зоне боевых действий; 2) используемой схемы психологической помощи участникам боевых действий; 3) соблюдения специальных принципов оказания психологической помощи.

Зависимость объема психологических потерь от продолжительности участия военнослужащих в войне иллюстрируется постоянным ростом отношения количества психических потерь к количеству раненых. Так, в германской армии один психотравмированный военнослужащий прихо-

дился: в августе 1914 г. — на 360 раненых, в ноябре — на 30, в декабре — на 20, в 1915—1916 гг. — на 10, в 1916—1917 гг. — на 9 раненых. В английской армии: в 1914 г. это соотношение было 1 к 30, в 1915 г. — 1 к 11.

Категория «психологические потери» включала довольно широкий спектр психологических, психофизиологических, психосоматических последствий воздействия на военнослужащих стресс-факторов боя. По оценкам специалистов, наиболее характерными расстройствами в Первую мировую войну были: подавленность сознания, расстройство мыслей, психических процессов, страх, повышенная чувствительность к шуму, судорожная дрожь, расстройства двигательного аппарата, конверсионные реакции.

Человеческий мозг, не в силах справиться с чудовищной психологической нагрузкой войны, изобретал хитроумные способы «самоспасения», имитировал такие соматические расстройства, которые обеспечивали эвакуацию военнослужащего с поля боя. Психиатры воюющих армий фиксировали случаи истерических параличей (госпитальная истерия), истерической глухоты и глухонемоты, сумеречных состояний, псевдодеменций, ступора, истерической рвоты. Было обнаружено, что многие солдаты, длительное время лечившиеся в лазаретах в связи с суставным ревматизмом, аппендицитом, невритом, ишиасом, тяжелыми органическими заболеваниями органов брюшной полости, в действительности страдали истерической артралгией, псевдоаппендицитом, псевдоишиасом, истерическим метеоризмом. Наблюдались и такие патологические явления, как «бред вражеского пленения» (С. А. Сухарев), «окопные психозы» (Н. А. Вырубов, А. В. Гервер, С. А. Сухарев). В ходе войны нередкими были психические эпидемии типа «газовой истерии» (проявление симптомов, характерных для поражения отравляющими веществами (ОВ) при отсутствии такового), «командной истерии» (передающиеся от одного больного к другому выкрики команд и жестикуляция). Характерным было и то, что по завершению участия больных с затяжными истерическими симптомами в боевых действиях и окончанию войны, как по мановению волшебной палочки, началась своеобразная «эпидемия» их выздоровления. К больным внезапно возвращалась способность видеть, слышать, двигаться[1].

Применение химического оружия сопровождалось психическими расстройствами широкого спектра. Анализ, проведенный британскими специалистами (1921), показал, что из 600 000 военнослужащих союзных войск, пораженных химическим оружием в Первой мировой войне, около двух третей имели психические расстройства. В исследовании специалистов американской армии (1927) отмечалось, что в годы войны две трети лиц, обратившихся за помощью с симптомами поражения химическим оружием, не подвергались воздействию боевых отравляющих веществ. Большинство из них страдали от химического поражения, но его симптомы были вызваны психосоматическими причинами.

Исследуя психологические последствия воздействия ОВ на российских воинов, А. С. Чугунов выделил следующие симптомы поражения

[1] См.: *Свядощ А. М.* Неврозы и их лечение. М., 1971.

газом: тоскливое состояние, чувство тревоги и тоски; отсутствие реакций на внешние раздражители или существенное снижение реакции; возбуждение, метания; жалобы на головную боль и в области сердца; страх заснуть.

Страх быть пораженными отравляющими веществами толкал военнослужащих на различные девиации. Специалисты наблюдали тысячи солдат, которые из-за страха поражения ОВ симулировали таковое. Например, некоторые из них с помощью небольших палочек наносили себе на тело иприт, который, после его применения, оставался в воронках от разрывов снарядов и окопах в капельножидком состоянии. После появления нарывов на коже эти симулянты обращались за помощью в медицинские пункты и выбывали из строя на продолжительное время или навсегда.

Военные неврозы были довольно широко распространены в русской армии. На эвакопунктах некоторых фронтов они составляли от 36,2% до 41,5%. В лазаретах Петрограда у 70% офицеров и 19% солдат отмечались неврозоподобные состояния[1].

В связи с этим русские военные врачи и психологи пытались выяснить этиологию и механизмы боевой психотравматизации. Условно можно выделить три более или менее проявившихся подхода к этому вопросу. Так, Н. А. Вырубов в 1915 г. определял боевую психическую травму как «контузионный психоз» и «психоневроз». В основе психогенных нарушений у военнослужащих, по его мнению, лежат «органические» нарушения «молекулярного» характера.

Такие ученые, как В. К. Хорошко, В. Н. Мясищев относили психогенные расстройства к заболеваниям мозга. Однако они отличаются от экзогенных и эндогенных расстройств патогенной ролью переживаний, вытекающей из индивидуальных жизненно значимых отношений личности. Психогенный фактор действует одновременно и на психику, и на телесную организацию, включая мозг. Напряжение разряжается в реакциях исключительной длительности и потрясающей силы, часто оставляя после себя то, что называется органическими изменениями в виде сосудистых явлений, расстройств функций желез, падения общего тонуса жизни. При исследовании тел воинов, умерших от «острой психогенной спутанности», А. В. Гервер выявил изменения в клетках коры, похожие на последствия отравления сильным ядом. Психофизиолог Н. М. Добротворский предлагал навести порядок в использовании терминов, обозначающих психологические последствия войны, для чего объединить различные по форме психические расстройства боевой обстановки в единую группу[2].

По мнению выдающегося русского ученого В. М. Бехтерева, этиологию психических расстройств военного времени следует связывать с влиянием опасной обстановки. Аналогичной позиции придерживался С. Н. Давиденко, который указывал на функциональную, эмоциогенную природу «боевых психозов». Жизнь показала, что вторая точка зрения ближе к истине[3].

---

[1] Психология здоровья / под ред. Г. С. Никифорова. СПб., 2003. С. 451.

[2] Там же. С. 60, 87, 99.

[3] Там же. С. 541—543.

В своей работе «Душевнобольные на войне: о практическом подразделении душевных заболеваний на войне» (1915) Г. Е. Шумков предложил свою классификацию психических расстройств военного времени.

По *времени проявления* психозов он выделил три группы:

1) психозы довоенные — случаи болезней психического недоразвития, преждевременного слабоумия (задача — не допустить заведомо больных до театра войны);

2) психозы (во время) войны (психозы тыловые, психозы позиционные, психозы боевые);

3) психозы после войны (вредные моменты могут действовать на психику человека исподволь и дать нарушения не во время войны, а после нее).

По мнению Шумкова, деление психозов на острые и хронические не охватывает всех расстройств личности воина на войне. В связи с этим он предложил собственную классификацию, в которой выделил *четыре группы психозов*:

1-я группа — нервно-психическая неустойчивость к явлениям войны, кратковременные нарушения личности воина в боевых условиях, которые выражают неустойчивость нервно-психической организации воина. Сюда включены расстройства психики от невозможности видеть кровь и истерзанные трупы, переносить резкие звуковые впечатления, невозможности при рукопашных схватках вонзить штык в неприятеля, т.е. те расстройства психики, которые наступают «от ужасов войны» — формы военных неврастений, истерий и т.д.;

2-я группа — скоротечные психозы. Они протекают короткое время, например, два-три дня, неделю или две, месяц, быстро проходят и дают полное психическое выздоровление. Лица, их пережившие, нуждаются в лечении в психиатрических госпиталях, затем возвращаются в ряды армии;

3-я группа — острые психозы. Это психозы с течением более месяца. Их можно относить к излечимым, но требующим более длительного лечения;

4 группа — хронические психозы, т.е. неизличимые.

По оценкам специалистов, данная классификация внесла большой вклад в развитие военной психиатрии. Она также позволила систематизировать влияние боевых впечатлений на психику воина, раздвинула границы военно-психологических знаний[1].

Русские психиатры и психологи уже в годы Первой мировой войны описали отсроченные психологические последствия участия в боевых действиях. Так, В. М. Бехтерев в работе «Война и психозы» (1914—1915) подчеркивал, что переживания событий войны сохраняется у ветеранов войны на протяжении длительного времени. К таким последствиям он, в частности, относил гиперакузис, непереносимость вида крови, приступы страха, ассоциирующиеся с боевой обстановкой, галлюцинации. Эвристичным было то, что он не связывал подобные симптомы с слабохарактерностью.

Совокупность психических симптомов, проявляющихся в ответ на воздействие боевой обстановки, специалисты разных стран называли в годы

---

[1] См.: Военная психология: методология, теория, практика.

соматических и психических болезней (*симуляция*), преувеличение симптомов (*аггравация*).

Анализ показывает, что набор фальсифицируемых симптомов часто зависел от того, какое именно поведение врач данной части считал «боевым неврозом». Широкое распространение симуляции остро поставило перед командирами, военными врачами и психологами задачу разработки критериев и методов выявления симулянтов.

В ходе войны была оценена эффективность существовавших в то время и вновь создаваемых методов и средств психологического вспомоществования психотравмированным военнослужащим. В первом периоде войны в большинстве воюющих армий для лечения больных с истерическими симптомами применялись преимущественно отдых и покой, «мягкие» физиотерапевтические процедуры (лечение бромидами, вливаниями глюкозы и витаминами, ваннами), сочетаемые с убеждением больного в том, что ему «лучше», что болезнь его «проходит».

Низкая эффективность «мягких» подходов привела к применению ***принудительных методов психолого-психиатрической помощи***, нацеленных на то, чтобы заставить больных «отказаться от болезни»: удары током, резкие, властные команды, насильственные упражнения и т.д.

Постепенно во французской, а затем в английской и американской армиях стала применяться целостная ***система репрессивных мер***, включающая четыре последовательных этапа. *Этап психотерапии* включал упреки в нежелании выздороветь в сочетании с убеждением и внушением. *Этап репрессий* состоял в угрозах (ареста и передачи в военный трибунал) и жестком психологическом давлении на больных, чтобы заставить их «бежать из болезни», «бежать из госпиталя на фронт». Для этого психиатры применяли различные методы: изоляцию больных в темном помещении с запрещением общения и чтения; заключение в деревянные изолированные ящики с запрещением контактов; длительную изоляцию в ванной; голодную молочную диету; помещение больных без психических расстройств в беспокойное психиатрическое отделение; болезненные подкожные введения эфира. *Этап фарадизации* предполагал нанесение возрастающих по силе ударов током. *Этап перевоспитания* предполагал выполнение больным мучительной системы военных упражнений. Если на одном из этапов наступало излечение, последующие мероприятия не проводились[1].

Целенаправленно проводился поиск методов психологической помощи военнослужащим, пострадавшим от «снарядного шока», ***в Великобритании***[2]. Командирам и психиатрам давалась инструкция отмечать в докладах все случаи контузии и снарядного шока, вызванные действиями противника (прежде всего взрывами снарядов), буквой «*W*» (от англ. *wounded* — раненый). Пострадавший, отнесенный к этой категории, считался «раненым» и имел право носить на рукаве специальную нашивку (*wound strip*)

---

[1] См.: *Свядощ А. М.* Неврозы и их лечение.

[2] *Караяни А. Г., Караяни Ю. М.* Психологическая помощь военнослужащим в годы Первой мировой войны // Научные и образовательные проблемы гражданской защиты. 2014. № 2. С. 101—110.

войны по-разному — «снарядным шоком», «военным неврозом», а позже — «психоневрозом».

Французские военные психиатры рассматривали психотравматизацию участников боевых действий как психогенное явление. Совокупность симптомов психических расстройств они квалифицировали как *Viovenel's syndrome*.

Действенность **психологической помощи** участникам боевых действий была невысокой в связи с тем, что к началу войны военная психиатрия была еще слишком «молода», в действующих армиях ощущалась острая нехватка психиатров и практически отсутствовали психологи. Те из них, кто привлекался к работе с психотравмированными военнослужащими, либо не знали, либо игнорировали, либо забыли опыт русской военной психиатрии времен Русско-японской войны. Большинство из них полагало, что нервные расстройства являлись последствиями взрывов артиллерийских снарядов, вызывающих нарушения в работе мозга. Эмоциональные реакции на угрожающие факторы войны, такие как страх, попросту не учитывались или рассматривались как трусость.

Военная психология и психиатрия оказались застигнутыми войной врасплох. Каких-либо программ психологической реабилитации психотравмированных военнослужащих попросту не существовало. Специалистам приходилось «с колес» решать многие важнейшие теоретические, методические и технологические задачи, приобретая бесценный опыт методом «проб и ошибок».

Первоначальной, почти импульсивной реакцией специалистов на феномен психотравматизации была ***эвакуация с поля боя пострадавших с диагнозом «военный невроз» и направление их в госпитали***. В горниле войны была испытана эффективность двух схем вспомоществования пострадавшим: 1) англичане эвакуировали лиц с симптомами военного невроза в глубокий тыл (на побережье Ла-Манша) для осуществления их психологической реабилитации в военном госпитале санаторного типа; 2) французы оказывали психологическую помощь пострадавшим вблизи от линии фронта, сохраняя режим воинской деятельности и проводя с ними повседневные занятия по боевой подготовке. Эффективность «английской» реабилитационной схемы была низкой. Лишь незначительная часть пострадавших восстанавливалась, но практически никто не возвращался в боевой строй. Более того, эвакуируемые в тыл английские солдаты после курса психологической реабилитации нередко чувствовали себя еще хуже. Когда же из-за антивоенных выступлений населения после 1917 г. англичане были вынуждены перейти к оказанию психологической помощи воинам в непосредственной близости от линии фронта, количество выздоравливающих и возвращающихся в боевые части стало более значительным.

Вместе с тем эвакуация психотравмированных военнослужащих с поля боя породила весьма опасное явление. В медицинские учреждения потянулись тысячи симулянтов, имитировавших симптомы «военного психоневроза», пытаясь завершить участие в боевых действиях. Для этого использовались членовредительство, самоотравление, самозаражение, самообморожение (*искусственные болезни*), демонстрация симптомов

и претендовать на пенсию. Если расстройство не вызывалось взрывом снаряда, не было причинено врагом, оно квалифицировалось как «контузия» и маркировалась буквой «*S*» (от англ. *sickness* — болезнь). В этом случае пострадавший не имел права на нашивку и пенсию. В июне 1917 г. все британские военнослужащие со случаями «снарядного шока» эвакуировались в ближайший неврологический центр и были маркированы как «пока еще не диагностированное возбуждение» (англ. *Not Yet Diagnosed Nervous*, NYDN). Однако пострадавший мог получить необходимую помощь специалиста лишь после того, как его командир заполнял специальный бланк. Это существенно задерживало процесс оказания помощи, но способствовало пониманию того, что «возбуждение» из-за физических причин (случаи снарядного шока «*W*») составляли лишь 4—10% случаев, а остальные были вызваны эмоциональными причинами. Это открытие привело к тому, что в сентябре 1918 г. понятие «снарядный шок» как болезнь было отменено.

В ходе войны британскими специалистами были разработаны принципы оказания психологической помощи лицам с случаями NYDN, которые были обозначены акронимом «PIE» (англ. PIE — пирог, *P* — *Proximity* (близость), *I*—*Immediacy* (незамедлительность), *E* — *Expectancy* (предвкушение или выжидательность)). Эти принципы означали: *близость* — помогать жертвам вблизи линии фронта и в пределах звуков боя; *незамедлительность* — помогать им немедленно, сразу после обнаружения симптомов; *предвкушение* — предвкушение выздоровления и возвращения в строй.

Задержки, вызванные необходимостью заполнения специальной формы, неожиданно привели к положительным результатам. Военные врачи были вынуждены оставлять пострадавших в воинских частях. Это сделало возможным практически реализовать принцип приближенности. Пострадавшие с маркировкой «*W*» эвакуировались в медицинские учреждения в глубине от линии фронта. Лицам с эмоциональными расстройствами (отмеченным литерой «*S*») предоставлялся отдых (день-два) в пунктах помощи частей. Им разъяснялось, что с ними не произошло ничего страшного, безысходного. Затем они возвращались в боевые порядки войск и действовали под наблюдением командиров и врачей[1].

Интересный опыт реабилитации психотравмированных военнослужащих в годы войны был накоплен ***в армии США***. Еще до вступления этой страны в войну МО осознало важность этой работы. Военная медицинская служба во взаимодействии с Национальным комитетом по психогигиене с первых дней войны активно включилась в работу по психологической помощи участникам боевых действий. Один из специалистов в этой области доктор Т. Салмон был направлен в Англию для изучения опыта психологической реабилитации военнослужащих. Салмона часто называют создателем PIE-принципов. Однако факты указывают на то, что Салмон творчески интегрировал британскую систему принципов, в которой был учтен опыт Русско-японской войны. Следует признать, что в значитель-

[1] *Campise R. L., Geller Sch. K., Campise M. E.* Combat Stress // Military psychology: Clinical and Operational Applications / ed. by C. H. Kennedy, T. A. Zillmer. N. Y. ; L., 2006. P. 215—240.

ной степени именно благодаря Салмону к концу войны удалось выстроить весьма эффективную схему психологической помощи участникам боевых действий, позволявшую возвращать в боевой строй от 40 до 80% пострадавших. Вместе с тем, оценивая успехи, достигнутые американскими специалистами, следует помнить о том, что на долю американских солдат выпало значительно меньше психологических испытаний, чем на солдат других армий. Американцы участвовали в войне непродолжительное время (около полутора лет) и понесли относительно небольшие потери (117 465 человек, т.е. в 11—14 раз меньшие, чем потери Франции, России, Германии).

Американское военное руководство организовало подготовку врачей и вспомогательного медицинского персонала для работы с военнослужащими, подвергшимися психотравматизации. К концу войны в вооруженных силах США насчитывалось без малого 700 психиатров, порядка 38% из которых действовали непосредственно в боевых порядках войск. Такая группировка специалистов позволила создать весьма стройную и эффективную трехэшелонную систему психиатрической и психологической помощи[1].

Первый эшелон составляли включенные в состав дивизий специально подготовленные психиатры. Роль психиатров состояла в выработке рекомендаций командирам по профилактике стрессовых расстройств, выявлению пострадавших и обеспечению их возвращения в подразделения дивизии как можно в более короткие сроки. Используя британский опыт, лиц, подвергшихся травматическому стрессу в дивизиях, классифицировали как NYDN. Это позволило уйти от драматического содержания термина «снарядный шок» и психиатрических оттенков термина «военный невроз». В результате при благоприятных условиях до 70% пострадавших этой категории возвращались в боевой строй.

Второй эшелон составляли специализированные неврологические госпитали вместимостью 150 коек, располагающиеся за дивизионными зонами. Их задача состояла в том, чтобы предоставить дополнительный короткий отдых и реабилитацию тем NYDN, которым не смогли помочь дивизионные психиатры. Здесь же проходили реабилитацию лица, страдающие «газоманией» или «газовой истерией», уверенные, что подверглись заражению боевыми ОВ, хотя в действительности не подвергались газовым атакам. В среднем за две недели до 55% пострадавших данного профиля возвращались в боевые порядки подразделений.

Третий эшелон составляли расположенные в более глубоком тылу базовые специализированные госпитали, предоставлявшие несколько недель дополнительного лечения тем, кому не смогли помочь на втором эшелоне помощи. Многие из пострадавших данной категории также вернулись к исполнению своих обязанностей.

Трехэшелонная система медико-психологической помощи в армии США оказалась весьма эффективной. Ее практическое функционирование позволило констатировать более высокую эффективность передовых эшелонов.

---

[1] Field Manual (FM) 22—51. Leaders' manual for combat stress control. Washington, 1994.

Накопление опыта психологической помощи участникам боевых действий способствовало постепенному изменению представлений специалистов об этиологии психотравм. Выкристаллизовывалось понимание того, что они имеют не соматическую, а эмоциональную природу. Это, в свою очередь, постепенно переориентировало американских психиатров с применения «жестких» методов реабилитации (электрошок, гипноз и т.д.) на «мягкие» (краткосрочный отдых, хорошее питание и т.п.).

В русской армии психолого-психиатрическая помощь строилась на основе германской психиатрической школы. Как психиатры других армий, русские военные психиатры передовых районов не имели опыта, времени, средств для постановки психиатрических диагнозов. Ведущими методами психологической помощи пострадавшим являлись отдых, электростимуляция парализованных конечностей, водная терапия, народная медицина.

Таким образом, в ходе Первой мировой войны у военных психологов и психиатров разных стран сложилось более или менее ясное представление о природе и сущности психической травмы, методах работы с военнослужащими, страдающими психическими расстройствами. Была разработана система оказания психологической помощи военнослужащим в боевой обстановке, включающая: понимание сущности психических расстройств, их классификацию, этапы, методы, средства и принципы оказания психологической помощи психотравмированным военнослужащим.

Важным достижением была разработка PIE-принципов, регулирующих пространственно-временные и смысловые аспекты психологической помощи в боевой обстановке, касающиеся ее неотложности, приближенности органов психологической помощи к линии фронта, специфического отношения к психотравмированным военнослужащим, сочетания психологических, психофизиологических и психиатрических методов вспомоществования.

3.3. Разработка и апробация технологий психологической войны

Во время Первой мировой войны еще крайне редко использовали психологов для участия в информационно-психологических акциях по отношению к противнику, да и термин «психологическая война» появился значительно позже. В то время более популярными и соответствующими действительности были термины «пропаганда» и «информация». Однако именно в этой войне впервые были осмыслены базовые (по преимуществу психологические) принципы, целенаправленно, системно и масштабно были использованы средства и способы информационно-психологического противоборства, получили революционное развитие методы воздействия на умы и сердца войск и населения противника. Все это дает нам основания говорить о том, что именно в пылу баталий Первой мировой войны родился новый вид противоборства — «психологическая война». Эффективность информационно-психологического воздействия на противника зависела от уровня развития информационно-пропагандистской инфра-

структуры государства, степени психологической обоснованности пропаганды и наличия специальных органов ведения психологической войны.

Огромное скопление людских масс, действующих по психологическим механизмам толпы, было благодатной почвой для информационно-психологического воздействия. Как показали результаты войны, было значительно легче морально разложить воюющие государства, чем разбить армии противников. Война шла рука об руку с революцией, что сопровождалось снижением дисциплины и управляемости войск, что создавало благоприятные условия для активного функционирования неформальных каналов информации, по которым транслировалась дезинформация, ложь, страх и отчаяние.

В ходе войны военно-политические руководители воюющих держав пришли к выводу о необходимости создания специального аппарата для ведения пропаганды на войска и гражданское население противника, а также для воздействия на общественное мнение в нейтральных странах. В результате были созданы первые специальные органы ведения пропаганды и подрывных акций среди войск и населения противника (в США — Комитет общественной информации, в Великобритании — Управление пропаганды среди войск и населения противника, во Франции — Служба пропаганды, в Германии — Специальный отдел генерального штаба и т.д.). С того времени подобные органы существуют во всех крупных армиях мира.

Наиболее распространенными формами информационно-психологического воздействия на противника в годы войны были листовки, письма военнопленных, открытки, плакаты, брошюры и даже фальшивые продовольственные карточки. И все же главным информационно-психологическим оружием Первой мировой войны была *листовка*. Пожалуй, впервые специалисты по-настоящему задумались над тем, как сделать текстовое сообщение, адресуемое различным аудиториям, максимально эффективным. Психологи, журналисты, специалисты в области культуры разрабатывали принципы информационно-психологического воздействия, экспериментировали с тематикой, содержанием, формой, размерами, цветовыми характеристиками листовок. В результате были сделаны выводы о том, что листовки должны обращаться не к сознанию людей, а к их эмоциям, «простым» чувствам (страх, любовь, тоска по дому, голод, этнические чувства, ощущение социального неравенства и т.д.), учитывать психологические особенности конкретных аудиторий, иметь небольшие размеры, привлекать внимание людей.

Так, американские листовки призывали простых немецких солдат оказывать сопротивление своим генералам, аристократам и официальным властям. В них сообщалось о том, что «Соединенные Штаты производят грозное оружие в огромных количествах», «Армия Соединенных Штатов высадилась в Европе», «Потери немцев в живой силе и технике и военные неудачи слишком серьезны». В листовках содержалось обещание сдавшимся в плен германским солдатам первоклассное американское питание, гуманное отношение, соблюдение привилегий в соответствии с международным законодательством, сохранение жизни и возможность вернуться

на родину. Учитывая плохое обеспечение немецких солдат продуктами питания, в одной из листовок просто приводился суточный рацион американского солдата (по фунту мяса, картофеля и хлеба, фрукты, настоящий кофе, сахар, молоко, бекон, масло) и сообщалось, что сдавшимся в плен будет выдаваться аналогичный паек.

Особенной активностью в проведении информационно-психологических акций в годы войны отличалась Англия. Англичанами были выпущены миллионы листовок, которые разбрасывались с помощью авиации и воздушных шаров над территорией противника. Специалисты отмечают их высокую эффективность, которая объяснялась тем, что их содержание отвечало чаяниям немецких солдат, строилось в соответствии с их запросами и настроениями. Не случайно известный немецкий генерал Э. Ф. В. Людендорф после войны отмечал, что германские солдаты и офицеры были так искусно и в таком объеме подвергнуты вражеской пропаганде, что вскоре многие из них были не в состоянии различать, что является пропагандой противника, а что их собственным восприятием. В результате они уже не сражались больше до последней капли крови и не хотели больше умирать за свое отечество.

Французскими органами психологической войны было подготовлено и распространено среди германских войск около 30 млн экземпляров листовок и другой печатной продукции.

Не менее активно участвовали в информационно-психологическом противоборстве и германские спецслужбы. Работая на два фронта, они буквально засыпали с цеппелинов листовками российские, английские и французские войска. Так, в листовках, распространявшихся на Восточном фронте в 1915 г., немцы утверждали, что англо-французские войска разбиты и такая же участь ожидает русских, поэтому, чтобы избежать «ненужного кровопролития», русским солдатам предлагалось организованно сдаться в плен. Среди российских воинов распространялись «пораженческие» листовки, в которых говорилось о бедствиях в тылу, голоде, массовых заболеваниях и т.п. Используя тонкую дезинформацию, грубую ложь и запугивание, они сумели существенно повлиять на морально-психологическое состояние союзнических армий.

Распространение пропагандистских материалов осуществлялось, главным образом, посредством авиации и воздушных шаров. Помимо печатной пропаганды на фронтовых позициях использовались репродукторы-громкоговорители.

В конце войны Антанта предприняла шаги по координации своих пропагандистских усилий и создала специальный штаб по разложению германских войск. Россия в этих акциях принимала менее активное участие, так как была к ним слабо технически подготовлена.

Опыт информационно-психологической деятельности воюющих армий был обобщен в специальной, научной, научно-популярной литературе, в документах, касающихся управления войсками. Этому были посвящены книги: в Германии — «Боевая психология», в Англии — «Тайны дома Крю», в США — «Техника пропаганды в мировой войне» Г. Д. Лассуэла. Положения этих работ и сегодня являются актуальными, они легли в основу пер-

вых документов, регламентирующих содержание и организацию информационно-психологического противоборства в армиях этих государств.

Другие направления развития военной психологии. Кроме перечисленных трех крупных направлений приложения психологии к практике решения задач вооруженной борьбы (психологический отбор, психологическая помощь и психологическая война), психологи занимались вопросами воспитания у солдат дисциплины, мужества, бесстрашия, повышения эффективности боевой подготовки и управления, акустики, отдыха и т.д.

В России один из создателей военной психологии Г. Е. Шумков исследовал широкий спектр проблем, связанных с психическими состояниями солдат в бою, под артиллерийским огнем, в период затишья, после боя[1]. Его наблюдения и эмпирические исследования и сегодня являются важными источниками знаний о психических явлениях боя. Психологические причины и последствия войны, нравственные условия победы и поражения анализировали В. Н. Орлов, В. М. Бехтерев, С. А. Кузьмин, В. Е. Пепелищев.

В 1918 г. при штабе армии США была создана первая в истории Психологическая (моральная) служба. Теоретико-методический фундамент ее деятельности составили труды первого начальника Службы полковника Мунсона («Руководство людьми») и главного идеолога и организатора Службы известного психолога Р. Йеркса («Война и психология»). Служба выстаивалась как вертикальная структура и имела центральный орган и представителей в воинских частях. Непосредственно в подразделениях действовали представители Службы (унтер-офицеры), которые решали две важнейшие задачи: 1) распространяли подготовленные специалистами Службы военно-психологические материалы среди военнослужащих; 2) информировали руководство Службы о морально-психологическом состоянии личного состава подразделения.

В работе английского военного специалиста Н. Коупленда «Психология и солдат» (М., 1991) описываются принципиальная схема и приемы работы американских военных психологов в начале войны. В первые дни участия Америки в войне Национальная психологическая ассоциация разработала программу психологической работы в лагере Гринлиф. Эта работа включала психологический отбор новобранцев, формирование у них рационального отношения к войне, участию в боевых действиях, оказание помощи в первичной адаптации к армейской жизни. Специально назначенный офицер выполнял функции психолога. Кроме этого, ассоциация направила в лагерь 35 психологов, призванных на практике реализовать разработанную программу. Психологи в любое время суток встречали и лично приветствовали каждого прибывающего новобранца. Служба каждого рекрута начиналась с бани, хорошей еды, отдыха. На следующий день начиналась информационно-психологическая работа в специально развернутой для

[1] В 1914—1915 гг. Г. Е. Шумковым написаны работы: «Душевное состояние воинов в бою: в период затишья. Тревожное состояние», 1914; «Психика бойцов под первым артиллерийским обстрелом» (1914); «Душевное состояние воинов после боя» (1914); «Угнетение психики воинов артиллерийским огнем» (1914); «Душевнобольные на войне: о практическом подразделении душевных заболеваний на войне» (1915).

этого палатке. Новобранцам рассказывали о войне, о бое, о необходимости дисциплины и боевого товарищества, о режиме жизни в лагере, порядке обращения к врачу, соблюдении формы одежды и многих других жизненно важных вопросах. Солдаты понимали, что если о них заботятся, то они не «средство», а «ценность», и они участвуют в выполнении важнейшей национальной миссии. Для того чтобы создать у новобранцев позитивный боевой настрой, организовывались концерты художественной самодеятельности, разучивались строевые песни, организовывалось написание писем домой и т.д.

Описанная схема деятельности психологов формировала у новобранцев уверенность в том, что война — это не только кровавое и смертельное противоборство с противником, а полноценный кусок жизни, включающий и многие положительные моменты (участие в великой миссии, уважение родных и близких, хорошее питание, заботу командиров, возможность проявить свои таланты, закалиться физически и морально). Все это способствовало развитию высокого морально-психологического состояния воинов.

Опыт организации психологической работы в вооруженных силах позже был обобщен в работах полковника Андрюса «Людские силы в применении к военному делу» и «Вооруженные людские силы», А. Миллера «Предводительство».

В Германии воплощением рекомендаций и выводов психологии к практике подготовки и ведения войны занимались Психологическая лаборатория и Специальный отдел при Генеральном Штабе. Область научных исследований лаборатории составляли поведение солдата в бою, на службе, вопросы национальной психологии и т.д. Спецотдел генерального штаба занимался разработкой теоретико-методических основ пропаганды, основанной на теории мышления. Психологи работали на призывных пунктах, в психиатрических клиниках, в дисциплинарных тюрьмах.

Многие психологи из разных стран сформировали свои важнейшие научные идеи и приобрели эвристические наблюдения, участвуя в сражениях Первой мировой войны. Так, К. Коффка, работая в психиатрической клинике, помогал пациентами с черепно-мозговыми травмами и страдающими афазией, а также исследовал феномены потери слуха и звуковой локализации; М. Вертгеймер занимался разработкой прослушивающих гидроакустических приборов для подводных лодок и береговых портовых укреплений; К. Гольдштейн работал директором клиники военного госпиталя для солдат с черепно-мозговыми травмами и содействовал созданию института по изучению последствий этих травм. Именно здесь Гольдштейн провел фундаментальные исследования, составившие основу его организмического подхода к пониманию личности. Доктор психологии К. Левин в течение четырех лет проходил военную службу в пехоте германской армии, проделав путь от рядового до лейтенанта. Поступив на военную службу в начале войны, Э. Кречмер занимался организацией неврологического отделения военного госпиталя в Бад-Маргентхайме. Известный психолог, возглавлявший Американскую психологическую ассоциацию, Д. Б. Уотсон служил во время войны майором авиационной службы. Полу-

чили опыт военной службы Ф. Г. Оллпорт и Г. С. Салливан. Как было показано выше, значительное число известных психологов, надев военную форму, участвовало в разработке тестов для отбора и в практическом тестировании новобранцев.

Таким образом, завершая анализ использования психологии в целях решения военных задач в годы Первой мировой войны, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, в ходе войны был накоплен богатый опыт консолидации, интеграции и координации усилий психологов для решения оборонных задач. В США, Англии, Германии психологи были взяты на учет и привлечены для решения широкого круга вопросов. В оборонную работу активно включились как специально созданные психологические структуры воюющих армий, так и общественные организации.

Во-вторых, психология отчетливо заявила о себе как о науке, без которой вести современные войны неэффективно и чревато крайне негативными последствиями. Комплектование эффективных армий невозможно без психологического отбора контингентов. Поддержание высокого боевого духа войск и боевой активности военнослужащих немыслимо без психологической поддержки и психологической помощи военнослужащим, психологической реабилитации пострадавших воинов. Боевые действия не могут быть эффективными без информационно-психологического обеспечения.

В-третьих, война дала мощный толчок развитию прикладной психологии, которая существенно расширила свои границы, доказала свою состоятельность и завоевала признание у ученых и практиков.

В ходе войны военную психологию творили не только военные психологи, врачи и командиры, но и рядовые солдаты, гражданские специалисты из различных профессиональных сфер.

Можно говорить о том, что в годы Первой мировой войны зародилась боевая зоопсихология. Так, русский дрессировщик Владимир Дуров проявил инициативу в подготовке морских животных (боевых тюленей, дельфинов и морских котиков) искать мины. Было обучено 20 животных, но из-за отравления они не были использованы по назначению.

Практически во всех воюющих странах активно применялись голуби с их даром «хоуминга» — способности находить дорогу домой откуда бы то ни было. В войне было задействовано более трех тысяч почтовых голубей, вклад которых в решение боевых задач был оценен очень высоко. Так, английский почтовый голубь № 888 за годы боевой службы доставил несколько сотен сообщений и погиб при выполнении особо важного боевого задания, ему посмертно было присвоено звание полковника британской армии. Официальные похороны отважной птицы были проведены по всем правилам воинского ритуала.

Участники боевых действий использовали выдающиеся психологические возможности животных как ресурс боевой эффективности. Например, в некоторых подразделениях держали в окопах кошек и собак, которые раньше человека распознавали признаки применения противником отравляющих веществ. Собаки отыскивали раненых «своего» воинского подразделения, выполняли охранные функции, служили военными почта-

льонами. Одна из них, питбультерьер Стабби, приняла участие в 17 боях, была дважды ранена, несколько раз спасала своих однополчан, за что была награждена многими боевыми наградами и получила за подвиги звание сержанта.

К сожалению, с окончанием войны накопленный военной психологией опыт оказался забытым практически во всех ведущих армиях мира. Это было связано с тем, что сознание людей, завершивших это чудовищное взаимное уничтожение, отказывалось верить в то, что повторение подобного события возможно еще когда-либо в грядущей судьбе человечества. Военная психология и военные психологи в большинстве стран — активных участников войны — на многие годы исчезли с научно-практического ландшафта своих государств.

Рекомендуемая литература

Караяни, А. Г. Морально-психологическое состояние народов и армий воюющих государств в годы Первой мировой войны // Первая мировая война 1914—1918 гг. : в 6 т. Т. 1. Происхождение и основные события войны / А. Г. Караяни, М. С. Полянский. — М. : Кучково поле, 2014. — С. 535—574.

Караяни, А. Г. Психологическая помощь военнослужащим в годы Первой мировой войны / А. Г. Караяни, Ю. М. Караяни // Научные и образовательные проблемы гражданской защиты. — 2014. — № 2. — С. 101—110.

Лихи, Т. История современной психологии / Т. Лихи. — 3-е изд. — СПб. : Питер, 2003.

Майерс, Д. Социальная психология / Д. Майерс. — СПб. : Питер, 1999.

Свядощ, А. М. Неврозы и их лечение / А. М. Свядощ. — М. : Медицина, 1971.

Сенявская, Е. С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России / Е. С. Сенявская. — М. : РОССПЭН, 1999.

Шульц, Д. П. История современной психологии / Д. П. Шульц, С. Э. Шульц. — СПб. : Евразия, 1998.

Практикум

Контрольные и аналитические вопросы

1. Чем отличались армейские «альфа-тест» и «бета-тест»?
2. В армии какого государства и в какой период была создана первая в истории психологическая служба?
3. Какой принцип, разработанный Г. Е. Шумковым во время Русско-японской войны, стал важнейшим принципом психологической помощи в годы Первой мировой войны?
4. Что означают PIE-принципы оказания психологической помощи?
5. Какие средства использовались в информационно-психологическом противоборстве в годы Первой мировой войны?
6. Какие направления можно выделить в деятельности психологов в годы Первой мировой войны?
7. Чем отличаются французская и английская схемы оказания психологической помощи участникам боевых действий?
8. Почему в годы Первой мировой войны произошел сдвиг от «мягких» к «жестким» методам психологической помощи?

9. Почему страны-участницы войны проявляли разную активность в информационно-психологическом противоборстве?

10. Известно, что между Р. Йерксом и У. Д. Скоттом произошел принципиальный «методологический» конфликт, связанный с пониманием целей, задач, методов психологического отбора новобранцев. Как этот конфликт сказался на судьбе мировой тестологии?

Практические задания

1. Опыт психолого-психиатрической помощи в боевой обстановке наиболее полно был обобщен в разработанном британским правительством «Докладе Военного министерства по “снарядному шоку”», который был опубликован в 1922 г. В нем содержалось описание системы эшелонированной психологической помощи участникам боевых действий.

Внимательно прочитайте выдержку из доклада и определите, какие из PIE-принципов психологической помощи в нем учтены. Выделите эшелоны психологического вспомоществования, различающиеся по удалению психологической помощи от линии фронта, используемым формам и методам психологической реабилитации.

Психологическая помощь должна осуществляться следующим образом.

1. В *передовых районах* любые самовольные попытки оставления поля боя должны предотвращаться. Военнослужащим разъясняется, что утрата нервного или умственного контроля не может быть основанием для оставления боевых позиций. Помощь пострадавшим ограничивается предоставлением кратковременного отдыха. Принимаются меры для побуждения их к возвращению в боевой строй.

2. Реабилитацию пострадавших с более серьезными психологическими расстройствами, требующими квалифицированной и трудоемкой помощи, осуществлять в *специальных неврологических центрах*, расположенных в непосредственной близости от линии фронта. Помощь должна осуществляться специалистом по нервным расстройствам. Эвакуация и психологическая помощь не должны маркировать пострадавших и фиксировать в их сознании мысли о нервном расстройстве.

3. В более сложных случаях пострадавшие эвакуируются в *базовые госпитали*. Помощь им оказывается в отдельном госпитале или отдельных секциях госпиталя, а не вместе с обычными больными и ранеными пациентами.

Эвакуация пострадавших в *глубокий тыл* осуществляется только в исключительных случаях и касается тех лиц, которые, по всей вероятности, будут непригодными к дальнейшему участию в боевых действиях. Эта политика должна быть широко известна каждому военнослужащему.

4. *Формы лечения*. Важнейшими факторами лечения пострадавших являются: атмосфера лечения, личность врача, используемые методы и формы. Значительные результаты в лечении пострадавших в большинстве случаев достигаются простейшими формами психотерапии, такими как физический и умственный отдых, объяснение, убеждение, ванны, электричество и массаж. Гипноз и психоанализ не рекомендуется применять для оказания психологической помощи военнослужащим в боевой обстановке.

Быстрейшему выздоровлению способствуют перевоспитание и интересные занятия. Если пострадавший непригоден к дальнейшей военной службе, необходимо подобрать ему подходящее занятие (профессию) по возвращению к активной жизни.

5. *Возвращение на линию фронта*. Пострадавшие не возвращаются в боевой строй:

1) если сила проявления симптомов невроза делают невозможным участие военнослужащих в боевых действиях;

2) расстройство настолько серьезно, что требует длительного периода отдыха и лечения;

3) расстройство — это тревожное расстройство серьезного типа;

4) расстройство — умственное расстройство или психоз, требующий лечения в психиатрической больнице.

Вместе с тем многие из пострадавших после восстановления могут полезно использоваться в выполнении некоторых видов вспомогательных военных обязанностей[1].

2. В годы Первой мировой войны для распространения листовок и других печатных материалов на войска и население противника преимущественно использовались воздушные шары. С их помощью можно было доставить 2 кг печатных материалов (от 500 до 1000 экземпляров листовок) на расстояние, определяемое временем горения бикфордова шнура. Одновременно велась разработка других средств распространения информационно-психологических материалов. Так, в Великобритании в 1918 г. были изобретены и испытаны агитснаряд, агитмина, ручная и винтовочная агитгранаты, правда, применить их практически удалось лишь много лет спустя.

Определите, о чем свидетельствуют эти факты?

3. Немецкий писатель Э. М. Ремарк (сам участник Первой мировой войны) в своей книге «На западном фронте без перемен» словами главного героя описывал свои чувства.

«...мы уже отупели от напряжения. Это то убийственное напряжение, когда кажется, что тебе царапают спинной мозг зазубренным ножом. Ноги отказываются служить, руки дрожат, тело стало тоненькой пленкой, под которой прячется с трудом загнанное внутрь безумие, таится каждую минуту готовый вырваться наружу безудержный, бесконечный вопль».

«Наши лица покрыты коростой, в наших мыслях царит хаос, мы смертельно устали; когда начинается атака, многих приходится бить кулаком, чтобы заставить их проснуться и пойти вместе со всеми; глаза воспалены, руки расцарапаны, колени стерты в кровь, локти разбиты. Результатом этой нечеловеческой драматургии боя являлось формирование особых психических состояний и самоощущений личности участников».

«Мы превратились в диких зверей. Мы не сражаемся, мы спасаем себя от уничтожения. Мы швыряем наши гранаты не в людей — какое нам сейчас дело до того, люди или не люди эти существа с человеческими руками и в касках? В их облике за нами гонится сама смерть...»

«Сжавшись в комочек, как кошки, мы бежим, подхваченные этой неудержимо увлекающей нас волной, которая делает нас жестокими, превращает нас в бандитов, убийц... в дьяволов и, вселяя в нас страх, ярость и жажду жизни, удесятеряет наши силы, — волной, которая помогает нам отыскать путь к спасению и победить смерть. Если бы среди атакующих был твой отец, ты, не колеблясь, метнул бы гранату и в него!»[2]

На основе этой цитаты составьте классификацию: 1) ощущений; 2) чувств; 3) ценностей участников боевых действий.

---

[1] URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Combat_stress_reaction (дата обращения: 12.02.2016).

[2] *Ремарк Э. М.* На западном фронте без перемен. М., 2003. С. 87, 88, 99.

Глава 4
РАЗВИТИЕ ВОЕННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В результате освоения материалов данной главы студент должен:

знать

- достижения военной психологии в области маскировки и повышения эффективности наблюдения;
- особенности организационных схем, технологий и принципов психологической помощи участникам боевых действий;
- направления совершенствования теории и практики информационно-психологического противоборства;

уметь

- осуществлять сравнительный анализ использования психологии для решения военных задач в СССР, США, Англии, Франции, Германии;
- извлекать уроки и выводы из достижений и недостатков в приложении психологии к практике решения боевых задач в годы войны;

владеть

- приемами интерпретации конкретных фактов истории развития теории и практики военной психологии в годы войны;
- навыками работы с исторической военно-психологической литературой.

Вторая мировая война явилась самым драматическим военным событием за всю историю человечества. На грань существования были поставлены не только отдельные люди, социальные группы, народы и государства, но и вся человеческая цивилизация. Это была война поистине мировая по количеству стран-участниц, пространственно-временному размаху сражений, разрушительной силе используемого оружия, масштабу человеческих жертв и страданий. В ней приняли участие 62 из 73 существовавших в то время государств мира (80% населения планеты). Боевые события разворачивались на протяжении шести лет на территориях 40 государств Европы, Азии, Африки и в акваториях четырех океанов. В ходе войны впервые было применено ядерное оружие, ракеты, реактивные системы залпового огня, в огромных масштабах использовались самые мощные средства вооруженного насилия (авиация, танки, дальнобойная крупнокалиберная артиллерия, подводные лодки). Впервые была создана система массового уничтожения гражданского населения — концентрационные лагеря, в которых погибли миллионы человек.

Всего в войне погибло до 65 млн человек, в том числе около 27 млн — на полях сражений. Война радикально изменила политическую карту мира, расстановку сил на мировой арене.

В ходе войны психология получила опыт крупномасштабного приложения своих научных выводов и практических рекомендаций к практике решения военных задач. Военная психология не только доказала свою состоятельность, но и была признана важнейшим фактором достижения победы над противником. На вклад психологов разных стран в решение оборонных задач повлияли следующие факторы.

1. Опыт использования психологии в военных целях, накопленный в годы Русско-японской и Первой мировой войн, не был закреплен в соответствующих боевых уставах, наставлениях, руководствах и был практически повсеместно забыт. В связи с этим остро встали задачи поиска источников опыта предыдущих войн, восстановления систем психологического отбора, психологической помощи, психологического противоборства и т.д.

2. В нашей стране после Первой мировой войны военная психология так и не восстановилась, а после выхода в свет 4 июля 1936 г. печально известного постановления ЦК ВКП(б)[1] «О педологических извращениях в системе наркомпросов»[2] и принятия решения о самороспуске организаций по психотехнике и прикладной психофизиологии, военно-психологические исследования и военно-психологическая практика стали социально неодобряемыми.

Вышедшая в 1929 г. книга боевого офицера Г. Д. Хаханьяна «Основы военной психологии» является единственной крупной работой по военной психологии, изданной в нашей стране в 20—60-е гг. XX в. Однако уже в предисловии к ней авторитетный физиолог Ю. П. Фролов высказывал сомнения в возможностях военной психологии и делал вывод, что «путь к изучению человека-бойца, рассматриваемого в обстановке боя, лежит не через психологию, а через физиологию». По существу, в данной оценке содержалась своеобразная «отмашка», означавшая начало похода против военной психологии.

В 30-х гг. XX в. практические психологические проблемы некоторое время решались в психофизиологических лабораториях[3], которые, по замыслу Ю. П. Фролова, занимались построением «тактической физиологии» — научной дисциплины, исследующей функциональные реакции

---

[1] ЦК ВКП(б) — Центральный комитет Всесоюзной коммунистической партии (большевиков).

[2] Педология — имевшее место в конце XIX — начале XX в. направление в науке, преследующее цель объединения возможностей медицины, биологии, психологии, педагогики для понимания закономерностей и оптимизации развития ребенка.

[3] В 1924 г. при учебных заведениях ВВС СССР были созданы психофизиологические лаборатории, которые были призваны осуществлять отбор по физическим, психофизиологическим данным в воздушный флот. Научное руководство ими было возложено на Центральную психофизиологическую лабораторию ВВС во главе с врачом-психофизиологом Н. М. Добротворским. Аналогичные лаборатории были открыты в других видах вооруженных сил и родах войск. В 1924 г. была создана Центральная комиссия по организации психофизиологических испытаний в Красной Армии, а в 1925 г. утверждено Положение о психофизиологической лаборатории округа (фронта, армии), и начали создаваться такие лаборатории. В 1932 г. вышла Инструкция о проведении психотехнических испытаний в военно-учебных заведениях и красноармейских частях. Таким образом, в начале 20-х гг. XX в. в России была сформирована система медицинского и психологического отбора в Красную армию. См.: Основы военного профессионального психологического отбора. М., 2005. С. 38.

организма бойцов, степень их утомляемости в различных условиях и при различных нагрузках, профессиональным отбором и т.д. Главной их целью являлась научная организация тактической подготовки войск. Однако вскоре и их работа была прекращена. За последующие годы из сознания военных руководителей постепенно «выветрились» сформулированные и частично апробированные в конце XIX — начале XX в. российскими военными психологами и практиками важнейшие положения о путях и способах практического применения военно-психологического знания при организации и осуществлении боевой деятельности войск. Фундаментальные идеи о психологических составляющих войны, факторах, определяющих боевую активность воинов на поле боя, живой опыт психологической подготовки личного состава и оказания психологической помощи психотравмированным военнослужащим оказались на некоторое время забытыми. В результате вопросы психологического обеспечения боевой деятельности советских войск у озера Хасан (1938), на Халхин-Голе (1939), в Испании (1936—1939), в войне с Финляндией (1939—1940) решались без должного использования выводов и рекомендаций военной психологии[1].

Перед началом Великой Отечественной войны в стране не было людей, называвших себя военными психологами, такие специалисты не готовились в вузах, в боевых документах психологические аспекты войны и боя не учитывались. Более того, с началом войны большинство отечественных психологов было отправлено на фронт для выполнения военных обязанностей, не связанных с их специальностью[2].

3. Произошло перемещение центра мировой психологии из Германии в США. В результате преследований психологов еврейской национальности в Германии десятки известных специалистов эмигрировали в течение нескольких лет в другие страны и, прежде всего, в США. Среди них были: А. Адлер, Т. Адорно, Ф. Алекзандер, А. Ангъял, К. Бюлер и Ш. Бюлер, М. Вертгеймер, К. Гольдштейн, В. Кёлер, К. Коффка, К. Левин, Я. Морено, В. Райх, О. Ранк, О. Сакс, Л. Фестингер, Ф. Хайдер, Х. Химмельвайт, Э. Эриксон, Э. Фромм и др.

Приложение рекомендаций психологической науки к практике решения военных задач осуществлялось по всем важнейшим направлениям, обеспечивающим достижение победы над противником. Наиболее важными из них являлись направления, связанные с научным осмыслением сущности и методов оптимизации: 1) маскировки, наблюдения и ночного зрения;

---

[1] *Белоусов А. В., Караяни А. Г.* Отечественная психология в годы Великой Отечественной войны // Инновации в образовании. 2005. № 3. С. 128—147; *Караяни А. Г.* Алтарь победы // Национальный психологический журнал. 2010. № 1. С. 29—33.

[2] По данным А. А. Смирнова, в годы войны психологи: занимали командные посты (А. Г. Ковалев, В. И. Киреенко, М. Ф. Громов, Е. И. Игнатьев, А. И. Щербаков, С. Н. Шебалин); на медицинских постах (В. Н. Мясищев, К. К. Платонов, В. Н. Колбановский); на должностях младшего медицинского персонала (А. В. Ярмоленко, А. А. Люблинская, Т. А. Репина); служили на армейских должностях (Д. Б. Эльконин, Ф. Н. Шемякин, Г. Д. Луков, А. Г. Коварев, В. И. Кауфман, Ю. А. Самарин, Г. З. Рогинский, Б. О. Хотин, А. Л. Шнирман, А. В. Веденов, Ю. А. Самарин, А. Ц. Пуни). В партизанском отряде сражался Б. С. Смирнов. Были ранены или контужены Е. С. Кузьмин, М. Ф. Морозов, А. З. Редько. Погибли на войне Л. М. Шварц, И. И. Волков, Ф. И. Муплев, доцент МГПИ им. В. И. Ленина П. С. Любимов.

2) психологического отбора военнослужащих; 3) расширения психологических возможностей участников боевых действий; 4) психологической помощи участникам боевых действий; 5) информационно-психологического воздействия на противника. Рассмотрим эти направления.

4.1. Развитие теоретических и прикладных вопросов маскировки и наблюдения

С началом войны перед психологами Советского Союза, Великобритании и Франции остро встала задача ***маскировки важнейших объектов государственного, военного значения, искусства и культуры***.

О важности этой задачи свидетельствует следующий факт. Еще в конце XIX в. было установлено, что адаптированный к темноте глаз человека относительно нечувствителен к красному свету и максимально чувствителен к синему свету. По некоторым данным, чувствительность человеческого глаза к световым волнам разной длины различается до 1000 раз. Знание этого факта позволило совершить революционные прорывы в кино- и фотоиндустрии, автостроении и т.д. Однако по труднообъяснимой причине это открытие было игнорировано французскими и английскими военными специалистами. В результате этого две крупнейшие столицы Европы — Париж и Лондон — в годы войны «маскировались» с помощью подсветки синим светом, в то время как военнослужащие в расчетах противовоздушной обороны, защищавших небо над этими городами, постоянно ослеплялись синим светом, и именно этот свет был виден фашистским летчикам с максимального расстояния. Это психологическое невежество обошлось французскому и английскому народу тысячами человеческих жизней.

Советские психологи, психофизиологии, архитекторы и художники, привлеченные к решению задачи маскировки, дали образец классического подхода к решению подобных практикоориентированных задач. Так, отдел психологии Ленинградского института мозга им. В. М. Бехтерева с августа 1941 г. приступил к практическому решению задачи маскировки зданий Ленинграда. Для этого была создана специальная группа психологов (А. И. Зотов, З. М. Беркенблит, Р. А. Каничева и др.) под руководством Б. Г. Ананьева. Целью маскировки городских объектов являлось их сокрытие, деформация и имитация[1]. Была создана исследовательская методика, предполагающая создание моделей воспринимаемых объектов с воздуха (вражескими летчиками) в пропорциях, соответствующих величинам реальных объектов, воспринимаемых с расстояния от трех до 12 км. Другими словами, были построены макеты основных зданий Ленинграда и на них отрабатывались вопросы маскировочной окраски, искажения формы, создания ложных объектов и т.д. Всего было проведено около

[1] *Каничева Р. А., Ярмоленко А. В.* Ленинградские психологи в годы войны // Психологический журнал. 1985. № 6. С. 3—7.

300 таких опытов[1]. В результате были разработаны уникальные технологии маскировки, являющиеся бесценными и сегодня. Учеными за короткое время были переосмыслены многие теоретические наработки в области восприятия и маскировки, открыты новые закономерности цветового восприятия. В предложенных ими рекомендациях содержались конкретные предложения по использованию методов раскраски объектов и фона и освещения маскируемых объектов.

Результаты этой работы говорят сами за себя. Девятьсот дней и ночей фашистская авиации и крупнокалиберная артиллерия без устали наносили разрушительные удары по блокадному Ленинграду. На последнем этапе блокады фашисты стремились стереть с лица Земли не только исторические здания города, но и саму историю России. В город засылались лазутчики-авианаводчики, которые должны были корректировать точность авиаударов. Это невероятно, но благодаря маскировке удалось «спрятать» от врага и спасти величайшие шедевры отечественной архитектуры и культуры.

ГКО 9 июля 1941 г. издал постановление № ГКО-73сс «О создании службы маскировки при московском совете», в котором ставилась задача обеспечить маскировку оборонных заводов, водопроводных станций, центрального телеграфа, Кремля, нефтехранилища. План маскировки города был разработан 14 июля, а уже 29 июля специальная комиссия облетала на самолете Москву и оценивала качество произведенных маскировочных работ. Вердикт комиссии был положительным: замаскированные объекты видны значительно хуже, чем незамаскированные. Комиссией были даны рекомендации по дальнейшему сокрытию от противника важнейших объектов столицы.

По плану, подготовленному на основе учета психофизиологических закономерностей зрительного восприятия объектов, оптического обмана группой архитектора Б. Иофана, осуществлялось две стратегии имитации: 1) «плоскостная»; 2) «объемная». «Плоскостная» маскировка предполагала окраску крыш зданий, стен, фасадов домов, площадей, дорог с целью сокрытия или изменения их наиболее приметных особенностей, а также и изображение на них перспективного вида обычных городских зданий и разрушенных строений, дорог, парков. Фасад Большого театра был закрыт «задником» сцены из оперы «Князь Игорь». Над Мавзолеем и Тайницким садом вывешивались специальные полотнища, на которых были нарисованы крыши других зданий. Кремлевские звезды были закрыты чехлами и деревянными щитами, кресты церквей сняты, позолоченные купола задекорированы. Кремлевская стена превратилась в улицу со сплошными строениями. Художник-авангардист Я. Чернихов придумал особые изображения, которые с расстояния производили магический эффект: на московских площадях и улицах появились городские окраины, леса с озерами, густые облака и др.

Недостатком плоскостной имитации было то, что создаваемые изображения не давали тени и вражеские летчики могли обнаружить это. «Объ-

---

[1] *Кольцова В. А., Олейник Ю. Н.* Деятельность психологов в годы Великой Отечественной войны // Психологический журнал. 1990. № 3. С. 16—24.

емная имитация» заключалась в создании специальных макетов городских зданий на Красной площади, в Александровском саду, на территории Кремля. Так, на Красной площади были размещены объемные макеты 25 зданий, посажены деревья. Благодаря маскировке территория Кремля с прилегающей Красной площадью, Александровским садом (более 27 га), с рубиновыми звездами кремлевских башен, крестами и куполами церквей попросту «исчезли» для вражеских летчиков[1]. Для маскировки Москвы-реки, являющейся хорошим ориентиром, использовались ложные мосты, баржи с макетами зданий со специальной подсветкой.

Кроме этого, строго соблюдались меры световой и звуковой маскировки. Например, перестали бить куранты на Спасской башне, по сигналу тревоги мгновенно выключалось освещение объектов, осуществлялось светозатемнение зданий, а многие ложные объекты, напротив, специально подсвечивались.

Таким образом, при осуществлении маскировки важнейших государственных и военных объектов специалисты использовали закономерности соотношения фигуры и фона, методы окраски объектов под окружающую местность и местности под цвет объектов, деформирующий камуфляж и мимикрию (имитацию разрушений), щиты и маски, создавали плоские и объемные ложные объекты с имитацией их жизнедеятельности (например, подсветки) и т.д. Это был самый масштабный опыт маскировки в истории войн и военного искусства.

Учитывая то, что вражеские самолеты бомбили Москву преимущественно в ночное время под шквальным огнем наших зенитчиков, подсвечивая объекты бомбами (которые весьма эффективно сбивались средствами ПВО), а фашистские летчики ослеплялись нашими прожекторами, то эффективность авиаударов была предельно минимизирована. Более трети всех бомб попали в ложные цели, а остальные — во второстепенные здания. Из многих тысяч сброшенных фашистами лишь две бомбы упали на территорию Кремля, одна попала в Большой театр.

Исследование психофизиологических особенностей зрительного и слухового восприятия было связано с разработкой теоретических и прикладных проблем противовоздушной маскировки, полевой разведки, наблюдения, ПВО, повышения чувствительности зрения и слуха. Это направление активно разрабатывалось К. Х. Кекчеевым, С. В. Кравковым, А. Н. Леонтьевым, Л. А. Шварцем и др.

Актуальной теоретико-прикладной проблемой в начале войны была ***проблема ускорения темновой адаптации***, в первую очередь летчиков. Дело в том, что немецкая авиация бомбила хорошо защищенные объекты преимущественно ночью. До того, как нанести удар по тому или иному объекту, фашистские летчики находились в ночном небе достаточно времени, чтобы

---

[1] См.: *Горосов О.* Как Кремль исчез на четыре года. URL: http://www.anothercity.ru/moscow-mysteries/mysreries/6568-kremlin (дата обращения: 11.02.2016); Маскировка Москвы. URL: http://zyalt.livejournal.com/724754.html (дата обращения: 15.01.2016); *Зотов А.* Во время Великой Отечественной войны художники спасали Москву от налетов гитлеровской авиации // Первый канал [сайт]. URL: http://www.1tv.ru/news/social/206496 (дата обращения: 15.01.2016).

их глаза адаптировались к темноте. Наши летчики поднимались по тревоге, выбегали из освещенных помещений, садились в самолеты и взлетали навстречу врагу практически «слепыми». Им требовалось 20—40 мин, чтобы их зрительный аппарат адаптировался к темноте. В результате наши летчики априори проигрывали противнику в психологическом отношении, в способности ориентироваться и действовать в ночном бою. В рекомендациях психологов по быстрой темновой адаптации, повышению остроты ночного видения нуждались наши разведчики, снайперы, наблюдатели, специалисты ПВО и др.

В связи с этим лаборатория психофизиологии Института психологии при Московском государственном университете (МГУ) во главе с К. Х. Кекчеевым (создана в 1942 г.) приступила к разработке методов ускорения адаптации глаз к темноте, борьбы с ослеплением светом прожекторов, сенсибилизации слуха и зрения, развития глазомера, различения быстро движущихся объектов, способов звукомаскировки и т.д. В ряде экспериментов ими было подтверждено, что возбуждение одной из систем симпатической иннервации закономерно влечет за собой возбуждение всех прочих симпатических систем. Был сделан фундаментальный вывод о том, что чувствительность органов чувств человека, в частности зрения, закономерно повышается при восприятии им приятных раздражителей и снижается при неприятных ощущениях.

Это позволило психологам экспериментально разработать целый комплекс простых и надежных методов ускорения темновой адаптации глаз, борьбы с утомлением, поддержания высокой работоспособности воинов. В результате был создан своеобразный «каталог» физиологических стимулов, позволяющих быстро снимать утомление, снижать количеств ошибок в действиях и повышать чувствительность органов чувств:

— приятные вкусовые ощущения (сосание кусочка сахара, сладко-кислых таблеток) повышает чувствительность ночного зрения на 210%;

— приятная музыка повышает чувствительность на 240%;

— одноминутное форсированное дыхание, рефлекторно возбуждающее симпатическую иннервацию, позволяет сократить время темновой адаптации глаз в 10 раз (с 40—50 мин до 4—5 мин);

— система эмоционально-волевого напряжения позволяет повышать чувствительность глаз более чем на 800% по отношению к фону;

— обтирание лица холодной водой, легкая мышечная работа, форсированное дыхание, прикладывание холодного компресса к затылку существенно оптимизируют работу зрительного и слухового органа.

Благодаря трудам А. Н. Леонтьева и К. Х. Кекчеева был разработан специальный препарат ВР-10, состоящий на 50% из глюкозы и 50% аскорбиновой кислоты, употребление которого позволяло сократить время темновой адаптации в 10 раз.

Были выявлены и временные показатели искусственно вызываемой нервно-психической активности. Так, одноразовое применение физиологического стимулятора обеспечивает повышение зрительной и слуховой чувствительности на 1—1,5 часа, а многоразовое — на 2—3 часа.

Результаты исследования психологических аспектов наблюдения и маскировки были обобщены в работах К. Х. Кекчеева «Психофизиоло-

гия маскировки и разведки» (1942), «Ночное зрение (как лучше видеть ночью)» (1942), «Как лучше видеть в темноте» (1943), «Зрение и слух в морской войне» (1944).

В процессе исследования порогов чувствительности были выявлены сдвиги в зависимости от отношения к задаче, свидетельствующие о том, что ощущение — это не результат реакции органа зрения на стимул, а продукт деятельности человека с предметом. Фиксируя этот факт, С. Л. Рубинштейн писал: «Раздражитель физически одной и той же интенсивности может оказываться и ниже и выше порога чувствительности и, таким образом, быть или не быть замеченным, в зависимости от того, какое значение он приобретает для человека — появляется ли он как безразличный для данного индивида момент его окружения или становится имеющим определенное значение показателем существенных условий его деятельности»[1].

Этот вывод имел большое теоретическое и практическое значение. В частности, на его основе были разработаны конкретные методы расширения психологических возможностей воинов, осуществлявших различные виды наблюдения. Следовательно, наши воины (разведчики, снайперы, летчики, специалисты войск ПВО, акустики и др.) имели возможность быстрее адаптироваться к темноте, лучше видеть в ночных условиях, точнее определять и идентифицировать звуки, дольше сохранять работоспособность, допускать меньше ошибок.

Важное значение для боевых действий в северных районах, а также в зимних условиях имели результаты исследований С. В. Кравкова, изучавшего методы борьбы со снеговой ослепленностью. Совместно с Н. А. Вишневским им был сконструирован специальный прибор для определения нормальности сумеречного зрения, серийно изготовлявшийся для нужд армии во время Великой Отечественной войны.

Ленинградскими психологи, изучая слуховую чувствительность, открыли способность человека при врожденной потере зрения очень тонко определять положение звуковых объектов в пространстве, т.е. практически «видеть» с помощью слуха. На основе этого открытия были сформулированы практические рекомендации командирам частей ПВО по использованию слепых с рождения людей в качестве наблюдателей на постах ПВО. Такие наблюдатели обнаруживали самолеты противника на значительно более дальнем расстоянии и высоте, чем зрячие, точно определяли и указывали зенитчикам направления воздушной опасности.

Оценивая эффект учета психологических рекомендаций в боевой практике войск, С. Л. Рубинштейн подчеркивал, что благодаря их реализации удалось вчетверо повысить эффективность наблюдательной деятельности воинов ПВО. Это значит, что благодаря психологам советские зенитчики могли сбивать в четыре раза больше вражеских самолетов и спасти вчетверо больше наших граждан.

Активно вели исследования в области психофизиологии сенсорных систем, оптимизации чувствительности зрительного, слухового, тактиль-

---

[1] *Рубинштейн С. Л.* Советская психология в условиях Великой Отечественной войны // Под знаменем марксизма. 1943. № 9—10. С. 45—61.

ных анализаторов американские психологи. О роли, которую они отводили этому направлению, свидетельствует тот факт, что в 1944 г. в военно-морском флоте США был организован специальный комитет по проблемам зрения. В нем велась комплексная работа психологов, физиологов, инженеров и врачей по исследованию ночного зрения, поиска путей ускорения темновой адаптации.

В интересах изучения различных типов маскировки и бортовой связи, теоретических и прикладных проблем слуха, зрения, применения теории информации к психологии, психологической оценки радио-телефонных систем, возможностей маскировки речи работали У. Р. Гарнер, Д. А. Миллер и др.

В 1941 г. американский специалист У. Р. Майлс сконструировал плотно прилегающие очки с красными светофильтрами, которые защищали родопсин[1] от разложения. В них можно было работать в освещенном помещении, а затем, перейдя в темноту, снять их и мгновенно «включить» механизмы ночного зрения. Эта работа дала гигантский эффект: освещение кораблей в боевых условиях стало производиться только красным светом невысокой интенсивности, а сконструированные Майлсом очки стали широко использоваться военнослужащими всех родов войск[2].

4.2. Совершенствование теории и практики психологического отбора

В годы Второй мировой войны более остро, чем в предыдущих войнах, встала задача психологического отбора военнослужащих. Это в первую очередь касалось ***Соединенных Штатов Америки***. Американские военнослужащие воевали на чужой территории за туманные идеалы, с противником, который не бомбил американскую территорию, не убивал американских граждан, не насиловал их жен и детей. Война была далеко, за тысячи километров от Америки и воспринималась как опасная, но вахтовая работа. Доминирующий в национальной психологии американцев индивидуализм лишал их такого важнейшего психологического ресурса, как групповая поддержка. У американских солдат не было необходимой мотивации, смыслов, установок, являющихся своеобразным «психологическим стержнем» боевой деятельности. В этих условиях беспримерно огромное количество американских военнослужащих испытывало в боевой обстановке травматический страх и подвергалось психотравматизации. По данным Р. Габриэля, в годы войны порядка 504 тыс. американских солдат и офицеров было демобилизовано из-за патологического страха. Этого количества

---

[1] Человеческий глаз полностью адаптируется к темноте после дневного света примерно за 40 мин. Это время необходимо для того, чтобы зрение перешло с дневного на ночной физиологический механизм функционирования: с дневного (цветного) колбочкового на ночной (ахроматический) палочковый. В это же время происходит восстановление важного элемента ночного зрения — палочкового пигмента родопсина (зрительного пурпура), выцветающего (разлагающегося) на свету. За это время чувствительность глаза к свету возрастает в сотни тысяч раз.

[2] *Хантер У. С.* Психология на войне // Современная буржуазная военная психология. М., 1964. С. 27–28.

военнослужащих было достаточно для формирования порядка 50 пехотных дивизий!

В ходе войны психологом Дж. Аппелем было установлено, что предел времени пребывания американского военнослужащего в зоне боевых действий ограничивался 200—240 днями, тогда как высоко мотивированные (борющиеся за выживание) английские военнослужащие были способны активно действовать в боевой обстановке на протяжении 400 и более дней. В результате сотни тысяч военнослужащих перемещались на находящиеся за тысячи километров театры военных действий, а затем досрочно демобилизовывались на территорию США.

Это обстоятельство потребовало от американского руководства предъявлять повышенные требования к психологическим качествам новобранцев и сделать ставку на улучшение их психологического отбора. После Первой мировой войны американские военные руководители утвердились во мнении, что психологический отбор — это самое «верное средство предотвратить проникновение в войска людей с явным или скрытым психическим дефектом путем отсева еще до набора с тем, чтобы освободиться от необходимости тратить время и деньги на их содержание, а потом на досрочную демобилизацию после первого же срыва в бою»[1].

В процессе осуществленного в годы войны отбора психологическому изучению подверглось около 18 млн американских новобранцев. Из них около 1,5 млн (18,5% от всех, не допущенных к военной службе) человек было «забраковано» по психологическим основаниям и не призвано в вооруженные силы[2]. Такое количество людей могло составить порядка 150 пехотных дивизий.

К разработке теории и методов психологического отбора, а также к работе по практическому тестированию различных категорий военнослужащих были привлечены лучшие специалисты из числа психологов. Так, службу тестирования армии США возглавлял О. К. Бурос, который внес существенный вклад в развитие прикладной психологии. Впоследствии он приобрел известность в связи с исследованиями проблемы лидерства в Вест-Пойнте. Большую часть войны проработал в Комиссии по вступительным экзаменам в коллеж в Принстоне для школ военно-морского флота Г. О. Галликсен. В течение пяти лет трудился в центрах для отбора кандидатов в офицеры Э. Д. М. Боулби. Призывом психологов на военную службу занимался Л. Кармайкл. Он внес существенный вклад в изучение роли искусственных тренировочных устройств в совершенствовании процедуры отбора. В комитете по отбору и обучению летчиков в Рочестерском университете работал статистиком Л. Фестингер[3].

В первую очередь психологи сосредоточили свои усилия на разработке методов для быстрого выявления лиц с низкой нервно-психической устой-

---

[1] *Гинцберг Э, Андерсон Д. К., Гинсбурк С. В., Эрма Д. Л.* Почему необходимо изучать неэффективного солдата // Современная буржуазная военная психология. М., 1964. С. 83—84.

[2] См. : *Габриэль Р.* Героев больше нет.

[3] *Караяни А. Г.* Психология США в годы Второй мировой войны // Психологический журнал. 2002. № 2. С. 111—117.

чивостью. В результате уже в 1940 г. был разработан такой универсальный инструмент изучения новобранцев, как «Общий армейский классификационный тест» (*The Army General Classification Test*, AGCT). Этот тест использовался также для отбора на различные специальности и на офицерские должности. В тесте акцент был сделан на оценке способностей обследуемых к пространственным представлениям, арифметическим действиям, администрированию и минимизировались вербальные и образовательные аспекты.

С 1943 г. в войсках начали использовать в качестве скринингового и отборочного инструмента Миннесотский многопрофильный личностный опросник (*Minnesota Multiphasic Personality Inventory*, MMPI). Большое внимание уделялось оценке психологических последствий боевой усталости и истощения.

Управление стратегической разведки США, используя рекомендации германского психолога М. Зимонейта, изложенные в работах «Военная психология» и «Военная этика», отобрало и подготовило около 5000 специалистов — диверсантов и шпионов[1].

Наиболее масштабно работа по психологическому отбору военнослужащих проводилась в авиации. Была принята специальная Программа развития авиационной психологии, которую возглавил известный психолог Дж. Фланаган. В рамках этой программы на военную службу в качестве офицеров были приглашены 150 лучших психологов страны, а 1500 аспирантов приняли участие в ней в качестве ассистентов. Результаты реализации этой программы представлены в 19 томах[2].

О значении, которое придавалось этой программе, говорят имена психологов, вовлеченных в ее реализацию:

— Д. П. Гилфорд являлся директором Авиационной психологической исследовательской службы, разрабатывавшей тесты для курсантов;

— Д. Д. Гибсон возглавлял отдел психологических исследований в Авиационной психологической программе и занимался созданием тестов для отбора пилотов. В частности, им был предложен тест в виде движущихся картинок, который, по мнению автора, более информативен, чем статичная картинка;

— Ч. Э. Осгуд в 1945 г. работал на базе ВВС Смоки-Хилл и на базе подводных лодок Нью-Лондон;

— М. Рокич участвовал в реализации Программы психологического тестирования ВВС;

— М. С. Вителес исследовал психологические проблемы летчиков;

— А. Чапанис в 1942 г. работал психологом в Аэро-Медицинской лаборатории на базе ВВС Райт-Паттерсон в г. Дэйтоне, где проводились психофизиологические исследования и изучались такие малоизвестные в то время феномены, как аноксия, аэроэмболия, острая декомпрессия, перегрузка, психофизиология ночных полетов и др.;

---

[1] *Гератеволь З.* К вопросу о подборе командных кадров // Современная буржуазная военная психология. М., 1964. С. 123.

[2] Психология : биографический библиографический словарь : пер. с англ. СПб., 1999. С. 675.

— У. К. Эстес некоторое время работал в Исследовательском совете национальной обороны над исследовательскими проектами, затем поступил на военную службу, где участвовал в исследовательских программах для ВВС. По окончании этой работы служил клиническим психологом на Азиатско-Тихоокеанском театре военных действий;

— Р. Л. Торндайк, работая психологом ВВС, совершенствовал экспертизу анализа способностей, определял валидность и надежность тестов на работоспособность экипажей, создал более надежные методики;

— О. Клайнберг служил в звании полковника Инспекционной службы стратегических бомбардировщиков и изучал воздействие воздушных бомбардировок Германии[1].

Несмотря на это, количество американских летчиков, списываемых в запас вследствие психических травм, в годы войны заметно не снизилось.

По оценкам американских специалистов, психологический отбор позитивно сказался в области подготовки артиллеристов. В частности отмечается, что лишь в одном артиллерийском учебном центре, благодаря внедрению «тестов способностей» и переводу части военнослужащих на ускоренный курс обучения, за полгода было сэкономлено 8000 человеко-часов, не считая времени работы инструкторов. Общее же время, сэкономленное по этой программе, включая время работы инструкторов и штатного состава, составило не менее 2000 человеко-лет[2].

В целом же эффективность психологического отбора в годы войны ставится под сомнение рядом американских и зарубежных психологов. Такие специалисты, как Р. Габриэль, П. Х. Мокор, Э. Гинцберг, Д. К. Андерсон, С. В. Гинсбурк, Д. Л. Эрма вообще ставят под сомнение необходимость и возможность осуществления полноценного психологического отбора в ходе крупномасштабных военных событий. В качестве аргумента они приводят сравнительные оценки эффективности отбора в двух мировых войнах. Так, в армии США во Вторую мировую войну процент отсева новобранцев по эмоциональным критериям, по сравнению с Первой мировой войной, вырос в 11,5 раза, по интеллектуальным основаниям — в 4,5 раза, однако уровень психотравматизации военнослужащих не только не снизился, а, напротив, возрос в 3—4 раза (с 9—10 до 36 случаев на 1000 человек). Снижение эффективности психологического отбора, по мнению этих специалистов, происходит вследствие прогрессирующего снижения количества лиц, способных отвечать предъявляемым критериям; отсутствия достаточного количества специалистов и методических средств тестирования; нехватки времени для полноценного обследования новобранцев и др.

Важное внимание уделялось отбору военнослужащих, прежде всего военных летчиков, в ***Великобритании***. По данным П. Х. Мокора, по причине страха из английских ВВС ежегодно демобилизовалось около трех тысяч человек. В связи с этим психологические проблемы, связанные с отбором и подготовкой летчиков (причины и виды ошибок пилотирования самоле-

[1] *Караяни А. Г.* Психология США в годы Второй мировой войны. С. 111—117.

[2] *Хантер У. С.* Психология на войне // Современная буржуазная военная психология. С. 42.

тов, природа и динамика утомления, методы сохранения работоспособности), были поставлены в центр исследовательской деятельности Кембриджской психологической лаборатории. В ходе этих исследований, проводимых на специальном тренажере, позволяющим моделировать многие параметры полета, было установлено, что наиболее сильное влияние на действия летчика оказывает напряженность. Из данного факта был сделан вывод о необходимости проведения испытаний при отборе кандидатов в пилоты в напряженной обстановке, адекватной обстановке полета. Активным участником этих испытаний был известный психолог Ф. Ч. Барлетт. Результаты работы лаборатории обобщены в книге И. Рассела Дэвиса «Ошибки пилота» (1945)[1].

Схожими психологическими проблемами занимался К. Мюррель. Будучи во время Второй мировой войны членом Королевской морской научной службы, он разработал серию проектов, связанных с созданием многоприборных информационных панелей оперативной информации. Некоторые из них по праву считаются классическими.

В ***Советском Союзе*** в годы войны пытались осуществлять психологический отбор кандидатов на воинские специальности, определяющие успех боевых действий. Например, В. Доброхвалов в своей статье «Подбор, воспитание и обучение разведчиков» рекомендовал командирам учитывать мотивацию, способность ориентировки в напряженной обстановке, наличие родственных гражданских навыков при отборе разведчиков. В частности, давались рекомендации методами наблюдения и беседы отбирать разведчиков из числа сельских жителей, лиц, занимавшихся охотой, спортом, особенно туризмом. Большое внимание уделялось учету психологических особенностей новобранцев при отборе снайперов, военных летчиков. Однако по указанным выше причинам эта работа проводилась скорее на эмпирико-управленческом, чем на научно-психологическом уровне.

4.3. Исследование психологических возможностей воинов и путей их расширения

Практически во всех участвовавших во Второй мировой войне странах важнейшим направлением деятельности психологов являлся поиск путей и способов борьбы со страхом и повышения боеспособности военнослужащих.

Перед советскими психологами встала задача: как помочь командирам успешно побуждать подчиненных к смелым и отважным действиям в бою, преодолевать неуверенность, страх, укреплять дисциплину, боевой дух, воспитывать мужество, презрение к смерти. В русле этих направлений были опубликованы статьи М. П. Феофанова «Воспитание смелости и мужества» (1941), Н. Д. Левитова «Презрение к смерти рождает героев, кует победу» (1941), М. М. Рубинштейна «Рождение героя» (1945) и др. Опыт изучения и формирования у воинов высоких морально-боевых качеств был обобщен в ряде статей, опубликованных в периодических изданиях.

---

[1] *Мокор П. Х.* Военная психология и реальность боя // Современная буржуазная военная психология. М., 1964. С. 47—63.

Например, в «Военном вестнике» — статьи «О смелости и риске», «Боевая инициатива и ее воспитание», «Подбор, воспитание и обучение разведчика» (1943), «Роль эмоций в боевой деятельности», «Воля и характер бойца», «Об инициативе и самостоятельности командиров подразделений», «К вопросу о воспитании боевой выносливости» (1944); в «Красной звезде» — статьи «Воспитание моральных качеств» (1941), «Воспитание стойкости» (1942) и др. Всего за время войны вышло несколько десятков таких статей. В них, как правило, преобладало политическое и педагогическое содержание.

На войсковую практику были непосредственно ориентированы кандидатские диссертации: Г. А. Фортунатова «Страх и его преодоление» (1942), А. К. Перова «Психология смелости и страха в связи с проблемой характера» (1945).

Глубокий психологический анализ страха, причин и форм его проявления, методов его преодоления в годы Великой Отечественной войны был дан легендарным командиром Бауыржаном Момышулы сначала в книге А. Бека «Волоколамское шоссе», а позже в его собственной книге «Психология войны».

Из литературы

Момышулы писал, что «бесстрашие как таковое вообще в природе не существует. Бесстрашных людей нет на свете. Страх присущ всему и вездесущ, свойствен не только человеку, животному... Никто, сознавая опасность смерти, не идет в бой без страха, а если иногда и идет, значит, не сознает опасности, но это не есть бесстрашие. Страх испытывает каждый и множество раз в жизни... Но как мы будем отрицать то, что присуще человеку и вполне нормально? Наоборот, изучая это чувство, мы должны ему противопоставить другое, но не нужно говорить, что страха нет. Бесстрашие и трусость — есть результат борьбы страха с долгом. Есть страх, но он преодолевается. Есть понятие боязни, есть малое и большое чувство страха. Страх преодолевается принуждением вообще. Каким принуждением? Прежде всего, внутренним, тем, что мы называем психологией личности»[1]. Опыт Момышулы по превращению полугражданских формирований в боевые воинские подразделения и коллективы с четкой организацией и дисциплиной, а также боевых действий малых сил против превосходящих сил противника («спираль Момышулы») и по сей день изучается лидерами иррегулярных формирований и партизанских движений[2].

Момышулы приводит в своей книге многочисленные примеры как нужно предупреждать страх, формировать у военнослужащих чувство долга, преодолевать и пресекать страх. «Инстинкт самосохранения, — пишет он, — имеет две стороны. Первая — человек бежит с целью самосохранения, вторая — человек с этой же целью нападает и защищается... Эту вторую сторону в человеке нужно развивать, так как она толкает на защиту, на нападение. Самосохранение — это благородная черта не только человека, но и всего живого. Вот почему это чувство является первородным двигателем в бою»[3].

---

[1] *Момышулы Б.* Психология войны. Алматы, 1996. С. 18.

[2] Книга А. Бека «Волоколамское шоссе» о старшем лейтенанте Момышулы является обязательной для чтения офицерами армии США, Израиля, Кубы и ряда других государств. Ее называли любимой книгой Че Гевара и Фиделя Кастро. На вопрос Фиделю Кастро: «Кого Вы считаете самым выдающимся героем Второй мировой войны?», он ответил: «Героя книги А. Бека "Волоколамское шоссе"».

[3] *Момышулы Б.* Психология войны. С. 19.

Некоторые из этих рекомендаций многие командиры открывали для себя в бою и действовали как эмпирические психологи. В целях преодоления имевшей место в ряде случаев танко-, самолето- и минобоязни применялись такие способы психологической подготовки личного состава, как разъяснение приемов эффективных действий в условиях применения противником названных боевых средств, изучение тактико-технических данных, обкатка танками и облет самолетами, демонстрация фактов поражения нашей артиллерией и гранатами вражеских танков и др. Конечно, при этом широко не употреблялись психологические термины, не использовались уже известные и эффективные психологические приемы преодоления фобий, и все же этот опыт является весьма ценным для практики психологического обеспечения боевых действий войск.

В ***армии США*** изучению страха и боевой эффективности воинов были посвящены исследования С. Л. А. Маршалла. О масштабах этих исследований говорит тот факт, что на протяжении четырех лет систематически изучались тысячи военнослужащих четырехсот пехотных рот армии США. Методами опроса, перекрестной проверки, очной ставки, свидетельских показаний выявлялась степень участия военнослужащих в бою. Было установлено, что «из бойцов, которые в каждый момент боевых действий могут и должны пускать в ход вверенное им оружие, всего 15% ведут огонь по неприятельским позициям. Если к этой ничтожной части непосредственно действующих бойцов присоединить тех, кто проявляет какую-либо личную инициативу... то процент реальных участников боя может быть доведен до 25%»[1]. При этом незначительная группа реальных участников боевых действий всегда состоит из одних и тех же лиц.

В 1943 г. известный психолог Дж. Доллард подготовил и опубликовал работу «Страх в бою». В ней показана природа, причины, виды страха, определены основные пути его профилактики и купирования. Анализируя этот феномен, американские психологи исходили из того, что человеческая психика хрупка, способна выдерживать действие психотравмирующих факторов лишь в определенном интервале их значений. Позже Э. Боринг показал, что от 80 до 90% военнослужащих в боевой остановке испытывают страх в явно выраженной форме. У 25% бойцов в обстановке боя страх провоцирует тошноту, рвоту, у 10—20% — недержание кала и мочи. Психолог подполковник Дж. Аппель сформулировал рекомендации американскому военному руководству о необходимости ротации участников боевых действий в пределах 180 суток, так как после этого срока происходит их психологический слом.

Американские военные специалисты в своем подавляющем большинстве сходятся во мнении, что страх в бою — обычное, естественное явление, нормальная реакция. Он представляет собой проявление инстинкта самосохранения и позволяет выживать на поле боя. Однако, выполнив свою сигнальную функцию, он становится вредным. В 1944 г. в специальном исследовании было выявлено, что из 4500 опрошенных летчиков, штурманов, стрелков-радистов, выполнявших боевые задачи в Англии, на Сре-

---

[1] Цит. по: *Мокор П. Х.* Военная психология и реальность боя. С. 50.

диземном море, на Тихом океане, 99% испытывали выраженный страх. Более 33% офицеров и 42% солдат из числа опрошенных переживали страх во время каждого вылета, а порядка 62% офицеров и 71% солдат — в половине вылетов[1].

Физиологические корреляты страха в порядке убывания частоты проявления располагаются так: сердцебиение, ускоренный пульс, мышечная ригидность, сухость во рту и в горле, потливость, холодный пот, урчание в желудке, частые позывы к мочеиспусканию, дрожь, боли в области кишечника, непроизвольные мочеиспускание и дефекация. Психологические проблемы, порождаемые страхом, чаще всего проявляются в виде нарушений мобильности памяти и невозможности сосредоточиться на выполняемых действиях, общего утомления, двигательного беспокойства, неадекватных реакций на резкие и неожиданные звуки, состояния подавленности и безотчетной тоски, раздражительности, потери аппетита, навязчивых воспоминаний о перипетиях боя, кошмарных снов и др.

В ходе данных испытаний был выявлен интересный феномен. Оказалось, что чувство страха нарастает с увеличением числа вылетов. Следовательно, во время войны имеет место даже не нулевая, а отрицательная адаптация к опасности (явление, обратное привыканию). В связи с этим был сделан вывод о том, что «вопреки распространенному убеждению многократное участие в боевых действиях не ведет к исчезновению страха. Бывает, что боец, в конце концов, привыкает к определенному виду опасности, но вскоре в его сознании всплывают представления, дающие повод для новой тревоги. Простое наращивание опыта боевых действий не помогает преодолеть чувства неполноценности»[2].

В ходе изучения феномена страха американскими психологами были уточнены условия, способствующие его проявлению: вынужденное бездействие, неизвестность и утрата надежды.

Интересный опыт практической психологической работы по преодолению страха в ходе подготовки «героев-смертников» — камикадзе — был накоплен входе войны в ***Японии***. Если отвлечься от нравственной стороны этого явления и оценки эффективности применения смертников для решения сверхважных боевых задач в критические для судьбы государства периоды его развития, то подготовка камикадзе — это реализация психотехнологий преодоления страха смерти, изменения жизненных смыслов и ценностей, переформирования мировоззрения, программирования поведения[3].

Ментальность и морально-этические нормы камикадзе основывались на постулатах синтоизма, буддизма и конфуцианства. Желание умереть за императора и родину проявлялось у него как единственная и естественная цель жизни, как высшее возможное достижение, сверхидея, навязчивость.

Суть психотехнологии подготовки камикадзе состояла в признании воина-камикадзе при жизни «героем посмертно» с предоставлением ему

---

[1] *Мокор П. Х.* Военная психология и реальность боя. С. 58—59.

[2] Там же.

[3] Позже технология подготовки камикадзе стала использоваться при подготовке террористов-смертников.

всей атрибутики героя: социального признания и наивысшего социального статуса, любви родных и близких, поклонения окружающих, обретение смысла жизни и высокой самооценки. В число камикадзе отбирали только достойных воинов, предоставляя им высшую честь — погибнуть за родину. В случае невыполнения камикадзе своей миссии, он не только лишался героического статуса, но мог превратиться в труса и изгоя.

Формированию морального духа и установок камикадзе способствовала специальная символика и ритуалы. На пуговицах униформы камикадзе были выгравированы три лепестка сакуры. На лбу они носили специальные повязки —«хатимаки» — с изображенным солнечным диском и иероглифами с патриотическим или мистическим лозунгом, например, — «Семь жизней за императора». Перед убытием на смертельное задание камикадзе выстраивались в шеренгу перед столом с белой скатертью (символ смерти), каждому из них предлагалась чашечка саке, которую камикадзе принимал обеими руками, низко кланялся и отпивал глоток. Затем им выдавалась бенто — коробочка с едой, содержащая восемь маленьких шариков из риса, называемых макидзуси. Все смертники оставляли в специальных маленьких деревянных неокрашенных шкатулках обрезки ногтей и пряди своих волос для отсылки родным, как делал каждый из японских солдат[1].

О психологической эффективности проекта «камикадзе» свидетельствует то, что 3913 камикадзе добровольно отдали свою жизнь за родину, уничтожив 81 и повредив 195 кораблей противника[2]. Если быть справедливыми, то Япония, вслед за нашей страной, дала миру пример массового героизма и самопожертвования. Отличие камикадзе от наших героев состоит в том, что первые знали о своем подвиге заранее и на протяжении значительного времени переживали как славу предстоящего подвига, так и драматизм смерти.

4.4. Принципы, методы и схемы психологической помощи военнослужащим

Вследствие того, что опыт оказания психологической помощи участникам боевых действий в годы Первой мировой войны был утрачен практически во всех воевавших странах, потребовались огромные усилия по его восстановлению и развитию.

---

[1] *Иванов Ю. Г.* Камикадзе: пилоты-смертники: японское самопожертвование во время войны на Тихом океане. Смоленск, 2003; *Березина М.* Дуновения божественного ветра // Русская планета [сайт]. URL: http://rusplt.ru/world/dunoveniya-bojestvennogo-vetra-13756.html (дата обращения: 15.01.2016).

[2] Камикадзе совершали атаки на американские корабли, используя самолеты «Зеро», катера, начиненные взрывчаткой, а также специально созданные для этих акций 850 пилотируемых крылатых бомб «Йокосука MXY7 Ока» и пилотируемые торпеды «Кайтэн». «Ока» представлял собой аппарат с ракетным двигателем, оснащенный 1200-килограммовой бомбой. Во время нападения «Ока» поднимался в воздух самолетом «Мицубиси G4M». Когда он оказывался в радиусе поражения и отстыковывался, пилот в режиме парения должен был подвести самолет как можно ближе к цели, включить ракетные двигатели и затем протаранить намеченный корабль на максимальной скорости.

В Советском Союзе психологи не были востребованы в боевых порядках войск. Они привлекались для восстановления боеспособности и трудоспособности раненых бойцов в некоторых лечебных заведениях. Так, в нейрохирургическом эвакогоспитале в пос. Кисегач Челябинской области работала группа психологов во главе с А. Р. Лýрией. В эту группу входили Э. С. Бейн, С. Г. Геллерштейн, А. В. Запорожец, Б. В. Зейгарник, О. П. Кауфман, Б. Б. Митлина, С. Я. Рубинштейн, Д. Н. Рейтерберг. Здесь велась восстановительная работа с военнослужащими после поражения центрального характера (мозговые травмы, сопровождающиеся нарушением речевых и мыслительных функций). Конкретные методы этой работы раскрыты в трудах А. Р. Лурии «Восстановление функций мозга после военной травмы» (М., 1948), «Потерянный и возвращенный мир (История одного ранения)» (М., 1971) и С. Г. Геллерштейна «Восстановление трудоспособности, трудотерапия и трудоустройство в системе работы эвакогоспиталей» (М., 1942), «Восстановительная трудотерапия в системе работы эвакогоспиталей» (М., 1943) и др.

Позднее был создан восстановительный госпиталь в поселке Коуровка на берегу р. Чусовой в Свердловской области, работу в котором возглавил А. Н. Леонтьев. Медицинской частью здесь руководил П. Я. Гальперин. Здесь же работали В. С. Мерлин, А. Г. Комм, Т. О. Гиневская. В этой клинике упор делался на восстановлении утраченной гностической чувствительности и движений после ранений, т.е. нарушений периферического характера (нарушения двигательных функций руки вследствие центральных или периферических поражений), путем специальной организации осмысленной предметной деятельности раненых. Анализ этой работы дан в книге А. Н. Леонтьева и А. В. Запорожца «Восстановление движения. Психофизиологическое исследование восстановления функций руки после ранения» (М., 1945).

В эвакогоспиталях Тбилиси работал над дифференциальной диагностикой и методиками восстановления утраченных функций Б. Г. Ананьев. В Физиологическом институте Ленинградского университета А. А. Ухтомский со своими сотрудниками занимался изучением проблем травматического шока, имевших важнейшее значение для спасения жизни раненых. В Ленинградском научно-исследовательском институте экспертизы трудоспособности и трудоустройства инвалидов психологами Н. Н. Ободан, А. Н. Давыдовой, О. И. Галкиной велась работа по реабилитации раненых, возвращения к трудовой деятельности инвалидов войны[1].

Отечественные психологи, работавшие в восстановительных госпиталях, использовали в психореабилитационной практике как традиционные, так и разработанные ими новые методы помощи. Так, для восстановления утраченных речи и слуха (постконтузионная глухонемота) применяли плацебо, электрофизиотерапию, лекарственные препараты, беседы, включение больных в трудовую деятельность. В отличие от психокоррекции при афазии, в случае постконтузионной глухонемоты требовались не отработка

---

[1] *Зейгарник Б. В.* Ученые-психологи в годы Великой Отечественной войны // Психология инвалидности : хрестоматия. М. ; Воронеж, 2011. С. 29—34.

произнесения звуков и слогов, а работа по коррекции личности (психотерапия, убеждение, внушение, отвлечение, концерты художественной самодеятельности). По существу в госпиталях часто функционировало психотерапевтическое сообщество, которое западные психологи определяли как «группу встреч». Благодаря этому у раненых бойцов не только восстанавливались нарушенные функции, но и утраченный статус, формировались трудовые установки, формировались перспективные цели. Работа психологов в госпиталях показала, что «перспективы психокоррекционной работы заключаются в первую очередь в том, что должны быть сформированы регулятивные функции человека, что охрана психического здоровья заключается не в выработке мер адаптации, а в формировании высших целей»[1]. Для восстановления нарушенных ранением движений (А. В. Запорожец, С. Г. Геллерштейн, С. Я. Рубинштейн) и профилактики контрактур создавались специальные хорошо оборудованные мастерские трудовой терапии (столярная, слесарная, сапожная, портняжная), организовывались курсы счетоводов. Следовательно, здесь объединялись в единый комплекс восстановление нарушенных функций, экспертиза и профконсультация, трудовое обучение.

В июне-июле 1944 г. на кафедре психологии МГУ была проведена специальная конференция, которая проанализировала результаты научной работы по проблеме восстановления психических функций после военной травмы.

Отсутствие в Советском Союзе единой теоретико-методологической основы к пониманию психологических последствий участия военнослужащих в боевых действиях привело к тому, что военные психиатры использовали для оценки психического статуса психотравмированных военнослужащих большое количество различных диагностических форм. Значительную их часть составляли так называемые «контуженные», в которую включались самые разнородные контингенты больных: «перенесших коммоцию, контузию, эмоциогенный шок, реакцию страха, реактивное состояние; декомпенсированные психопаты, невротики и т.д.». По оценке специалистов, термин «контузия» являлся на тот период не столько клиническим, сколько организационным понятием, применявшимся только в нашей армии. «Маскируя различные по своей природе психические расстройства единым лечебно-организационным понятием (“контузия”), отечественные военные психиатры проявляли высочайший гуманизм (спасая значительное число лиц с “боевым стрессом” от возможных репрессивных мер) и обеспечивали при этом функционирование этапной системы оказания психиатрической помощи нуждавшимся»[2].

Постепенно осознавая важность возвращения в боевой строй психотравмированных воинов, командование Красной Армии взяло курс на создание системы психолого-психиатрической помощи пострадавшим. Начиная с 1942 г. на фронтовом уровне стали формироваться специализи-

---

[1] *Зейгарник Б. В.* Ученые-психологи в годы Великой Отечественной войны. С. 29—34.

[2] Организация психиатрической помощи и структура психических расстройств военнослужащих Красной Армии в годы Великой Отечественной войны / В. К. Шамрей [и др.] // Социальная и клиническая психиатрия. 2010. Т. 20. Вып. 4. С. 146—153.

рованные госпитали для «контуженных». Позднее были организованы психоневрологические отделения в армейских госпиталях для легкораненых. Будучи наиболее приближенными к линии фронта, они приняли на себя основной поток воинов с психическими травмами. К середине 1943 г. во всех армиях появились нештатные армейские психиатры. В армейских терапевтических полевых подвижных госпиталях имелись специальные палаты на 20—30 коек для больных психиатрического профиля. В армейских и фронтовых госпиталях для лечения легкораненых были созданы психоневрологические отделения, а в армейском терапевтическом эвакогоспитале предусматривалось развертывание «нервного отделения», являющегося «основным армейским стационаром» для лечения лиц с пограничными психическими состояниями. К концу войны 74% пострадавших заканчивало лечение в эвакогоспиталях и на более передовых этапах, чем в начальном периоде войны. При этом средний срок лечения сократился с 42,6 до 37,9 дня[1].

Жесткой позиции в понимании психологических последствий воздействия боевых стресс-факторов на участников боевых действий придерживались немецкие и финские психиатры и психологи. Психологи, работавшие на вермахт, полагали, что на самом деле не существует никаких серьезных проблем, связанных со стрессовыми расстройствами. Психическое расстройство, по их мнению, — не что иное, как форма нежелания бороться или трусость. Поэтому все неблагоприятные психологические влияния боя предотвращаются и компенсируются эффективным руководством. Если солдат психологически «ломается» и не может продолжить бороться, то это проблема руководства, а не медицинского персонала или психиатров. В вермахте основными средствами психологической помощи пострадавшим, особенно с истерическими симптомами, были электрошок и гипноз. Лечение военного невроза в финской армии было простым: пациентов запугивали и изматывали до тех пор, пока они не возвращались в боевой строй[2].

В армии США в годы войны отмечалось такое большое количество психотравмированных, что в ряде случаев это ставило под сомнение возможность выполнения боевых задач частями и соединениями. Так, в 1943 г. при ведении наступательных боевых действий в Тунисе и на Сицилии в некоторых дивизиях до 100% военнослужащих не выдерживали психологических нагрузок, из строя выходили целые батальоны. Порядка 30% всех потерь, не считая убитых, приходилось на психогенные расстройства. Стояла необходимость эвакуации пострадавших в корпусные или даже армейские тылы на глубину более 100 км. В результате лишь немногим более 3% из числа эвакуированных вернулось назад в части. В докладе, опубликованном в 1944 г., говорилось о том, что во время кампании в Северной Африке практически все военнослужащие батальонов имели психические травмы. Стало очевидным, что психические расстройства не являются уде-

---

[1] Организация психиатрической помощи и структура психических расстройств военнослужащих... С. 146—153.

[2] *Караяни А. Г., Караяни Ю. М.* Теория и практика психологической помощи участникам боевых действий в годы Второй мировой войны // Юридическая психология. 2014. № 3. С. 15—23.

лом «слабохарактерных», физиологически склонных к болезни или психически неустойчивых людей, что им могут подвергаться самые опытные и смелые воины, успешно прошедшие самые изощренные схемы отбора[1]. Среди психических расстройств в годы Второй мировой войны преобладали истерия, алкоголизм, личностные расстройства, эпилепсия и безумие.

В этих условиях вопрос стоял так: что эффективнее — возвращать лиц, получивших боевую физическую или психическую травму, в строй или призывать новые контингенты? Американские психологи считали первый путь не только экономически более выгодным, но и более гуманным. В связи с этим лучшие силы психологов — специалистов в области патопсихологии, психотерапии были направлены на реабилитацию участников боевых действий. Среди них были А. Л. Бентон, Р. У. Сперри, Х. Т. Химмельвайт, К. Гольдштейн.

Однако лишь в 1944 г. американцам удалось возродить схему психологической помощи непосредственным участникам боевых действий, которая весьма эффективно функционировала в Первую мировую войну и впоследствии была забыта.

В ходе реализации этой системы вновь остро проявилась проблема «вторичной выгоды». Она проявлялась в том, что «когда вдруг фронтовик попадал в мягкую белоснежную постель, когда он вдруг получал возможность спать, сколько угодно, есть горячую пищу, когда он освобождался от повседневных тягот, связанных с различными дисциплинарными ограничениями, в этих условиях только очень немногие могли стремиться к объединению своих усилий с усилиями врачей, направленными на достижение скорейшего выздоровления, после которого им вновь предстояло вернуться на фронт, испытывать лишения и подвергаться опасности». В результате все факторы, за исключением привязанности солдата к своим фронтовым друзьям, способствовали тому, чтобы удержать его в госпитале. «Многие из тех, кто попал в госпиталь по ранению, через несколько месяцев были демобилизованы из-за развивающегося в госпиталях психоневроза». «Стало совершенно ясно, что не только нет никакой необходимости, но прямо-таки вредно госпитализировать значительное число людей и содержать их в столь благоприятных условиях, которые лишают человека желания быть солдатом»[2].

Знание этой закономерности позволило американским специалистам более четко и однозначно сформулировать забытые принципы оказания психологической помощи военнослужащим в боевой обстановке. Среди них важнейшими были названы сформулированные в ходе Первой мировой войны «PIE-принципы» (близости, неотложности и предвкушения возвращения в боевой строй).

Как и в Первую мировую войну, развитие системы психологической помощи спровоцировало резкий рост количества симулянтов, стремящихся избежать участия в боевых действиях путем мошенничества, фальсификации

---

[1] См.: *Габриэль Р.* Героев больше нет.

[2] *Гинцберг Э., Андерсон Д. К., Гинсбург С. В., Эрма Д. Л.* Почему необходимо изучать неэффективного солдата... С. 94—97.

и избегания. Распространенными методами симуляции были демонстрация зависимости от алкоголя, адреналина, сахара, слабительных, жалобы на боль и другие сенсорные проблемы (например, слепота); жалобы на моторную дисфункцию; изображение невменяемости; членовредительство; преувеличение реальных симптомов; отказ пройти курс лечения от излечимой болезни. Симулянты были признаны психопатическими личностями, место которых лишь в рабочих батальонах со строгой дисциплиной.

Психологами армии США в процессе психологической помощи и реабилитации был создан ряд психотехнологий, которые активно используются и сегодня. Так, С. Л. А. Маршалл, проводя послебоевые опросы американских военнослужащих для выявления их психических состояний и поведения в бою, обнаружил, что такие коллективные беседы давали «духовно очищающий» и «морально укрепляющий» эффект. Участники таких групповых обсуждений в результате были довольны. Так появился *метод структурированной интервенции* — психологический дебрифинг, заключающийся в создании нарративов (вербальных репрезентаций) травматического опыта, т.е. в обсуждении фактов, мыслей, чувств, переживаний бойцов, выполнявших общую боевую задачу и переживших травматическую ситуацию. При проведении дебрифинга обеспечивалось уважение к переживаниям, страданиям, выражению эмоциональных реакций человека, пережившего травматический опыт. Маршалл утверждал, что методически дебрифинг довольно прост и может проводиться командирами без специальной подготовки сразу после боя в течение семи часов[1]. Сегодня на базе боевого психологического дебрифинга создано множество вариантов групповой интервенции как в групповом, так и в индивидуальном формате проведения.

Другим перспективным методом психологической работы с военнослужащими стал разработанный Э. Берном *метод групповой дискуссии* (дебрифинга, не носящего характера интервенции). В 1941 г. Берн вступил в армейский медицинский корпус в качестве психиатра и дослужился до звания майора. Работая в годы войны в армейском госпитале, он столкнулся с тем, что выздоравливающие солдаты закупали большое количество спиртосодержащего лосьона для бритья и прятали его в различных местах, чтобы выпить в удобное время. В связи с этим ежедневно по утрам производился поиск спиртного сотрудниками госпиталя. Было выявлено большое количество бутылок с токсичной жидкостью. Однажды Берн собрал раненых в комнате отдыха, чтобы обсудить с ними вред употребления лосьона. Военнослужащим так понравилась встреча, что они предложили встречаться и дискутировать ежедневно. Вскоре групповая терапия была одобрена Военным департаментом, и Берн получил возможность проводить групповую работу на законных основаниях[2].

В канадской армии для обозначения боевой психической травмы использовался термин «боевое истощение», которое классифицировалось

---

[1] Эффективная терапия посттравматического стрессового расстройства / под ред. Э. Фоа, Т. М. Кина, М. Фридмана. М., 2005. С. 53.

[2] *Степанов С. С.* Психология в лицах. М., 2001. С. 348–349.

как отдельный тип боевой раны. Историк Т. Сорр писал о том, что в Нормандии «пехотные части, участвующие в сражении, испытывали быстрый рост числа случаев боевого истощения. Несколько сотен военнослужащих было эвакуировано с поля боя из-за боевого стресса. Полковые медицинские работники поняли, что ни сложные методы отбора, никакие тщательно разработанные методы селекции, ни экстенсивное обучение не могли препятствовать психологическому слому значительного числа бойцов»[1].

Уже в ходе войны в ряде армий (США, Англия, Канада) термин «психоневроз» был заменен на термин «психическое истощение». Это, как считалось, в некоторой степени предупреждало развитие таких явлений, как «психиатризация сознания» и «психостигматизации пострадавшего», а также снижало чувство стыда у военнослужащих при постановке им такого диагноза.

Английские психологи также уделяли внимание исследованию генезиса и сущности психических травм, разработке методов оказания психолого-психиатрической помощи военнослужащим, подвергшимся ранению в голову, контузии и др. Активно работал в этой области Г. Ю. Айзенк. Он состоял психологом в психиатрическом госпитале, пациентами которого были страдающие от стресса военные. Автор метода групповой аналитической психотерапии С. Х. Фулкс, работая главным психиатром Британского военного госпиталя, применил психодинамический подход в целях психотерапии военнослужащих в масштабе всего госпиталя. Его подход предполагал: частичное самоуправление, дискуссионные группы для персонала, психотерапевтические группы для пациентов, переложение ответственности за организацию своего досуга на самих пациентов и др. Фулкс считал, что госпиталь должен функционировать как терапевтическое сообщество, его организация и деятельность должны отвечать основной задаче — восстановлению здоровья больных людей, что сам госпиталь как организация может «заболеть», т.е. перестать выполнять свои задачи, и тогда он сам нуждается в лечении.

4.5. Совершенствование методов информационно-психологического противоборства

Вторая мировая война стала настоящим полигоном для отработки методов информационно-психологического противоборства. Поля сражений этой войны были плотно напичканы листовками, мировой радиоэфир трещал от лжи, угроз и оскорблений, тысячи звукоусиливающих устройств изрыгали угрозы на солдат противника и призывали их скорее сдаваться в плен.

Советский опыт организации спецпропаганды в годы Великой Отечественной войны особенно ценен сегодня потому, что он как бы показывает научно обоснованную «траекторию» информационно-психологического воздействия на противника. Начальным звеном этой работы было детальное

[1] URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Combat_stress_reaction (дата обращения: 15.01.2016).

изучение противника, его морально-психологических возможностей, сильных и слабых сторон индивидуальной и групповой психологии. Специалисты политической работы среди войск и населения противника исходили из того, что только детальное знание морального духа и боеспособности личного состава противостоящих воинских частей и соединений, настроений отдельных групп военнослужащих, отношение к военным событиям в тылу врага на конкретном временном отрезке позволит выбрать правильные направления, наиболее эффективные средства, формы и методы идеологического и психологического влияния на него и вместе с тем оценить действенность этого влияния.

Для получения и накопления своевременной, достоверной и наиболее полной информации о психологии противника использовались следующие методы и источники: а) политические допросы военнопленных, проводившиеся, как правило, в политотделах армий и реже — в политотделах дивизий; б) анализ документов противника (архивов, приказов, распоряжений, методических материалов, военной и гражданской прессы, партийной, научной и справочной литературы, кинокопий, грампластинок, личной и служебной переписки, рапортов, личных дел, удостоверений, фотоматериалов, дневников и т.д.), захваченных в бою, изъятых у убитых и пленных, добытых разведорганами и трофейными командами; в) составление военно-политических характеристик (формуляров) на дивизии противника (всего во время войны было составлено более 400 таких формуляров); составление тематических досье по отдельным направлениям; г) составление обобщающих информационных сводок и обзоров о моральном духе и настроениях противника для наших войск и др.

Основными средствами идеологического и психологического воздействия на врага были: печатные материалы, средства их производства и распространения; громкоговорящие устройства; радиовещание; наглядная агитация; личное общение советских воинов, специалистов спецпропаганды и антифашистов с личным составом войск противника и др.

Печатная пропаганда занимала центральное место в системе морально-психологического и идеологического воздействия на противника. Ее основными формами были листовки, газеты, журналы, бюллетени, письма, брошюры, плакаты и др.

Стремясь найти аудиторию для информационно-психологического воздействия, специалисты спецпропаганды разрабатывали различные виды листовок («на любителя»): официальные заявления, выступления и документы; информационные листовки; тематические листовки; листовки с письмами и обращениями военнопленных; листовки-лозунги, листовки-пропуска.

При выборе размеров листовок учитывались такие психологические факторы, как: возможность их обнаружения и привлечения внимания, безопасного хранения и др. Они выпускались, как правило, двух размеров — 1/16 и 1/32 печатного листа. В зависимости от времени года цвет листовок выбирался с таким расчетом, чтобы они быстрее бросались в глаза. Однако, чтобы противник не сразу разобрался, что это наша листовка, в ряде случаев одна ее сторона имитировалась под немецкие письма полевой почты,

под обрывки фашистских фронтовых газет или под какой-либо документ. К тому же такие листовки солдатам легче было утаить от командиров.

Листовки обычно в сжатой форме излагали один основной вопрос, как правило, выраженный уже в заголовке. Поэтому личному составу противника было легко воспринимать ее содержание и запоминать содержащуюся в ней информацию.

Действенной формой пропагандистского и психологического воздействия на противника во время войны считалось *звуковещание*. Для его ведения использовались: мощные громкоговорящие устройства (МГУ-39; МГУ-44), окопные громкоговорящие установки (ОГУ), рупоры, мегафоны. Мощность МГУ-39 составляла 300 ватт, МГУ-44 — 500 ватт. С их помощью предполагалось осуществлять устные передачи на расстояние до 3—4 км. Радиосеанс на такой установке был рассчитан примерно на 30 минут. Однако войсковые практики отмечали, что самая сильная из установок при благоприятных условиях слышна на 300—1000 м, а это значит, что в лучшем случае ее вещание было слышно двумстам военнослужащим противника. В этих условиях, чтобы увеличить район слышимости, прибегали не только к усилению звука, но и к выносным динамикам: красноармейцы ползком устанавливали их как можно ближе к противнику[1]. На заключительном этапе войны появились самолетные громкоговорящие устройства (СГУ) и танковые громкоговорящие устройства (ТГУ).

В процессе радиопропаганды изучалась психология солдат противника, их сильные и слабые стороны, и в связи с этим велся поиск наиболее действенных способов воздействия на них.

Одной из наиболее важных и действенных форм в спецпропаганде считалась *работа с пленными*. Она имела следующие направления:

— получение от пленных в процессе политических допросов информации, необходимой для работы с противником;

— привлечение пленных к участию в пропаганде на своих бывших сослуживцев и население своей страны (к разработке печатных материалов, к участию в радио- и звуковещании, написанию писем своим сослуживцам, членам семей и знакомым в тылу и др.);

— использование пленных, перешедших на нашу сторону, для прямой агитационной работы среди военнопленных;

— «подсадка» активистов из числа пленных в лагеря военнопленных для ведения скрытой пропаганды;

— обратная засылка военнопленных в свои воинские части для пропаганды и призыва сослуживцев к сдаче в плен и др.

О масштабе этой работы могут свидетельствовать следующие архивные данные. Только в июле-августе 1944 г., при освобождении Украины, политуправлениями 1-го Белорусского, 1-го и 2-го Украинских фронтов в качестве дикторов МГУ и ОГУ было привлечено около 700 военнопленных. Из 324 военнопленных, переправленных в свои части, 247 вернулись обратно, приведя с собой более 2800.

---

[1] Особый фронт. М., 1986. С. 49.

Поистине колоссальная информационно-психологическая работа проводилась с военнослужащими противника, находящимися в плену. Ярким примером эффективной психологической «обработки» военнопленных с целью изменения их социальных установок является работа с более чем 350 тыс. военнослужащих Квантунской армии, плененных нашими войсками в конце Второй мировой войны. До пленения контингент японских военнопленных, несмотря на различия в их прежнем социальном и текущем служебном положении, в возрасте отличался высоким единством настроений, установок, надежд и др. Но предпринятые специальные меры (выпуск газеты для военнопленных «Нихон симбун» («Японская газета»), изоляция наиболее реакционной части бывшего командного состава армии и частей, выдвижение актива из числа демократически настроенных пленных, организация работы курсов демократического актива и тому подобные мероприятия, позволили психологически и идеологически переориентировать большую часть военнопленных на отказ от слепого сопротивления, на критический анализ роли Японии в войне, на рассмотрение ее как потенциально демократической страны. В связи с этим газета «Ассошиэйтед пресс» в 1949 г. писала: «Японские военнопленные, прибывшие из Сибири, являются твердыми коммунистами и составляют предмет беспокойства для японского правительства».

Действительно, многие из японских военнослужащих, побывавших в советском плену, с возвращением на родину стали активистами коммунистической партии Японии. В связи с этим американские оккупационные власти даже создали специальные «фильтрационные» лагеря для лиц, возвращающихся из плена.

В пропаганде на своих сограждан самым активным образом участвовали такие известные в Германии и в мире личности, как В. Ульбрихт, В. Пик, генерал-фельдмаршал Ф. фон Паулюс и др.

Американцы традиционно придают огромное значение психологическому воздействию на противника, возводя его до своеобразного культа. В связи с этим в предвоенный период и в годы войны психологов активно привлекали к процессу разработки теоретико-методологических положений и технологий информационно-психологического воздействия.

Так, К. И. Ховланд исследовал социальное поведение, идеологические коммуникации, изменение установок. Он провел исследование влияния пропагандистских фильмов на военнослужащих, эксперименты по оценке степени доверия к источнику информации, изменения мнений под воздействием пропаганды, выявлению структуры сообщений и множества других факторов коммуникации, относящихся к характеристикам коммуникатора, аудитории и форме подачи информации. Проводя исследования в рамках информационно-психологического противоборства, Ховлэнд предложил так называемую «матрицу убеждающей коммуникации», т.е. своего рода модель речевого коммуникативного процесса, с обозначением всех его звеньев.

Работали в этом направлении и другие видные психологи. Например, Р. Крачфилд занимался разработкой методологии изучения общественного мнения, К. Морган исследовал влияние голода на процесс обработки информации и т.д.

Американские специалисты психологической войны использовали для воздействия на противника весь комплекс имеющихся в то время средств, но особенно широко и эффективно — средства звуковещания. Так, подразделения психологической войны, оснащенные громкоговорителями, активно применялись при высадке войск в Африке, в зоне Тихого океана и в Нормандии. Эти громкоговорящие устройства, хотя и имели дальность действия менее 200 м, побудили отдельные группы противника к сдаче в плен в Северной Африке. В зоне Тихого океана американские ВВС пробовали использовать для этой цели «самолеты Полли», оснащенные громкоговорителями. Они совершали облет удерживаемых японцами островов, и с их бортов осуществлялось звуковещание, передавались призывы к прекращению сопротивления.

В ходе боевых действий с японской армией громкоговорители некоторых американских танков подключались к танковым радиоприемникам. Это давало возможность одному специалисту со знанием японского языка вести передачу заранее подготовленной информации на более широкую аудиторию противника. По существу, один специалист мог передавать сообщение на японском языке по всему фронту.

В фашистской Германии для реализации этих целей информационно-психологического противоборства было мобилизовано 25 000 пропагандистов и 2500 специальных сотрудников, которые действовали в 45 странах. В интересах выработки научно обоснованных рекомендаций специалистам по психологическим диверсиям активно работала «психологическая лаборатория», в которой имелись отделы «психологического вредительства».

Сразу после вторжения фашистских войск во Францию Геббельс издал специальную директиву, в которой ставились задачи создания секретных («черных») радиопередатчиков, маскирующиеся под радиостанции французского сопротивления и формирующие у французского населения недоверие к французскому правительству, якобы собирающемуся бежать из Парижа к проживающим в стране немцам и евреям как членам пресловутой «пятой колонны» Германии и др.

В 1943 г. германским генеральным штабом были изданы «Основные положения военной пропаганды», в которых подчеркивалась важность психологического воздействия на противника. В них, в частности, подчеркивалось, что у «человека наиболее уязвимое место — его психология, чувственная сторона. Поэтому больший успех можно ожидать, адресуясь к психологическим чувствам, а не вообще к сознанию». Это положение базировалось на мысли А. Гитлера, выраженной им в «Майн кампф», о том, что «задача пропаганды состоит в воздействии на чувства и, весьма относительно, на так называемый разум», что «есть более глубокая стратегия — война интеллектуальная, психологическим оружием... Наша стратегия заключается в том, чтобы сокрушить врага изнутри, завоевать его посредством его самого. Замешательство ума, противоречие чувств, нерешительность и паника — вот наше оружие... Артподготовка перед атакой... будет заменена в будущей войне психологическим разоружением противника путем пропаганды...».

В соответствии с планом «Барбаросса», было создано 17 рот пропаганды. Они предназначались для проведения стратегической дезинформационной

кампании под кодовым названием «Ледокол» по пропагандистско-психологическому обеспечению внезапного вторжения фашистских войск на территорию СССР в июне 1941 г. Роты непосредственно придавались войскам вторжения на севере Финского фронта, группам армий «Север», «Центр» и «Юг», а также трем воздушным флотам. В 1943 г. в связи с усложнением обстановки на восточном фронте войска пропаганды были увеличены до 50 рот. В ходе сражения за Сталинград немецкое командование предприняло операцию «большого пропагандистского похода» против советских войск. В ходе боев на Курской дуге (1943) гитлеровцы провели крупнейшую за всю войну психологическую операцию «Серебряная полоса», в ходе которой делалась попытка массированного запугивания наших солдат новой немецкой боевой техникой — танками «Тигр», «Пантера» и др.

Гитлер и его сподвижники активно использовали в целях психологического воздействия на общественное мнение все имеющиеся у них средства, но особую роль отводили радио. Указывая на значение радиовещания в нацистской пропаганде, И. Геббельс подчеркивал, что «без радио и самолетов завоевание и упрочение власти в нынешних условиях немыслимо».

Во время Второй мировой войны солидный опыт психологического воздействия на военнопленных был накоплен в Китае. По оценке известного специалиста в области психологической войны П. Лайнбарджера, китайские коммунисты побили все рекорды в некоторых специальных аспектах военной пропаганды. Технология воздействия по своей схеме и психологическому содержанию близка к современным технологиям организованного социального влияния и модификации социального поведения. В целях изменения социальных установок военнопленных использовались позитивная самопрезентация, возбуждение у пленных японцев положительных эмоций в процессе общения с ними, психическое и идеологическое заражение, постепенное психологическое «втягивание» в совместную деятельность, изменение аттитюдов по схеме «поступок — изменение установки» и др.

Так, отступая, китайцы оставляли на оставляемых позициях не мины или отравленные продукты, а подарки для японских солдат. Входя в сети связи противника, они вели с ними теплые дружеские беседы и споры по политическим проблемам.

Китайцы радушно принимали японских военнослужащих, сдавшихся или взятых в плен, выражали им искрение симпатии, хорошо кормили, дарили подарки, вели доверительные беседы о судьбе Японии и т.д. По свидетельству Лайнбарджера, одного из японских пленных избрали даже в городской совет города Яньань. Наиболее лояльные японцы проходили в плену курс политической подготовки. Таких они привлекали для совместных обращений к японским военнослужащим, находящимся на передовой в целях склонения их к сдаче в плен. Нередко японские пленные отпускались в свои части с просьбой вести агитационную работу среди сослуживцев.

Весьма эффективной оказалась и тактика психологического воздействия, ориентировавшаяся не на давление, принуждение противника к принятию однозначного решения, а на просьбу изменить характер своих

действий. Так, обращаясь к японским солдатам, китайские специалисты по информационно-психологическому воздействию говорили, что «будут благодарны своим японским братьям, если они в бою станут стрелять в воздух, таким образом они не причинят вреда коммунистам и в то же время не создадут осложнений во взаимоотношениях с японскими офицерами»[1].

Кроме реализации перечисленных выше направлений, военные психологи в ходе Второй мировой войны решали множество других, не менее важных задач.

Так, отечественные психологи исследовали феномен выносливости военнослужащих. Изучение выносливости стало особенно важным при переходе Красной Армии в решительное наступление, когда боевые действия приобрели особую динамичность, и войскам потребовалось в короткое время преодолевать большие расстояния. В этой связи С. Сарычев и В. Спиридонова предприняли анализ выносливости как способности организма быстро приспосабливаться к длительным физическим и волевым напряжениям, резким температурным изменениям, болевым раздражителям и разнообразным лишениям[2]. Авторами выделены такие виды выносливости, как выносливость к контрастам и переключениям на новые виды деятельности, скоростная выносливость, статическая выносливость, силовая выносливость. Наряду с этим даны практические рекомендации командирам по развитию и поддержанию выносливости у подчиненных. В частности, давались советы по проведению тренировочных маршей, учету энергетических резервов, биохимических циклов организации отдыха, физической нагрузки и эмоциональных факторов, предупреждающих утомление.

Ведущие американские психологи участвовали в психологическом просвещении высших военных руководителей вооруженных сил и других силовых ведомств, осуществляли консультирование штабов и органов в интересах принятия психологически обоснованных решений. К примеру, О. Х. Моурер и Г. С. Салливан в течение 1944 г. вели постоянно действующий семинар в Управлении (отделе, бюро) стратегической службы в Вашингтоне (предшественник ЦРУ. — *Прим. автора*). В этой же организации во время войны трудились такие известные психологи, как Э. Ч. Толмен и Г. А. Мюррей. Будучи в звании майора, а затем подполковника Мюррей организовал, а позже и руководил службой экспертизы Управления. Главными направлениями его деятельности были подбор и подготовка кандидатов для выполнения сложных, секретных и опасных миссий.

Опыт американской психологии в решении задач обороны страны в годы Второй мировой войны в 1945 г. был «по горячим следам» проанализирован и обобщен одним из крупнейших психологов США Р. Йерксом. Главный урок, который вынес ученый из проведенного анализа и который вытекает из материала данной главы, — это необходимость создания в армии постоянно действующей психологической службы. Он подчер-

---

[1] *Лайнбарджер П.* Психологическая война : пер. с англ. М., 1962. С. 139—140.

[2] *Сарычев С., Спиридонова В.* К вопросу о воспитании боевой выносливости // Военный вестник. 1944. № 9—10.

кивал: «Природа современной войны повелительно требует сохранения и повышения того высокого уровня, который был достигнут в изучении воинской деятельности в период Второй мировой войны». Поэтому, пишет Йеркс, «в вооруженных силах должна быть организована служба, осуществляющая исследовательскую работу в области военной психологии. Она должна быть укомплектована исключительно квалифицированными учеными... Офицеры-психологи могут быть командированы в различные подразделения вооруженных сил на необходимый период времени, не только для целей исследования или консультирования, но и для руководства и выполнения практических программ»[1].

Йеркс полагал, что создание психологической службы в армии даст возможность высококвалифицированным психологам поступать на военную службу, сохраняя свою профессиональную квалификацию и контакты с коллегами; позволит осуществить координацию психологических исследований и внедрение их результатов в практику войск; обеспечит оптимизацию руководства деятельностью психологов, находящихся в запасе и работающих в гражданских учреждениях. Наряду с общими положениями о психологической службе автором проекта были разработаны ее задачи.

Следует добавить, что только наличие постоянно действующей психологической службы с документально закрепленными функциями, зафиксированным в учебниках и наставлениях опытом решения различных задач, службы, активно ведущей поиск, апробацию и внедрение передовых методов психологической работы, позволит не изобретать в авральном режиме «психологические велосипеды» во всяком новом военном событии. В 1947 г. в США появились первые военные психологи, проходящие действительную военную службу. С 1949 г. в Главном армейском госпитале им. Уолтера Рида стала функционировать первая интернатура для военных клинических психологов.

Рекомендуемая литература

Белоусов, А. В. Отечественная психология в годы Великой Отечественной войны / А. В. Белоусов, А. Г. Караяни // Инновации в образовании. — 2005. — № 3. — С. 128—147.

Гилген, А. Американская психология во время Второй мировой войны / А. Гилген, К. Гилген // Психологический журнал. — 1994. — № 2. — С. 162—170.

Караяни, А. Г. Алтарь победы / А. Г. Караяни // Национальный психологический журнал. — 2010. — № 1. — С. 29—33.

Караяни, А. Г. Психология США в годы Второй мировой войны / А. Г. Караяни // Психологический журнал. — 2002. — № 2. — С. 111—117.

Караяни, А. Г. Теория и практика психологической помощи участникам боевых действий в годы Второй мировой войны / А. Г. Караяни, Ю. М. Караяни // Юридическая психология. — 2014. — № 3. — С. 15—23.

---

[1] *Йеркс Р.* Предложения по организации психологической службы в вооруженных силах США // Современная буржуазная военная психология. М., 1964. С. 47—49.

Кольцова, В. А. Работа советских психологов в годы Великой Отечественной войны / В. А. Кольцова, Ю. Н. Олейник // Психологический журнал. — 1995. — № 3. — С. 3–12.

Рубинштейн, С. Л. Советская психология в условиях Великой Отечественной войны / С. Л. Рубинштейн // Под знаменем марксизма. — 1943. — № 9–10. — С. 45–61.

Практикум

Контрольные и аналитические вопросы

1. Какие направления использования психологии в военных целях преобладали в годы Второй мировой войны?
2. Какие методы применялись при маскировке Москвы и Ленинграда?
3. Кто из известных отечественных психологов занимался психологической реабилитацией раненых?
4. Какие средства информационно-психологического воздействия на противника использовались во Второй мировой войне?
5. Что нового появилось в системе психологического отбора новобранцев в годы войны?
6. Какие методы психологической помощи появились в годы войны?
7. Чем обусловлена разная степень использования психологии в интересах войны и боя в разных странах?
8. Какие подходы к оказанию психологической помощи психотравмированным военнослужащим можно выделить в психореабилитационной практике различных государств?
9. Какие направления использования психологии в военных целях преобладали в разных странах?
10. Почему США уделяли такое большое значение вопросам психологического отбора новобранцев?
11. Какие психотехнологии, созданные в годы Второй мировой войны, активно используются в наши дни?

Практические задания

1. Выполняя заказ американских ВВС, К. Левин в своей работе «Перспектива времени и моральный дух» (1942) писал: «Один из главных методов подавления морального духа посредством стратегии устрашения (террора) состоит в том, чтобы держать человека в состоянии неопределенности относительно его текущего положения и того, что его может ожидать в будущем». Он предложил создать в сухопутных подразделениях специальные группы людей, которые бы опрашивали пленных и изучали письма военнослужащих противника к своим родным, захваченные в результате военных действий. Это должно было делаться для определения морального эффекта, вызванного бомбардировками. Под руководством Левина была рассчитана специальная шкала, увязывающая масштабы разрушений и жертв среди мирного населения с падением морального духа в тылу и на фронте. Была сформулирована гипотеза, которая устанавливала необходимый порог разрушений и жертв, начиная с которого подавляющая часть населения в тылу и на фронте переставала верить в победу своей страны и отказывалась от собственных идеологических убеждений. С 1943 г. совместное командование ВВС США и Великобритании начало вырабатывать перечни боевых целей в значительной мере под воздействием так называемых «кривых Курта Левина»[1].

[1] Психологические технологии Второй мировой войны // Вопросик [сайт]. URL: http://voprosik.net/psixologicheskie-texnologii-vtoroj-mirovoj-vojny/ (дата обращения: 15.01.2016).

Оцените этическую сторону деятельности Левина и других психологов в годы войны.

Проанализируйте, какой вклад в разгром фашисткой Германии внесли психологи, иммигрировавшие в США и другие страны.

2. В годы Второй мировой войны было установлено, что, во-первых, среди психически нормальных людей не бывает абсолютно бесстрашных, и, во-вторых, указывается, что из четырех американских солдат лишь один принимал активное участие в боевых действиях.

Сравните эти два факта и ответьте на вопрос: чем страх отличается от трусости? Попробуйте выявить отличия по критериям «сознательное — бессознательное», «аффективное — поведенческое» и др.

ГЛАВА 5
УТОЧНЕНИЕ ПРЕДМЕТНОГО ПОЛЯ ВОЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ В ЛОКАЛЬНЫХ ВОЕННЫХ КОНФЛИКТАХ КОНЦА XX — НАЧАЛА XXI ВЕКА

В результате освоения материалов данной главы студент должен:

знать

- психологические особенности локальных военных конфликтов;
- основные тенденции развития военной психологии в локальных военных конфликтах конца XX — начала XXI в.;

уметь

- осуществлять сравнительный анализ приоритетных направлений развития военной психологии;
- экстраполировать опыт военной психологии в локальных военных конфликтах на сферу решения актуальных задач психологической работы в воинских частях и соединениях;

владеть

- навыками военно-психологического анализа опыта локальных военных конфликтов;
- методами работы с исторической военно-психологической литературой.

После Второй мировой войны в мире произошли десятки локальных войн и военных конфликтов. Военные события имели место в Европе, Азии, Африке, Южной Америке. В них приняли участие армии многих стран мира. Сотни тысяч военнослужащих и мирных жителей погибли.

С психологической точки зрения эти войны отличались тем, что они чаще всего велись ограниченными контингентами войск, что порождало своеобразный эффект расслоения общества. На участников боевых действий сильное психологическое давление оказывали размышления о том, почему они должны рисковать своей жизнью за интересы государства, а остальные соотечественники продолжают жить обычной мирной жизнью. Это вызывало непонимание и напряжение в отношениях между «человеком воевавшим» и мирным обществом, которое вместе с горькой памятью об этих войнах проявилось в различных «синдромах» у участников боевых действий («вьетнамский», «афганский», «чеченский» синдромы, синдром «войны в заливе»). Психологический след войны стал отчетливо проявляться в мирной жизни ветеранов в виде посттравматического стрессового расстройства. Появилась необходимость в специальной психологической работе по психологическому возвращению участников боевых действий в мирную жизнь.

Нередко военнослужащим приходилось действовать в непривычных и неблагоприятных для них природно-географических и погодно-климатических условиях, в незнакомой и враждебной этнокультурной среде, в регионах с крайне опасной эпидемиологической обстановкой, против неуловимого противника, использовавшего приемы партизанской войны, и т.д. Все это обусловило выраженную психологическую специфику этих войн, мощное давление психологических факторов на боевую деятельность военнослужащих и требовало от военной психологии поиска новых и эффективных методов всестороннего психологического вспомоществования участникам и ветеранам боевых действий[1].

5.1. Развитие принципов и технологий психологической реабилитации военнослужащих в боевой обстановке

Несмотря на то что военные события, не относящиеся к мировым войнам, называют «малыми», «локальными» войнами и военными конфликтами, «войнами трех кварталов», «войнами малой интенсивности» и т.д., их психологическая нагрузка на участников боевых действий весьма существенна. Об этом свидетельствует отношение психогенных потерь к физическим в локальных военных событиях. Так, в годы войны в Корее в американском воинском контингенте это соотношение было 12 : 100, во вьетнамской войне — 30 : 100, в израильских войсках в ходе арабо-израильских войн — 23—30 : 100, в американских войсках во время операции «Буря в пустыне» — 10 : 100, в ходе американской агрессии в Ираке и в Афганистане — 11—20 : 100. Для сравнения, в одной из самых кровопролитных войн в истории человечества — Первой мировой войне — это соотношение не превышало 11 : 100.

Существенно изменилась и феноменология психологических проблем участников боевых действий. Психологи стали объединять психологические последствия воздействия на военнослужащих боевой обстановки в такие категории, как «боевая усталость», «боевое истощение», «реакции боевого стресса». Утвердившиеся в настоящее время в армии США и ряде других государств термины «реакция боевого стресса» (РБС) или «реакция боевого и операционного стресса» (РБОС) охватывают симптомы острой поведенческой дезорганизации, вызванной воздействием психогенных факторов боевой обстановки. В симптоматике РБС преобладают усталость, замедление времени реакции, нерешительность, отчуждение от окружающих, неспособность расставлять приоритеты.

Вместе с тем существенный процент негативных психологических последствий участия в боевых действиях стал связываться с различными поведенческими проблемами. Так, высокий уровень психогенных потерь американских войск во Вьетнаме был связан с резким ростом числа воен-

[1] *Караяни А. Г.* Влияние боя на психику воина: к чему и как готовятся военнослужащие в зарубежных армиях // Ориентир. 1994. № 8. С. 76. См. также: *Его же*. Морально-психологическое обеспечение боевых действий войск (сил) в локальных войнах и военных конфликтах // Ориентир. 1996. № 9. С. 76.

нослужащих с зависимостью от наркосодержащих препаратов. Употреблению наркотиков способствовала обстановка общей терпимости в отношении к наркотикам в стране в то время. По-видимому, немаловажную роль в этом играла и позиция военного командования, полагавшего, что совместное употребление марихуаны может способствовать развитию боевой сплоченности военнослужащих.

В результате среди участников войн начала XXI в. каждый шестой американский военнослужащий принимал по крайней мере один психиатрический наркотик. К ним следует добавить многих солдат, принимающих «комбинации» медикаментозных коктейлей. Специалисты сообщают, что психиатрические наркотики в огромных количествах «предписываются, поглощаются, распространяются и продаются в зонах боевых действий». За последнее десятилетие использование антипсихотических препаратов в американских войсках увеличилось более чем на 200%, а успокаивающих наркотиков и сонных порошков — на 170%[1].

Наша армия впервые столкнулась с распространением наркомании среди военнослужащих в ходе боевых действий в Афганистане. Сложные природно-географические условия театра военных действий, отрыв от привычного социального окружения, боевые потери, инфекционные заболевания, с одной стороны, широкая доступность наркотиков, сложность приобретения алкоголя, с другой стороны, привели к тому, что среди советских военнослужащих отмечались факты гашишной, опийной, гашишно-опийной наркомании и полинаркомании. Одновременно практически не выявлялись случаи алкогольной зависимости. «Основной причиной такого положения было отсутствие подготовленных специалистов (воспитателей и психологов) по вопросам психологической коррекции изменений психического состояния, возникающих в трудных условиях боевой обстановки. Командиры и политработники ротного и взводного звена из-за своей неподготовленности не осознавали всю пагубность употребления наркотиков подчиненными, пусть на первых порах единичного или эпизодического. Нередко, обнаружив наркотики у подчиненных им солдат и сержантов, они попросту уничтожали их, даже не пытаясь выяснить обстоятельства приобретения. Более того, в первые годы войны многие из командиров считали, что нет ничего страшного, если солдаты после возвращения с боевых действий «немного расслабятся», «побалуются»[2].

Однако такие последствия употребления наркотиков, как повышенная травматизация (в том числе боевая и психическая), формирование в воинских коллективах микрогрупп с дивиантной направленностью, нарушения воинской дисциплины и т.д. побудили специалистов к разработке методов диагностики наркозависимости и проведения большого объема работы по профилактике, выявлению, пресечению наркопотребления и оказанию помощи военнослужащим-наркоманам.

---

[1] *Bruce E.* Levine Teaching «Positive Thinking» to the Troops: How Psychologists Profit on Unending U. S. Wars. URL: http://chelseagreen.com/authorblog/brucelevine/2010/07/23/teaching-positive-thinking-to-the-troops-how-psychologists-profit-on-unending-us-wars/ (дата обращения: 11.02.2016).

[2] *Литвинцев С. В., Снедков Е. В., Резник А. М.* Боевая психическая травма. М., 2005. С. 185.

Участие военнослужащих в локальных войнах привело к росту самоубийств среди участников и ветеранов боевых действий. Особую остроту эта проблема приобрела в армии США. По данным американских специалистов, число самоубийств среди участников и ветеранов войн превышает численность боевых потерь в Афганистане. С 2005 г. до 2010 г. в американских вооруженных силах каждые 36 часов совершался один акт самоубийства. В июле 2011 г. был поставлен своеобразный «рекорд», когда за один месяц 33 действующих и находящихся в резерве военнослужащих покончили жизнь самоубийством. Еще выше смертность от суицидов среди ветеранов боевых действий. Военные ветераны совершают суициды каждые 80 минут. Хотя только 1% американцев проходили службу в зонах боевых действий в Ираке и Афганистане, они дают около 20% всех самоубийств в стране[1].

Перечисленные выше обстоятельства побуждали военное руководство участвовавших в военных конфликтах стран принимать активные меры по профилактике и купированию психических расстройств у военнослужащих.

Одним из путей предотвращения высоких уровней психогенных потерь во многих странах, участвовавших в военных конфликтах, считали качественный ***психологический отбор военнослужащих***.

В Советском Союзе в 1964 г. была создана система профессионального психологического отбора летчиков-кандидатов на поступление в летные училища, а 10 лет спустя — для отбора штурманов.

В Ракетных войсках стратегического назначения (РВСН) в 1970—1980-е гг. разрабатывались автоматизированные средства отбора (ДПФИ-1м, ПНН 3—01, «Связист»-2 и др.). Позже коллектив под руководством К. В. Сугоняева разработал программно-аппаратный комплекс «Мультипсихометр-03». Выпускалась серийно и поставлялась в войска мобильная лаборатория профессионального отбора на базе автомобиля «Камаз», созданная Е. Г. Черепановым и Ю. П. Смирновым. В 1981 г. было издано первое учебное пособие по этой тематике (Основы профессионального психофизиологического отбора военных специалистов / под ред. В. А. Пухова. М., 1981). В 1997—2000 гг. группа сотрудников под руководством Н. В. Лазарева и К. В. Сугоняева разработала автоматизированное рабочее место специалиста профессионального отбора (АРМ СПО «Отбор») и программно-технический комплекс профессионального отбора военных специалистов (комплекс 83т 79).

В 1983 г. была сформирована лаборатория профессионального психологического отбора Сухопутных войск. Однако официальным началом создания целостной системы профессионального психологического отбора ВС СССР следует считать приказ МО РФ 1986 г. № 162 «О введении в действие Руководства по профессиональному психологическому отбору молодежи и военнослужащих и их рациональному распределению по спе-

[1] *Harrell M. C., Berglass N.* Losing the Battle. The Challenge of Military Suicide. URL: http://www.cnas.org/files/documents/publications/CNAS_LosingTheBattle_HarrellBerglass.pdf (дата обращения: 11.02.2016).

циальностям при прохождении действительной военной службы в Вооруженных Силах СССР» и введение должностей специалистов по профессиональному психологическому отбору в военных комиссариатах, окружных учебных центрах, учебных воинских частях, военно-учебных заведениях; лабораторий профотбора во всех головных научно-исследовательских организациях видов ВС; научно-исследовательских подразделений профотбора в Военно-медицинской академии; должностей офицеров по профотбору в штабах военных округов, главных штабах ВС, Генеральном штабе ВС, а также начало подготовки специалистов по профессиональному психологическому отбору в Военно-медицинской академии и Военно-политической академии (ныне — Военный университет)[1].

В 1994 г. был создан 178-й научно-практический центр Генерального штаба ВС СССР как головная организация по разработке научно-методических проблем профессионального психологического отбора.

С 1998 г. в Военно-медицинской академии и Военном университете началась подготовка специалистов по профессиональному психологическому отбору воинских соединений, частей и военных комиссариатов по специальностям «Психофизиология» и «Психология». В 2000 г. МО был издан приказ № 50, который ввел в действие «Руководство по профессиональному психологическому отбору в ВС СССР»[2].

В США в годы войны в Корее было издано техническое руководство, определявшее роль и методы работы психологов по отбору новобранцев на различные специальности и офицерские должности. К его разработке привлекли таких известных специалистов в этой области, как Д. Векслер и П. Мил.

В 1968 г. в ходе боевых действий во Вьетнаме была разработана современная тестовая батарея ASVAB (англ. *The Armed Services Vocational Aptitude Battery* — армейский набор тестов для оценки профессиональной пригодности к военной службе). Этот диагностический инструмент позволил оценивать как пригодность человека к различным видам армейской деятельности, так и уровень психического здоровья при травмах головного мозга. Вследствие этого в американские войска стало поступать меньше лиц исходно предрасположенных к психотравматизации.

В целом в США, с учетом опыта локальных войн, сложилась система профессионального психологического отбора, отвечающая потребностям войск в личном составе, обладающем необходимыми психологическими и профессиональными качествами.

Руководящим органом в системе профессионального отбора кандидатов на военную службу в МО США является Штаб командования по набору добровольцев (*Recruiting Command Headquarter*). В его подчинении находятся четыре региональных бригады по набору добровольцев, включающие до 13 батальонов. Батальоны руководят 200 вербовочными компаниями,

---

[1] См.: Основы военного профессионального психологического отбора. М., 2005.

[2] Приказ министра обороны Российской Федерации от 26.01.2000 № 50 «Об утверждении “Руководства по профессиональному психологическому отбору в Вооруженных Силах Российской Федерации”».

которые, в свою очередь, контролируют деятельность вербовщиков (рекрутеров) в 2200 консультационных и вербовочных пунктах. Рекрутерами являются сержанты, прошедшие специальную подготовку по психологии вербовки. В среднем для вербовки и отбора одного рекрута проводится работа с 24 кандидатами[1].

Для отбора американских военнослужащих используются современные тестовые системы. На первом этапе с помощью квалификационного теста вооруженных сил AFQT (англ. *Armed forces qualification test*) или его компьютеризованного аналога адаптивного скрининг-теста CAST (англ. *Computerized adaptive screening test*) осуществляется общая оценка пригодности к военной службе. В тест включены две диагностические методики. Первая диагностирует «знание слов» и «арифметическое мышление». В случае успешного выполнения теста, кандидат на военную службу проходит тестирование с помощью батареи тестов профессиональных способностей ASVAB (второй этап). Батарея включает психодиагностические методики для оценки общих познавательных способностей и тесты достижений, определяющие степень информированности новобранца в различных сферах профессиональной деятельности. Тесты достижений имеют больший вес при оценке профессиональной пригодности рекрута[2].

Важным условием профилактики боевых психических травм у военнослужащих стало ***установление четких временных пределов их участия в боевых действиях***. В армии США эти сроки были определены еще во время Второй мировой войны Дж. Аппелем и составляли 180 дней.

В Советском Союзе в ходе войны в Афганистане продолжительность участия в боевых действиях составляла: для солдат — 1,5 года (примерно 540 дней), для офицеров — 2 года (примерно 730 дней). Как следствие, ресурсы организма и нервной системы военнослужащих предельно истощались, появлялись сбои в работе эндокринной и других систем организма, снижалась адаптивные возможности солдат и офицеров. Постепенно утверждалось мнение специалистов в том, что пребывание военнослужащих в зоне боевых действий должно быть ограничено 180 сутками. За пределами этого срока наступает резкий спад возможностей иммунной и нервной систем военнослужащего адаптироваться к стресс-факторам и другим, вредным для жизни обстоятельствам боевой обстановки. В результате осмысления этих явлений во время боевых действий в Чечне была сделана попытка ограничить срок пребывания военнослужащих в зоне боевых действий шестью месяцами.

Накопленный в локальных военных конфликтах опыт позволил изменить и политику ротации участников боевых действий после участия в боевых действиях. Политика ротации американских войск во Вьетнаме и российских войск в Афганистане предполагала персональную замену военнослужащих, выслуживших установленный срок в зоне боевых действий (полгода в армии США и 1,5—2 года в советской армии соответственно). Такая ротация приводила к постоянному изменению состава

---

[1] Основы военного профессионального психологического отбора. С. 22—23.

[2] Там же. С. 26.

воинских коллективов, непрерывному снижению уровня групповой сплоченности, нарушению системы отношений между военнослужащими.

В США специалисты пришли к выводу о том, что профилактическое значение в плане предупреждения психических расстройств имеет точное определение сроков окончания участия в боевых действиях — DEROS (англ. *Date Expected to Return from Overseas* — «дата ожидаемого возвращения из-за моря»).

Была осознана важнейшая ***роль воинского коллектива*** в мотивации боевой активности воинов и решении ряда реабилитационных задач (социальной поддержки, отреагирования и др.). В армии США была апробирована система «товарищеской взаимопомощи», предполагавшая обучение военнослужащих навыкам визуальной диагностики стресса и взаимопомощи.

В Советском Союзе в 1972 г. были изданы «Рекомендации по психологической подготовке личного состава частей Сухопутных войск ВС СССР», в которых содержалось теоретико-методологическое обоснование, методическое обеспечение, описание принципов, путей, способов, приемов психологической подготовки военнослужащих в различных видах боя и условиях боевой обстановки. Это была первая конкретная попытка представить психологическое знание в форме технологии решения конкретной проблемы боевой деятельности войск. «Рекомендации» открывали путь для развития военно-психологической практики. В «Рекомендациях» были учтены результаты научных исследований М. И. Дьяченко, М. П. Коробейникова, А. М. Столяренко, защитивших в 1960-х гг. докторские диссертации, связанные с психологической подготовкой к боевым действиям, а также зарубежный опыт, изложенный, в частности, в работе Р. Ригга «Боевая подготовка войск» (М., 1956). Позже были защищены докторские диссертации В. В. Сысоевым и П. А. Корчемным, посвященные психологической подготовке войск.

Большое количество американских военнослужащих, попавших в плен в ходе войн в Корее и Вьетнаме, лишения, которые им пришлось испытать в неволе, побудили военных руководителей и психологов конкретизировать и усилить действовавшие с 1947 г. программы выживания. Программа школ SERE (от англ. *survival*, *evasion*, *resistance*, *escape* — выживание, избегание, сопротивление, побег) была разработана в 1961 г. на основе опыта корейской войны, сначала в ВВС, в морской пехоте, а в начале 1970-х гг. — в военно-морском флоте и армии. Многие из тех, кто побывал в корейском и вьетнамском плену, впоследствии стали сотрудничать со школами выживания в целях психологической подготовки военнослужащих к сохранению боеспособности и психического здоровья при попадании в плен.

Американские военные руководители стали больше внимания уделять психологической подготовке войск к боевым действиям в конкретных боевых, географических, погодно-климатических и социальных условиях. По их мнению, солдат должен задолго до прибытия к месту боевых событий психологически адаптироваться к визуальным, аудиальным, кинестетическим элементам боевой обстановки, перестроить динамику своих биоритмов, привыкнуть к реальной физической нагрузке, характерной для

современного боя, пройти процесс «врабатывания». Так, в ходе подготовки к войне в Персидском заливе с сухопутными частями в США и Саудовской Аравии было проведено около 200 учений бригадного масштаба.

Еще более серьезная боевая и психологическая подготовка осуществлялась в этот период с летным составом ВВС. На авиабазе Неллис (штат Невада) была создана обстановка, максимально приближенная к боевой. Достаточно сказать, что в этих целях имитировалась в натуральную величину вся территория Кувейта, был создан единый каталог целей (для этого использовались специалисты, строившие объекты в Кувейте и Ираке). К обучению летчиков привлекались их коллеги из Германии, освоившие МиГ-29, и французы — специалисты по самолетам «Мираж», так как эти типы самолетов составляли основу истребительной авиации Ирака. Интенсивность полетов в американских частях в Саудовской Аравии в декабре 1990 г. составляла около 3000 вылетов в сутки и приближалась к той, которая ожидала летчиков в войне (4500 вылетов в сутки)[1].

Аналогичного мнения о реалистичности психологической подготовки придерживаются израильские специалисты. В их рекомендациях по психологической подготовке одно из таких «полей сражения» описано следующим образом: «Деревня, вернее ее развалины, кругом валяются трупы “убитых”, ощущается тошнотворный запах. Среди обломков мебели видна детская игрушка с оторванной ногой, на оконной раме болтается женский чулок. Всюду битая посуда. На пороге разрушенного дома лежит “труп” хозяйки с проломленным черепом, густо облепленный мухами. Из-под обломков торчат ноги хозяйки. Все это хорошо дополняется смрадом пожара, имитируемого при помощи дымовых шашек»[2].

Переосмысление американскими специалистами опыта боевых действий в Ираке и Афганистане побудило их взять курс на ***превентивную профилактику у военнослужащих боевых психических расстройств*** за счет проведения с каждым военнослужащим тренинга упругости (позитивного мышления). Военное ведомство США заплатило известному психологу М. Селигману около 110 млн долл. за проведение тренинга позитивного мышления. В ходе проведения этого тренинга была апробирована работа с «психологическим активом». В частности были подобраны сотни сержантов, которые прошли специальную подготовку в качестве тренеров и участвовали в проведении тренинга под онлайн-контролем Селигмана.

У военных руководителей разных армий утвердилось представление о необходимости поддержания ***постоянной духовной связи участников боевых действий с обществом***, ***родными и близкими*** как важнейшего условия профилактики развития чувства социальной изолированности. Как было показано, одной из причин снижения уровня мотивации, возникновения негативных психических состояний у участников военных конфликтов является реальная или кажущаяся утрата социально-психологического единства воюющей армии со своим народом. Это явление

---

[1] *Григорьев С.* Чеченская операция в свете ей подобных // Независимая газета. 21.06.1995.

[2] *Дедов Ю., Ярцев Л.* Психология на службе израильских интервентов // Зарубежное военное обозрение. 1988. № 9. С. 12—14.

наблюдалось в американской армии во Вьетнаме, в контингенте советских войск в Афганистане, в российских частях в Чечне.

Был сделан вывод о том, что важной задачей психологической поддержки участников боевых действий является профилактика ностальгии или тоски по дому путем всемерного укрепления или фиксированного обозначения наличия тесных связей между «фронтом и тылом» (в современных руководящих документах армии США используется термин «домашний фронт»). Опыт такой работы накоплен в некоторых частях ВС РФ. Например, во время боевых действий в Чечне руководство Сибирского военного округа постоянно и эффективно использовало эту форму психологической поддержки. Существующий воздушный мост между Сибирью и Чечней интенсивно использовался не только для переброски военных грузов, но и для доставки посылок, почты, подарков воинам от родных, близких и земляков. Регулярно в район боевых действий выезжали концертные бригады, представители общественности. Все это, по оценкам участников боевых событий, придавало им уверенность, вселяло надежду в сердца, поднимало боевой дух, положительно влияло на психологический климат в воинских коллективах. Окружная газета «Воин России» с января 1995 г. начала готовить регулярные спецвыпуски для воюющих в Чечне военнослужащих. Рассказы о семьях, публикации фотографий домочадцев, рукописные приветы прямо на газетных полосах не могли не сказаться на настроении и самочувствии воинов.

Важным обстоятельством в понимании сущности психологических последствий боевого стресса, форм и методов оказания психологической помощи военнослужащим, действующим в сложных условиях современного боя, стала разработка в американской армии полевых уставов: *FM* 22—51. *Leaders' manual for combat stress control* (1994); *FM* 6—22.5. *Combat stress* (2000); *FM* 3—05.70. *Survival* (2002); *FM* 4—02.51 (*FM* 8—51) *Combat and operational stress control* (2006).

В России психологическому осмыслению подвергаются психологическая устойчивость военнослужащих (П. А. Корчемный, С. В. Захарик), боевой стресс (Л. А. Китаев-Смык), мотивация (В. А. Суворов), социально-психологическая реадаптация и психологическая реабилитация участников боевых действий (Е. В. Попов, Р. А. Абдурахманов, А. Г. Караяни, И. В. Соловьев), обсуждаются схемы и сроки ротации войск в Афганистане и Чечне.

В 1991 г. ***в российской армии были введены должности военных психологов*** и начала формироваться военно-психологическая структура ВС.

В 1994 г. законодательно оформлен новый вид обеспечения боевых действий — психологическое обеспечение. В эти годы разрабатывались первые психологические диссертации, раскрывавшие психологическую специфику локальных военных конфликтов, обосновывавшие задачи, методы, принципы психологического обеспечения боя[1]. В структуре психологического

[1] См.: *Караяни А. Г.* Психологическое обеспечение боевых действий личного состава частей Сухопутных войск в локальных военных конфликтах : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 1998.

обеспечения выделяются: профессиональный психологический отбор, психологическая подготовка, психологическая поддержка, психологическая реабилитация и социально-психологическая реадаптация участников боевых действий[1].

Важнейшие вопросы, связанные с пониманием специфики факторов психотравматизации военнослужащих в локальных военных конфликтах, с методами и средствами психологической помощи военнослужащим, исследовались в трудах российских военных врачей Е. В. Снедкова[2], С. В. Чермянина[3] и др.

В 1998 г. издан коллективный труд «Военная психология: теория, методология, практика»[4], в котором было изложено новое представление о военной психологии, ее предметном поле, направлениях и методах практического приложения военно-психологической теории к боевой практике.

На рубеже 1990—2000-х гг. активизировалось сотрудничество военных психологов и врачей в исследовании медико-психологической помощи раненым военнослужащим (О. Н. Рыбников, С. И. Палецкая, Л. В. Смекалкина, Е. В. Митасова) и инвалидам боевых действий (В. И. Кутьинов, П. П. Иванов, Ю. М. Караяни (Волобуева), А. Г. Караяни, М. М. Тавакалова).

Опыт локальных военных конфликтов отразился на общей ***схеме оказания психологической помощи*** в боевой обстановке.

Во время войны в Корее (1950—1953) широко использовался опыт, накопленный в ходе Второй мировой войны. Специалисты утвердились во мнении, что нецелесообразно направлять пострадавших в госпитали для психиатрического обследования. Гораздо эффективнее обследовать их в ближайшей медицинской части, оказывать помощь командиру в налаживании работы по руководству неэффективными солдатами, укреплять групповую сплоченность, реализовать простые формы физической и психологической поддержки путем своевременной доставки горячей пищи, предоставления короткого отдыха, установления максимальных сроков пребывания на передовой линии и т.д[5].

В более поздних локальных войнах и конфликтах в армиях разных государств формировались ***эшелонированные системы психологической помощи***. На *первом этапе* психологическая помощь военнослужащим оказывалась командирами подразделений, медицинскими сотрудниками подразделений и частей, сослуживцами, а также в режиме самопомощи. Этот этап в наибольшей степени отвечает принципам немедленности и приближенности. Если боеспособность пострадавшего не восстанавливается, его направляют на *второй этап* психологической помощи (пункты психологической помощи и реабилитации — в российской армии; в центр управления боевым стрессом (*Battle stress management center*) — в армии США; подраз-

---

[1] См.: *Караяни А. Г.* Психологическая работа в боевой обстановке. Самара, 1997.

[2] *Снедков Е. В.* Боевая психическая травма : дис. ... д-ра мед. наук. СПб., 1997.

[3] *Чермянин С. В.* Психофизиологическое обеспечение боевой деятельности военнослужащих в условиях локальных военных конфликтов : дис. ... д-ра мед. наук. СПб., 1997.

[4] Военная психология: теория, методология, практика : учеб. пособие : в 2 ч. М., 1998.

[5] *Гинцберг Э., Андерсон Д. К., Гинсбург С. В., Эрма Д. Л.* Почему необходимо изучать неэффективного солдата... С. 74—104.

деления восстановления боеспособности (*Combat Fitness Retraining Unit* — в армии Израиля). В органах, оказывающих психологическую помощь на втором этапе, как правило, действуют психологи, психофизиологии, психиатры. В отдельных армиях в них включаются социальные работники, инструкторы по спорту и боевой подготовке.

Органы психологической помощи первого эшелона располагаются в 3—5 км от линии фронта, так, чтобы находиться на удалении, относительно безопасном от противника и вместе с тем «в пределах слышимости боя». В целях психологической помощи на этом этапе используются отдых, сон, обильное теплое питье, качественная белковая пища, аутогенная тренировка, рациональная терапия и т.д.

Последующие этапы психологической помощи реализуются в различных медицинских учреждениях (психиатрических отделениях военных госпиталей или специализированных психиатрических госпиталях).

В настоящее время наиболее развитая система медико-психологической помощи создана в вооруженных силах США. Так, в медицинской роте основной поддержки американской дивизии функционируют секция психического здоровья, включающая следующих специалистов в области психического здоровья: психиатра (штатная категория «майор»), офицера по социальной работе (капитан), клинического психолога (капитан), военного специалиста по психическому здоровью (неаттестованный офицер или сержант) и четырех гражданских специалистов по психическому здоровью. Эти специалисты, как правило, действуют в бригадах для осуществления всех задач медико-психологического вспомоществования и занимаются психологической профилактикой, консультированием, образованием и восстановлением военнослужащих.

Кроме этого, в зоне поддержки дивизии действует медицинское отделение медицинской реинжениринговой инициативы. Из этого отделения дивизии могут придаваться Секция профилактики и Команда пригодности, способная оказывать помощь 40 военнослужащим. Секция профилактики состоит из четырех профилактических команд, три из которых ориентируются на поддержку бригад, а одна — на поддержку дивизионных и приданных частей. В каждой команде действуют офицер по социальной работе (майор или капитан), клинический психолог (майор или капитан), военный специалист по психическому здоровью (сержант), гражданский специалист по психическому здоровью. В команде пригодности функционируют психиатр (подполковник или майор), профессиональный терапевт (майор или капитан), психиатрическая сестра (майор или капитан), два профессиональных терапевта (сержанта), два военных специалиста по психическому здоровью (сержанты), три специалиста по психическому здоровью (гражданские). Кроме этого, в зоне боевых действий действует рота по контролю над боевым стрессом, команды профилактики и пригодности, которые активно участвуют в медико-психологической помощи участникам боевых действий. В дополнение к этому в зоне боевых действий работают команды оценки операционного стресса, составленные из психологов-исследователей различных научно-исследовательских учреждений (исследовательский институт медицинских исследований и материальной

команды Армии США; исследовательский армейский институт Уолтера Рида; аэро-медицинская научно-исследовательская лаборатория армии США; американский армейский медицинский научно-исследовательский институт химической защиты; американский армейский научно-исследовательский институт экологической медицины). Таким образом, создается мощная группировка сил по контролю над боевым стрессом[1].

Дальнейшее развитие получили принципы ***психологической помощи***. Совокупность используемых сегодня принципов обозначается акронимом «BICEPS» (от англ. *Brevity*, *Immediacy*, *Contact*, *Expectancy*, *Proximity*, *Simplicity* — краткосрочность, незамедлительность, контакт или централизация, предвкушение (выжидательность), приближенность, простота)[2].

Принцип *краткосрочности* означает, что начальный отдых и восполнение ресурсов, осуществляющиеся в учреждениях контроля за боевым и операциональным стрессом, расположенных в непосредственной близости от действующих подразделений, должен длиться не дольше чем один-три дня (в морской пехоте и на флоте — три-четыре дня). Военнослужащие, требующие дальнейшего лечения, перемещаются на следующий уровень медико-психологической помощи. Так как большинству пострадавших не требуется дальнейшая помощь, командиры ожидают быстрейшего возвращения своих солдат в боевой строй.

Принцип *незамедлительности* (неотложности) требует, чтобы мероприятия по контролю над боевым и операциональным стрессом начинались как можно скорее, как только обнаруживаются симптомы и позволяет обстановка.

Принцип *контакта* нацелен на то, что пострадавшего военнослужащего следует поощрять думать о себе как о бойце, а не как о пациенте или больном человеке. С этой целью в процессе восстановления солдата и возвращении его в строй задействуется целая цепь инстанций. Команда по контролю над боевым и операциональным стрессом взаимодействует с командиром подразделения, чтобы узнать, был ли пострадавший военнослужащий эффективным бойцом. При первой возможности представители подразделения, командиры, капелланы вступают с ним в контакт или пересылают ему сообщения. Все прямые и опосредованные контакты должны укреплять уверенность солдата в том, что он необходим, и его возвращения ждут сослуживцы.

Принцип *предвкушения* состоит в том, военнослужащий ориентируется на то, что его состояние — это нормальная реакция на чрезвычайные обстоятельства, что ожидается его полное восстановление и возвращение к выполнению служебных обязанностей через несколько часов или дней.

Американские специалисты полагают, что в отношении формирования установки на возвращение в строй особенно важным является личное участие командира, его положительная оценка солдата, происходящего с ним и перспектив, заверения о том, что боевые товарищи нуждаются в его опыте и дружбе.

---

[1] См.: Field Manual FM 4—02.51 (FM 8—51) Combat and operational stress control. Washington, 2006.

[2] См.: Field Manual FM 4—02.51 (FM 8—51) Combat and operational stress control.

Команда по контролю над боевым и операциональным стрессом взаимодействует с командирами подразделений через медицинский персонал и капелланов, дает советы по быстрой реинтеграции солдата, возвращающегося в подразделение.

Принцип *приближенности* предусматривает, чтобы солдаты, требующие наблюдения или помощи вне уровня подразделения, эвакуировались в учреждения, находящиеся в непосредственной близости, но отдельно от медицинских или хирургических пациентов, в батальонные станции помощи или медицинскую роту, ближайшую к подразделению солдата. Военнослужащие, пострадавшие от боевого стресса, не должны наблюдать раненых и погибших сослуживцев. По мнению американских специалистов, лучше посылать таких солдат в учреждения негоспитального типа.

Считается, что в современной высокоманевренной войне помощь военнослужащим в большинстве случаев боевого стресса должна оказываться не в медицинских подразделениях, а в батальонных или полковых штабах или тыловых подразделениях, где на них возлагаются более легкие обязанности. При этом ключевыми факторами восстановления считаются близость военнослужащего к своему подразделению и возможность участия командиров подразделений и сослуживцев, которые являются неотъемлемой частью восстановительного процесса.

Естественно, нецелесообразно располагать пострадавших под прямым огнем стрелкового оружия или артиллерийским огнем. Однако американские специалисты исходят из того, что учреждения медико-психологической помощи, в идеале, должны находиться в пределах слышимости артиллерии и других напоминаний о бое. При этом, если существует опасность внезапных атак, места дислокации этих учреждений должны быть в достаточной мере закрытыми и защищенными[1].

Посещение пострадавшего сослуживцами позволяет сохранить его обязательства перед подразделением. Дело в том, что пострадавший переживает мотивационный кризис. С одной стороны, он находится во власти мощного желания обеспечить свою безопасность и покинуть опасную обстановку. С другой стороны, он не желает подвести своих товарищей и хочет возвратиться в подразделение. Если связь с подразделением ослабляется, доминирующим становится желание покинуть боевую обстановку. Ему кажется, что он подвел своих боевых товарищей, и они уже отказались от него как достойного члена коллектива. В связи с этим, если помощь военнослужащему оказывается вне досягаемости сослуживцев, у него остается меньше шансов для благополучного выздоровления и возвращения в строй, и создаются условия для развития хронических психиатрических расстройств[2] и формирования психиатрического статуса «пациента на всю жизнь».

Принцип *простоты* связан с тем, что, по мнению американских специалистов, на этапе работы с боевым стрессом целью работы с пострадавшим является не восстановление их психического здоровья, а восстановление их навыков совладания со стрессовой ситуацией, позволяющих им вернуться

---

[1] Field Manual FM 4—02.51 (FM 8—51). Combat and operational stress control.

[2] Field Manual FM 6—22.5. Combat stress. Washington, 2000.

к выполнению служебных обязанностей. Это требует простых и компактных по времени методов помощи, нацеленных на восстановление физического здоровья и уверенности в себе.

Совокупность методов, используемых для оказания помощи, обозначается мнемической формулой «5 *R's*» (***R**eassure*, ***R**est*, ***R**eplenish*, ***R**estore*, ***R**eturn*), обозначающей совокупность таких действий, как: заверение в нормальности происходящего с военнослужащим; отдых (отсрочка от боя или перерыв в боевой деятельности); восполнение физических потребностей (таких как тепловой комфорт, вода, пища, гигиена, сон); восстановление уверенности в целях деятельности и контактов с его подразделением; возвращение в строй и воссоединение солдата с его подразделением[1].

Сон, пища, вода, гигиена, поддержка, несложная работа, беседы, способствующие восстановлению уверенности в себе, — часто это все, что нужно для восстановления готовности солдата к бою. Это может быть сделано в резервных и тыловых подразделениях или медицинских ротах. Каждое усилие направляется на усиление идентичности воина как члена подразделения. Для этого необходимо сохранить ношение солдатом униформы, наличие у него шлема, снаряжения, защитного химического комплекта, бронежилета, периодически привлекать его к чистке его оружия, несению службы по охране[2].

Использование принципов BICEPS при оказании помощи пострадавшим с явлениями боевых стрессовых расстройств (БСР) позволяло возвращать в строй до 85% личного состава. Из них примерно у 7% могли проявляться повторные реакции.

В армии Израиля во время войны в Ливане (1982) использовались лишь три принципа из шести (близость, немедленность, предвкушение). Эффективность психологической помощи военнослужащим с учетом данных принципов была, по данным израильских военных психологов, в три раза выше, чем без их учета (60% и 22% соответственно), а частота развития посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) у военнослужащих, получавших помощь с учетом этих принципов, оказалась в 1,8 раза ниже, чем у остальных (71% и 40% соответственно). Об эффективности использования «бицепс-принципов» свидетельствуют и такие данные: распространенность ПТСР у ветеранов Вьетнамской войны спустя 15 лет сохранялась на уровне 15,2%, тогда как у ветеранов боевых действий в Персидском заливе спустя два года уровень ПТСР соответствовал 5%.

Вместе с тем в последние годы специалисты указывают на то, что статистика, касающаяся медико-психологической помощи, не в полной мере отражает реальное положение дел в этой области. Американские и британские авторы указывают на то, что значительное число военнослужащих с симптомами реакций боевого стресса не обращаются за помощью из-за страха получить ярлык «психа», что может пустить «под откос» всю их послевоенную профессиональную карьеру. В исследованиях ряда американских военных психологов (Х. Фридман, Ч. В. Хой и др.), проведенных

---

[1] Field Manual FM 4—02.51 (FM 8—51). Combat and operational stress control.

[2] Field Manual FM 6—22.5. Combat stress.

в 2004—2006 гг., показано, что влияние стигмы таково, что большинство военнослужащих, нуждающихся в психологической помощи, избегают ее. В частности отмечается, что лишь 38—45% армейских и морских ветеранов, участвовавших в боевых действиях в Афганистане и Ираке, обратились за психологической помощью, и только 23—40% из них получили такую помощь на момент проведения исследования. Причины избегания психологической помощи опрашиваемые объясняли следующими аргументами: «меня считали бы слабым» — 65%; «мои командиры относились бы ко мне по другому» — 63%; «мои сослуживцы были бы меньше уверены во мне» — 59%; «это нанесло бы вред моей карьере» — 50%[1]. Серьезные проблемы, связанные со стигмой, отмечены в тематическом капитальном двухтомном труде британских военных специалистов Д. Хакера Хьюза и М. Невилла[2].

Наряду с этим определенные сложности создает многообразие диагностических категорий, «гуляющих» по американским военно-психологическим источникам и употребляемых как синонимы («боевая усталость», «боевой стресс», «боевой и операциональный стресс», «реакции боевого стресса»). Напрашиваются также уточнения в содержании данных категорий, особенно касающиеся соотношения таких понятий, как адаптивные стрессовые реакции, неадекватные стрессовые реакции, нарушения дисциплины.

5.2. Разработка концепции посттравматического стрессового расстройства

Несмотря на относительно невысокие уровни боевых потерь в локальных военных событиях, их психологические последствия отличаются особой драматичностью, продолжительностью, разрушительностью для социальной жизни ветеранов.

В 1980 г. Американская психиатрическая ассоциация решила объединить повторяющиеся у ветеранов симптомы в целостную диагностическую категорию — посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР). Как отмечается в историко-аналитических исследованиях, в ответ на широко распространившуюся в США «социальную инфекцию» ПТСР Американская психиатрическая ассоциация в обновленной редакции Диагностического и статистического руководства по психическим расстройствам DSM—III (*The Diagnostic and Statistical Manual of the American Psychiatric Association*, 1987) зафиксировала, что ПТСР является условной категорией, используемой в практических целях для оказания комплексной психологической помощи лицам, страдающим данными симптомами. Со временем условный характер этой категории был позабыт и ПТСР стало рассматриваться как реальное расстройство — отсроченная по времени комплексная патологи-

---

[1] См.: *Campise R. L., Geller Sch. K., Campise M. E.* Combat Stress // Military psychology: Clinical and Operational Applications / ed. by C. H. Kennedy, T. A. Zillmer. N. Y. ; L., 2006; *Hoge Ch. W.* Once a warrior always warrior: Navigating the Transition from Combat to Home Including Combat Stress, PTSD, and mTBI. Guilford, Connecticut, 2010.

[2] *Neville M., Hughes H. J.* Battle Against Stigma. Barcelona, 2014.

ческая реакция на травматическое событие[1]. Отредактированные статьи о ПТСР включались во все последующие редакции американского диагностического и статистического руководства (DSM—IV, DSM—IV-R, DSM—V) и международного классификатора болезней (МКБ). Тема ПТСР сегодня является, пожалуй, самой популярной темой, касающейся психологических последствий войны. При этом абсолютное большинство научных исследований ПТСР выполнено на выборке ветеранов Вьетнамской войны.

В одном из наиболее известных исследований процесса адаптации американских ветеранов Вьетнамской войны, проведенном в 1983 г. по решению Конгресса, отмечалось, что примерно 30% ветеранов-мужчин и 26% ветеранов-женщин страдали ПТСР на протяжении послевоенной жизни.

В целом ряде исследований констатируется, что посттравматические стрессовые расстройства составляют от 10 до 50% всех медицинских последствий боевых событий. Ими страдают 29—45% ветеранов Второй мировой войны[2]. Спустя несколько лет после войны во Вьетнаме ПТСР обнаруживалось у 30% из 3,1 млн ветеранов боевых действий, т.е. около 1 млн из них страдало этим расстройством. Спустя 13 лет после войны у 15,2% ее ветеранов наблюдались выраженные ПТСР, а еще у 11,1% отмечались отдельные симптомы таких расстройств. Среди этих лиц в пять раз возрастал риск остаться безработными, около 70% из них хотя бы один раз развелись с супругами, у 35% отмечены родительские проблемы, у 47,3% — крайние формы изоляции от людей, у 40% — выраженная враждебность к окружающим, 36,8% представителей этой социальной группы совершают более шести актов насилия в год, 50% были арестованы и посажены в тюрьму (в том числе 34,2% — более одного раза)[3]. К началу 1990-х гг. около 100 000 ветеранов этой войны покончили жизнь самоубийством, 40 000 ведут замкнутый, почти аутичный, образ жизни[4].

По данным специалистов, среди советских военнослужащих — участников боевых действий в Афганистане — 18,6% испытывали на себе действие посттравматического стрессового расстройства[5], среди раненых и инвалидов войны процент лиц с ПТСР, по мнению Н. В. Тарабриной, превышает 42%[6].

В масштабном исследовании, проведенном Ч. В. Хоем с коллегами в 2004 г. на выборке американских солдат и морских пехотинцев, принимавших участие в боевых действиях в Ираке и Афганистане, установлено, что от 10 до 20% из 1709 военнослужащих страдали ПТСР спустя три-четыре месяца после возвращения из зоны боевых действий[7]. Согласно

---

[1] См.: Психологическая реабилитация участников боевых действий : учеб. пособие / под ред. А. Г. Караяни, М. С. Полянского. М., 2003.

[2] *Снедков Е. В.* Боевая психическая травма : автореф. дис. ... д-ра мед. наук.

[3] См.: *Якушин Н. В.* Психологическая помощь воинам-афганцам в реабилитационном центре Республики Беларусь // Психологический журнал. 1996. № 5.

[4] *Тарабрина Н. В.* Практикум по психологии посттравматического стресса. М., 2001. С. 21.

[5] *Пушкарев А. Л., Доморацикий В. А., Гордеева Е. Г.* Посттравматическое стрессовое расстройство. Минск, 2001. С. 7.

[6] *Тарабрина Н. В.* Практикум по психологии посттравматического стресса. М., 2001. С. 21.

[7] Combat duty in Iraq and Afghanistan, mental health problems, and barriers to care / C. W. Hoge [and others] // The New England Journal of Medicine. 2004. Vol. 351. P. 13—22.

результатам оценки психического здоровья военнослужащих, принимавших участие в боевых развертываниях войск, 38% солдат и 31% морских пехотинцев имеют различные психологические симптомы. Среди тех, кто участвовал в боевых развертываниях более одного раза, процент лиц с негативными психологическими симптомами возрастает до 40% у солдат и 35% — у морских пехотинцев. Изучение посттравматических стрессовых расстройств у военнослужащих-женщин показало, что ими страдают почти 40% от их общей численности в американских вооруженных силах[1].

Следует сказать, что при разработке пятой редакции DSM (2013) американские военные психологи выступали против использования категории «ПТСР» в определении психологических последствий участия в боевых действиях. При этом они отмечали как ее условность, так и высокий потенциал стигматизации (способности приклеивать пострадавшим ярлык «психа»). Многие американские ветераны войны, страдающие симптомами ПТСР, отказываются от получения не только медико-психологической, но и немалой финансовой (до 1,5 млн долл.) помощи, боясь, что внесение в их личное дело информации о получении такой помощи поставит крест на их последующей карьере. В результате американское военное руководство тратит миллионы долларов на программы, позволяющие преодолеть страх ветеранов перед стигмой «психа».

Американские военные специалисты настаивают на том, что психологические последствия участия войск в войне в Персидском заливе у отдельных ветеранов образуют «синдром войн в заливе» или «болезнь войны в заливе», объединяющий неоднозначные физические и психические симптомы. Этот синдром, по их мнению, может быть следствием вакцинации, вдыхания токсических веществ (например, дыма от горения нефтехранилищ и скважин) и психических травм. Однако решающими факторами для проявления констелляции симптомов, входящих в *Gulf War syndrome*, являются предыдущий травматический опыт и личностные особенности военнослужащих. Несмотря на неясность определения симптома, ветераны, у которых отмечаются соответствующие симптомы, получают финансовую и социальную помощь[2].

В России традиция изучения ПТСР у участников боевых действий насчитывает чуть более 20 лет. В 1991 г. в Москве создано «Психологическое общество травматического стресса». В начале 90-х гг. XX в. была создана Лаборатория посттравматического стресса и психотерапии при Институте психологии Российской академии наук под руководством Н. В. Тарабриной и лаборатория при академии управления Министерства внутренних дел России во главе с О. И. Котеневым. В это время разрабатывались кандидатские диссертации Р. А. Абдурахмановым (1994), В. Е. Поповым (1992), Котеневым О. И. (1994), в которых симптомы ПТСР у российских участников боевых действий стали предметом научного

---

[1] *Munsey Ch.* New efforts are under way to attract and train psychologists who treat service members and their families // Military Psychologist [сайт]. URL: http://www.allpsychologycareers.com/career/military-psychologist.html (дата обращения: 16.01.2016).

[2] См.: The Oxford Handbook of Military psychology / ed. by J. H. Laurence, M. D. Matthews. N. Y., 2012.

исследования. Так, Котеневым разработано отечественное диагностическое средство для оценки ПТСР — Опросник травматического стресса.

Историко-психологический анализ последствий участия российских военнослужащих в боевых действиях в Афганистане и Чечне в форме «Афганского синдрома» и «Чеченского синдрома» осуществлен Е. С. Сенявской[1].

Среди отечественных психологов заметна тенденция не абсолютизировать ПТСР, рассматривать его как важное, требующее серьезного внимания, но не основное психологическое следствие участия в боевых действиях и в связи с этим сосредотачивать свое внимание на ценностно-смысловых и социально-психологических проблемах ветеранов[2] и инвалидов боевых действий[3].

5.3. Совершенствование теории и практики психологических операций

В 1950 г. Пентагон разработал «План национальной психологической войны», который был одобрен президентом США. В нем психологическая война против России признавалась в качестве элемента государственной политики США. Уже в следующем году Г. Трумэн подписал закон «О взаимном обеспечении безопасности», предусматривающий финансирование «любых отобранных лиц, проживающих в Советском Союзе, Польше, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии», подпольных организаций, ведение подрывной пропаганды, террора и т.п. Этот закон создал правовую почву для развязывания полномасштабной информационно-психологической войны против нашего государства и его тогдашних союзников. В этом же году Министерство армии создало Управление психологической войны. Одновременно в школе военной подготовки сухопутных войск в Форт-Райли (штат Канзас) началась подготовка специалистов по военной пропаганде. Годом позже она была переведена в Форт-Брэгг, где в то время был Центр психологической войны, и преобразована в школу подготовки специалистов психологической войны. Центр возглавил Совет по психологической войне, ведающий разработкой и апробацией новых средств психологических провокаций. В настоящее время они преобразованы в Центр и школу специальных методов войны сухопутных войск им. Дж. Ф. Кеннеди.

«Боевое крещение» Центр получил во время войны в Корее и в психологической подготовке событий 1956 г. в Венгрии.

Война в Корее (1950—1953) подтвердила простую истину о том, что «информационно-психологический порох» тоже нужно держать постоянно

[1] *Сенявская Е. С.* Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999.

[2] *Абдурахманов Р. А.* Психологические трудности общения и их коррекция у ветеранов боевых действий в Афганистане : дис. ... канд. психол. наук. М., 1994.

[3] *Караяни А. Г., Волобуева Ю. М., Дубяга В. Ф.* Социально-психологическая интеграция в российское общество инвалидов боевых действий : монография. М., 2007; *Караяни А. Г., Караяни Ю. М.* Психологические последствия войны и социально-психологическая реадаптация участников боевых действий // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2014. Т. 7. № 3. С. 15—23.

«сухим». После Второй мировой войны весь аппарат психологических войн был распущен, и США оказались неготовыми к ведению психологических акций в первый месяц боев на корейской земле. Боевые события в Корее стали переломным пунктом, после которого система информационно-психологического противоборства стала развиваться на постоянной основе. В процессе локальных войн и военных конфликтов второй половины XX — начала XXI в. во многих странах неуклонно росла численность сил, совершенствовались средства, методы, схемы информационно-психологического воздействия на противника.

О масштабах информационно-психологического противоборства в годы войны в Корее можно судить по следующим данным: еженедельно американскими силами психологической войны в зоне боевых действий готовилось и распространялось на вражеские войска и население порядка 23,5 млн листовок. Только за первые три дня боевых действий американская сторона распространила 100 млн экземпляров листовок. Радиопропаганда велась как мобильными военными радиостанциями, так и через гражданские передатчики. Для этой цели использовалось 19 радиостанций, работающих на средних и коротких волнах в городах Сеул, Тэгу, Пусан, Токио. Программы радиовещания занимали более двух часов в день. Структурно радиопропаганда состояла из передач последних известий и обзоров военного положения, подготовленных отделом психологической борьбы[1]. В информационно-пропагандистских целях широко применялись звуковещательные установки. Большая часть вещания проводилась из окопов бункерного типа с использованием станций с дальностью вещания 1830 м. Вместе с тем применялись громкоговорящие установки, смонтированные на различных боевых машинах, в том числе на танках.

Значительное количество листовок и радиопередач было посвящено добровольной сдаче в плен. Перебежчикам обещалось солидное денежное вознаграждение и американское гражданство. Проводилась большая работа и по идеологической переориентации военнопленных.

Широкомасштабные и эффективные акции информационно-психологического противоборства в годы войны в Корее осуществлялись специалистами Китая. Учитывая психологические особенности американцев и южнокорейских военнослужащих, они распространяли среди них приуроченные к различным праздничным датам (Рождество, Новый год, корейский национальный праздник Осени и т.д.) подарочные наборы с комплектом листовок, чистой бумагой, письмами от военнопленных и местного населения, эмалевыми значками с эмблемой голубя мира, сигаретами, продуктами питания, записными книжками. В изданной в изящном переплете записной книжке содержался справочный материал, календарь событий в Корее (когда и где били американцев), высказывания Линкольна, Джефферсона, Рузвельта и различные изречения («Война хороша для тех, кто ее не испытал», «Живи и давай жить другим»), крылатые фразы из Шекспира

---

[1] См.: *Токов Е., Касюк А.* Психологические операции вооруженных сил США в войнах и конфликтах XX века // Школа эффективных дидеров [сайт]. URL: http://gilbo.ru/index.php?page=psy&art=3208 (дата обращения: 16.01.2016).

(«Сухой хлеб дома лучше, чем ростбиф за границей», «Сознание вины никогда не даст покоя», «Восток или Запад, а дома лучше») и др.

Среди войск противника широко распространялись иллюстрированные пропуска для сдачи в плен на английском, корейском и китайском языках. Пропуска содержали четыре гарантии: 1) сохранения жизни; 2) сохранения личного имущества военнопленных; 3) хорошего обращения; 4) оказания медицинской помощи, а также серию документальных фотографий, посвященных жизни в плену.

О результативности китайских листовок говорят следующие данные: из числа американских и английских солдат, взятых в плен в 1951 г., листовки читали до 40%, а некоторые держали их в руках как пропуск в плен. Всего на январь 1953 г. из армии США под влиянием китайской пропаганды дезертировало около 46 тыс. солдат[1].

Особенно китайские специалисты психологической войны преуспели в психологическом воздействии на американских солдат, попавших в плен и содержавшихся в созданных китайским командованием лагерях для военнопленных.

Китайцы стремились обработать американских солдат идеологически, изменить их мировоззренческие позиции, политическую ориентацию, самовосприятие и самооценку. Исследование, проведенное рядом западных психологов (Д. Бем, Г. Сигал, Э. Шайн, Р. Чалдини), показывает, что в отличие от северных корейцев, осуществлявших суровое обращение и жесткие наказания, китайцы придерживались психологической тактики «терпения» и «постепенного втягивания» военнопленных в антивоенную и антиамериканскую кампанию, к активному сотрудничеству с противником. Пленных часто просили делать антиамериканские и прокоммунистические заявления сначала в такой мягкой форме, что эти заявления казались не имеющими значения («Соединенные Штаты несовершенны», «В социалистических странах нет безработицы» и др.). Подчиняясь этим требованиям, американцы подталкивали себя к выполнению более существенных требований.

Вот как описывает К. Макнаб, специалист по военной истории, технологию такого переформирования, применявшуюся северокорейскими и китайскими военными против пленных американских военнослужащих во время войны в Корее: «Заключенного приводят в опрятное, но лишенное удобств помещение (например, во время допроса его сажают на жесткую неудобную табуретку, лицом к яркому свету), где его встречает доброжелательный и умный следователь, который начинает долгий разговор о причинах, вынудивших солдата ввязаться в эту войну. Причем вину за его участие в данном конфликте следователь возлагает на правительство той страны, которой служил военнопленный. Пропаганда подкрепляется демонстрацией литературы, в которой правительство и развязанная им война подвергаются авторитетной и резкой критике (следователи отнюдь не навязывали американцам марксистские идеи, что было бы слишком грубо; напротив, они ссылались на критические статьи в американской прессе...).

[1] *Волковский Н. Л.* История информационных войн : в 2 ч. СПб., 2003. Ч. 1. С. 461.

Далее в ход шли сведения о повышении налогов в родной стане пленного, что еще более роняло в его глазах авторитет американского правительства. В течение многочасовых доверительных бесед следователь делал все возможное, чтобы подорвать веру солдата в праведность кампании, и пытался склонить его на свою сторону»[1].

Другой автор, Р. Чалдини, по этому поводу пишет: «Человека, который только что согласился с тем, что Соединенные Штаты несовершенны, можно попросить составить список "проблем американского общества" и подписаться под ним. Затем его можно попросить познакомить с этим списком других пленных. Позднее этому человеку можно предложить написать очерк на данную тему. Китайцы затем могли использовать имя и очерк такого солдата в антиамериканских радиопрограммах, которые транслировали не только на весь данный лагерь, но и на другие лагеря военнопленных в Северной Корее, а также на захваченные южнокорейские территории. Внезапно ни в чем неповинный солдат оказывался "коллаборационистом", оказывающим помощь врагу. Зная, что он написал злополучный очерк без особого принуждения, человек менял представление о самом себе, чтобы соответствовать ярлыку коллаборационист", что часто выливалось в сотрудничество с врагом»[2]. По оценкам американских специалистов, практически все американские военнопленные, попавшие в китайские лагеря, рано или поздно в той или иной форме вступали в сотрудничество с администрацией лагерей. Так, только с января по октябрь 1951 г. по радио выступило 80 военнопленных, в том числе 55 американских военнослужащих[3].

Оценивая этот способ психологического воздействия, Э. Шайн отмечает, что «большинство солдат сотрудничало с противником в то или другое время, совершая поступки, которые казались самим солдатам тривиальными, но которые китайцы ловко обращали к своей выгоде. Китайцам это особенно хорошо удавалось, когда в ходе допроса они добивались разного рода признаний»[4].

Поощряя мотивы предательства, администрация лагерей давала мешок риса каждому американцу, выдававшему своих соплеменников. В результате этого им удалось заставить американцев доносить друг на друга и свести на нет все попытки военнопленных к побегу. По оценкам руководителя нейропсихиатрической экспертизы доктора Г. Сигала, связанные с войной убеждения американских солдат, побывавших в китайском плену, претерпели существенные изменения. Большинство из них стали верить, что именно США развязали войну в Корее и применяли там биологическое оружие. В целом неприязненно относясь к китайцам, они одновременно хвалили их за «прекрасную работу, которую они проделали в Китае»[5].

Эффективную психологическую работу с военнопленными американцами проводили и северокорейские специалисты психологической войны.

---

[1] *Макнаб К.* Психологическая подготовка подразделений специального назначения. М., 2002. С. 316–317.

[2] *Чалдини Р.* Психология влияния. СПб., 1999. С. 77.

[3] *Волковский Н. Л.* История информационных войн. Ч. 1. С. 462.

[4] Там же.

[5] Там же.

По некоторым данным, американское руководство было серьезно озабочено тем, что многие из семи тысяч вернувшихся из корейского плена американцев поддались идеологическому воздействию противника. Например, утверждалось, что каждый третий американский военнопленный в Корее повинен в сотрудничестве с врагом, а 23 человека отказались возвращаться на родину.

С учетом опыта корейской войны в 1955 г. в США было разработано новое наставление FM33—5 «Психологические операции» и *осуществлен переход с теории и практики ведения психологической войны на теоретико-практическую парадигму психологических операций*. Основной целью психологических операций определяется «влиять на взгляды, настроения, ориентацию и поведение войск и населения противника, население нейтральных и дружественных стран с тем, чтобы содействовать осуществлению государственных целей и задач». Определяются задачи психологических операций по поддержке боевых действий войск, к числу главных из которых отнесены следующие: «Склонить солдат противника к симуляции, дезертирству, сдаче в плен, посеять рознь между отдельными группами войск и населения противника и натравить их друг на друга, разжечь у солдат недоверие к командирам и правительству, возбудить у них сомнение в правоте войны, подорвать веру в конечную победу, поддерживать деятельность подрывных и диверсионных групп на территории противника»[1].

Своеобразным полигоном информационно-психологического оружия стала война во Вьетнаме (1965—1975). Главными ориентирами информационно-психологического противоборства стали угроза полного уничтожения и замена существующих духовных ценностей противника.

В ходе войны была сформирована четвертая группа психологических операций в Сайгоне, состоящая из четырех батальонов, заменивших роты в тактических звеньях. В задачу батальонов входила разработка, производство и распространение пропагандистских материалов. Каждый батальон имел свою типографию, машины с громкоговорящей и записывающей аппаратурой, машины с видео-звуковой техникой и кинопроекторами, а также другие средства, предназначенные для проведения психологических операций. Оперативное управление этими подразделениями осуществляли командиры соответствующих воинских формирований.

В период войны во Вьетнаме крупным стратегическим пропагандистским средством стало *телевидение*. Американцы создали телестудию (работавшую шесть часов в сутки), имели четыре ретранслятора и распространили среди местных жителей 3,5 тыс. телевизоров. В 1971 г. более 80% местного населения могло смотреть телепередачи[2].

Были также развернуты *радиопередатчики* для вещания на вьетнамскую армию и гражданское население, которое обеспечили *радиоприемниками*. Во Вьетнаме была апробирована схема радиовоздействия, когда сигнал, полученный на самолете с наземной радиостанции, передавался через громкоговорящие устройства на конкретную аудиторию.

---

[1] *Феденко Н. Ф.* Буржуазная военная психология на службе психологической войны империализма. М., 1981. С. 20.

[2] *Волковский Н. Л.* История информационных войн. Ч. 1. С. 465.

Однако главным средством информационно-психологического воздействия на противника оставались *листовки*. Для их распространения привлекались 5-я и 9-я авиаэскадрильи специальных операций. По десять низкоскоростных самолетов из состава этих эскадрилий базировались в четырех тактических зонах. Самолеты были оснащены громкоговорящей системой и парашютами для сбрасывания листовок. Для разбрасывания листовок на больших территориях порой использовались и самолеты типа В-52, С-141 и С-130.

В 1963 г. началось осуществление массированной информационно-психологической кампании «Хой Чан», состоящей в пропаганде реабилитации, прощения, материального поощрения и защиты вьетнамцев, переходящих на сторону марионеточного правительства, поддерживаемого США. Об эффективности американской пропаганды говорит то, что за период боевых действий около 250 тыс. вьетнамцев добровольно перешли на сторону противника[1]. При этом, если расходы американской армии на то, чтобы убить одного бойца вьетнамского сопротивления составили примерно 400 000 долл., то убеждение сдаться в плен в среднем обошлось примерно в 125 долл.

В ходе информационно-психологического воздействия на население Вьетнама широко использовалась «сувенирная пропаганда»: организовывалась раздача сигарет, жевательной резинки, зубной пасты, игрушек, пакетов с рисом и леденцами, снабженных американской символикой и пропагандистскими лозунгами. За первые 14 месяцев войны среди вьетнамцев было распространено восемь млн таблеток витаминов, 29 тыс. зубных щеток, расчесок и карандашей на сумму около 4 млн долл.

С целью психологического воздействия на противника американцы широко применяли средства поражения, вызывающие особо тяжелые телесные повреждения, сильные болевые ощущения и психологический шок (напалм, шариковые бомбы, стреловидные убойные элементы и др.).

Организуя психологические операции во Вьетнаме, американцы решили отказаться от эксплуатации абстрактных идеологических мотивов и рациональной аргументации своей позиции. Все выдвигаемые аргументы лежали в эмоциональной плоскости, на уровне элементарных потребностей по классификации А. Маслоу, с учетом этнической специфики аудитории. Считалось, что в кризисные периоды включаются более примитивные инстинкты людей, поэтому психологические операции должны опираться на самые элементарные чувства. Во всех пропагандистских материалах эксплуатировались темы, связанные со страхом смерти, трудностями жизни, потерей веры в победу, необходимостью заботы о семье[2]. При этом избегались темы и символы, изображающие целевую аудиторию в униженном и упадочном состоянии.

По результатам проведения психологических операций во Вьетнаме американскими специалистами были сформулированы следующие критерии эффективности сообщений:

---

[1] *Волковский Н. Л.* История информационных войн. Ч. 1. С. 465.

[2] *Почепцов Г. Г.* Психологические войны. М., 2000. С. 173, 231.

— средства передачи сообщения в рамках психологической операции должны существовать в пределах досягаемости целевой аудитории;

— сообщение должно попасть в поле внимания целевой аудитории, сознательно или несознательно, прямо или косвенно;

— слова и фразы — язык сообщения — должны пониматься целевой аудиторией;

— тема или содержание сообщения должны оцениваться членами целевой аудитории как доступные;

— содержание должно пользоваться доверием у целевой аудитории;

— убеждающая сила сообщения в контексте ситуации, в которой оно получено целевой аудиторией, не должно вступать в противоречие с опасностями и потенциальными последствиями принятия действий, которые рекомендуются в сообщении[1].

Оценивая возможности информационно-психологического оружия, один из теоретиков психологической войны американский профессор М. Чукас отмечал: «Идеи часто сравнивают с оружием: пулями, снарядами. Но моральные идеи сильнее. Снаряд — средство одноразового пользования, а идея — многоразового, и может быть так опасна, что не всегда возможно предвидеть все последствия ее воздействия»[2].

Определенный опыт психологического воздействия на войска и население противника был апробирован израильской армией во время войны в Ливане (1982). Так, отмечалось, что израильтяне заранее оповещали жителей южно-ливанских населенных пунктов о предстоящих бомбардировках. Целью такого информирования было не желание уменьшить потери среди мирных жителей, а стремление вызвать их массовое перемещение вглубь страны, блокировку инфраструктуры региона, инициирование массового недовольства, паники, страха, нарушение руководства населением и т.п. Специалисты отмечают, что эти цели были успешно достигнуты.

В 1982 г. в США принята новая глобальная информационно-пропагандистская программа — «проект Демократия». В стратегическом плане эта программа ориентировалась на достижение двух целей: во-первых, всячески «опровергать советскую пропаганду и показывать миру ту опасность, которая исходит из Москвы», во-вторых, «изображать США и их политику как оплот мира и свободы, защитника от мирового империализма»[3]. Главным средством дискредитации идеологических и моральных ценностей, дезориентации населения, дезорганизации общества, военнослужащих Советского союза была избрана идея «демократии». Методом достижения этой идеи стало распространение сфабрикованных западными идеологами и внедренных в общественное сознание ряда стран мифов о «свободном мире», «общечеловеческих ценностях», «преимуществах американского образа жизни», «обществе равных возможностей», «свободе личности» и других среди населения стран — идеологических противников США. Эфемерные идеи стали своеобразным «троянским конем», которого

---

[1] Материал приведен по изданию: *Почепцов Г. Г.* Психологические войны. С. 72.

[2] *Волкогонов Д.* А. Психологическая война. М. : Воениздат, 1983. С. 25.

[3] Там же. С. 116—117.

с радостным гиканием втащили в духовное пространство СССР и других социалистических государств.

Об эффективности описанной выше глобальной и пролонгированной во времени психологической операции свидетельствуют следующие факты: через несколько лет перестал существовать противостоящий США и НАТО Варшавский Договор, распался на мелкопоместья Советский Союз, мир на долгие годы перешел к однополюсной системе мироустройства.

В конце 1980-х — начале 1990-х гг. широкомасштабное применение США и странами НАТО информационно-психологических технологий было вызвано необходимостью обеспечения решения боевых и миротворческих задач на Гренаде («Вспышка ярости», 1983 г.), в Панаме («Справедливое дело», 1989), в Иракском Курдистане (1991), в Сомали (1992—1993), в Персидском заливе («Буря в пустыне», 1991), военного вторжения на Гаити (1994), в Боснии и Герцеговине («Совместное усилие», 1993), агрессии НАТО в Югославии (1999).

Главной целью психологического воздействия на иракскую армию американские специалисты считали побуждение иракцев к сдаче в плен. Еще до начала боевых действий с территории Кувейта и Саудовской Аравии с помощью воздушных шаров на территорию Ирака забрасывались тысячи листовок-приглашений. Во время войны на иракские войска и население региона американцами было сброшено более 30 млн листовок (по 2 листовки на каждого жителя Ирака и по 40—45 штук или почти по полкилограмма листовок на каждого иракского солдата).

Проконсультировавшись с арабскими психологами, американскими специалистами по психологическим операциям были разработаны «листовки-приглашения», учитывавшие психологические эффекты «арабского братства». На лицевой части листовок был помещен рисунок Саддама Хусейна, скачущего на босоногом иракском солдате, или плачущие иракские матери, ждущие своих сыновей с войны. На оборотной стороне листовки был размещен текст, ориентирующий солдат иракской армии на последовательное выполнение простых действий: «Вытащите магазин из вашего оружия. Повесьте оружие на левое плечо, дулом вниз. Поднимите руки над головой. Подходите к позициям многонациональных сил медленно, первый солдат должен поднять этот документ над головой. Если ты сделаешь это, ты не умрешь»[1].

Об эффективности предпринятых акций могут свидетельствовать следующие данные. По некоторым (как нам кажется, чрезмерно эйфоричным, с заметным пропагандистским «душком») оценкам, 98% иракских солдат, сдавшихся в плен, читали американские листовки, 88% из них поверили в их содержание, 70% (примерно 60—80 тыс. солдат) по этой причине сдались в плен.

С этой же целью на личный состав иракской армии только в прифронтовой зоне круглосуточно вели передачи шесть широковещательных станций. В целях увеличения потенциальной аудитории среди военнослу-

---

[1] *Поцепцов Г. Г.* Психологические войны. С. 76—77.

жащих и населения региона с помощью кочевников и авиации было распространено 150 тыс. малогабаритных приемников с фиксированной частотой. Одновременно с радио- и телевещанием в интересах психологический операции, как правило, применялись средства радио-электронной борьбы, подавляющие теле- и радиостанции противника. К примеру, государственная радиостанция Ирака «Голос Багдада» была парализована по существу на протяжении всего периода военного противостояния в регионе[1].

По оценкам специалистов, всего 16 млн долл., истраченных на психологическую операцию, хватило, чтобы около 80 тыс. иракцев было захвачено в плен и еще 160 тыс. убеждено в необходимости дезертировать. При затратах 0,03% от общей суммы в 60 млрд долл. более 44% армии Ирака было выведено из строя[2].

Анализ результатов информационно-психологического обеспечения миротворческой операции американских войск в Боснии и Герцеговине свидетельствуют о возрастающей роли *компьютерных средств* и в первую очередь глобальной компьютерной информационной сети Интернет в качестве средства влияния на людей. Так, в период подготовки выборов на названной территории специалисты по психологическим операциям США через каналы этой системы давали информацию, нацеленную на формирование позитивного образа США и НАТО в урегулировании боснийской проблемы. Отмечаются факты передачи через Интернет листовок, плакатов и даже газеты «Тэлон» (официального органа американского военного контингента)[3].

В ходе подготовки и осуществления агрессии стран — участниц НАТО против Югославии (1999) общественное мнение планеты было подвергнуто тотальному информационно-психологическому давлению. В психологической операции приняли участие руководители всех стран-агрессоров, агенты влияния во многих странах мира, прежде всего, в Сербии и России, проамериканские политические, финансово-экономические и общественные организации мира. Югославский лидер С. Милошевич представлялся миру как параноик, человеконенавистник, а сербский народ, борющийся за территориальную целостность и независимость своей страны, как агрессор.

Всему миру демонстрировались многократно купированные и отредактированные кадры лагерей косовских беженцев, якобы найденные захоронения косоваров, погибших от рук сербских солдат. То, что многие факты натовской информации позже не получали подтверждения, не играло никакой роли, необходимый психологический эффект производился по механизму первого впечатления.

В ходе боевых действий против войск НАТО югославы, по свидетельству прессы, применяли хакеров, взламывающих компьютерные системы управления противника.

---

[1] См.: *Караяни А. Г.* Психологические операции в современной войне: сущность, содержание, пути противодействия. Самара, 1997.

[2] *Поцепцов Г. Г.* Психологические войны. С. 436.

[3] См.: *Михайлов Б. И.* Яркая интеллектуальная победа: информационно-психологическое обеспечение контингента войск США в Боснии и Герцеговине // Независимое военное обозрение. 1997. № 5.

В специальной литературе очень слабо описывается психологическая операция США против войск и населения Ирака (2003—2010), имевшая место в ходе его происходившей оккупации. Вместе с тем ее начальный этап можно считать одной из самых эффективных психологических акций, осуществленных когда-либо спецслужбами США. Мировое общественное мнение было убеждено в разработке Ираком оружия массового уничтожения. Методом подкупа, устрашения, игры на этнических, религиозных, сословных противоречиях, американским специалистам по психологическим операциям удалось психологически парализовать высший командный состав и обезглавить иракскую армию.

Перманентное осуществление процесса «цветных» и «цветочных революций» (2011—2015) в Тунисе, Ливии, Сирии, Украине показало, что теория и практика психологических операций эволюционировала в концепцию «операций по информационной поддержке войск». Суть этой концепции состоит в том, что роль специалистов психологических операций сводится преимущественно к инициации общественного недовольства, неповиновения, сопротивления руководству и бунта в рядах противника, а также в последующей поддержке градуса противоборства между различными силами в лагере противника (подробнее см. гл. 18).

Таким образом, в ходе локальных военных конфликтов конца XX — начала XXI в. теоретические и прикладные положения военной психологии нашли всестороннее подтверждение и дальнейшее развитие. Окончательно сформировались четыре главных направления в развитии военной психологии и приложении ее рекомендаций и выводов к практике действий войск: психологический отбор, психологическая подготовка военнослужащих, психологическая помощь участникам и ветеранам боевых действий, информационно-психологическое противоборство с противником. Для их реализации во многих армиях мира в этот период были созданы необходимые силы, разработаны принципы, методы и средства, организована подготовка специалистов. Военная психология утвердилась не только как наука и практика, но и как профессия.

Рекомендуемая литература

Военная педагогика и психология / А. В. Барабанщиков, В. П. Давыдов, Э. П. Утлик, Н. Ф. Феденко. — М. : Воениздат, 1986.

Волковский, Н. Л. История информационных войн : в 2 ч. Ч. 1. / Н. Л. Волковский. — СПб. : Полигон, 2003.

Караяни, А. Г. Социально-психологическая интеграция в российское общество инвалидов боевых действий : монография / А. Г. Караяни, Ю. М. Волобуева, В. Ф. Дубяга. — М., 2007.

Основы военного профессионального психологического отбора. — М. : Воениздат, 2005.

Почепцов, Г. Г. Психологические войны / Г. Г. Почепцов. — М. : Релф-бук, 2000.

Психологическая реабилитация участников боевых действий : учеб. пособие / под ред. А. Г. Караяни, М. С. Полянского. — М., 2003.

Пушкарев, А. Л. Посттравматическое стрессовое расстройство / А. Л. Пушкарев, В. А. Доморацкий, Е. Г. Гордеева. — Минск, 2001.

Тарабрина, Н. В. Практикум по психологии посттравматического стресса / Н. В. Тарабрина. — М., 2001. — С. 50—52.
Эффективная терапия посттравматического стрессового расстройства / под ред. Э. Б. Фоа, Т. М. Кина, М. Дж. Фридмана. — М. : Когито-Центр, 2006.

Практикум

Контрольные и аналитические вопросы

1. Какое событие олицетворяет рождение системы военного профессионального психологического отбора в нашей стране?
2. Какие аппаратурные комплексы были созданы в нашей армии для осуществления профессионального психологического отбора?
3. Что означает акроним «BICEPS»?
4. В каком военном событии телевидение стало использоваться как информационное оружие?
5. В каком военном конфликте в арсенал средств информационно-психологического противоборства вошли компьютерные технологии?
6. В чем отличие между отечественной системой профессионального психологического отбора военнослужащих и системой рекрутинга в армии США?
7. Почему диагностическая категория «ПТСР» считается неоднозначной?
8. Каковы условия эффективности информационно-психологического воздействия на противника?

Практические задания

1. Проанализируйте статистику психологических последствий участия военнослужащих в войнах XX—XXI вв.

Сформулируйте выводы относительно связи:

а) *между интенсивностью боевых действий и уровнем психогенных потерь*;

б) *между интенсивностью боевых действий и уровнем посттравматического стрессового расстройства у ветеранов боевых действий*.

2. В психологии известен «метод последовательного приближения» как эффективный прием «приведения» партнера (оппонента) к нужному решению.

Проанализируйте траекторию работы китайских спецслужб с американскими военнопленными, описанную Р. Чалдини. Какие этапы в этой работе по «промыванию» мозгов военнопленным можно выделить? Как и за счет чего изменяются взгляды и ценности людей, подвергшихся этой психотехнологии?

3. В исследованиях американских, британских и канадских военных психологов отмечено такое явление, как «стигма», сопровождающееся нежеланием военнослужащих, страдающих симптомами ПТСР, получать психологическую помощь.

Попробуйте объяснить этот феномен с позиций:

а) *самооценки*;

б) *взаимоотношений с ближним окружением*;

в) *карьерных соображений и др*.

Раздел II
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОВРЕМЕННОЙ ВОЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

Глава 6
ПРЕДМЕТ И ЗАДАЧИ ВОЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ. МЕСТО ВОЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ В СИСТЕМЕ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

В результате освоения материалов данной главы студент должен:

знать

• предмет и задачи военной психологии;

• методологические принципы военной психологии;

• методы военно-психологических исследований и практики;

уметь

• анализировать военно-психологическое знание с использованием методологического аппарата современной военной психологии;

• обосновывать место военной психологии в системе современного научного знания;

владеть

• навыками оперирования основными понятиями военной психологии;

• методами поиска информации, необходимой для анализа военно-психологических проблем.

Как было показано в предыдущих главах, военно-психологическое знание развивалось на протяжении многих веков от случайных инсайтов и эмпирических находок военачальников древности до систематизированных взглядов, идей, приемов, составлявших военно-психологическое искусство великих полководцев, и, наконец, до уровня военно-психологической науки. Для того чтобы называться наукой, соответствующая отрасль знания должна обладать рядом атрибутов:

— собственным предметом исследования;

— собственным задачным полем;

— собственным научно-категориальным аппаратом;

— методологическим основанием, методами научного исследования и практики;

— выявленными закономерностями, отражающими связи между исследуемыми явлениями.

Кроме этого, претендующая на звание науки научная область должна определить свое место в системе научного знания.

Таким образом, для того чтобы оценить, насколько развивавшееся на протяжении многих веков военно-психологическое знание соответствует статусу науки, необходимо проанализировать перечисленные выше атрибуты.

6.1. Предмет и задачи военной психологии

Объектом науки, как известно, выступает та часть объективной или субъективной реальности, на которую направлена исследовательская активность. Объект не специфицирует научную отрасль. Один и тот же объект может изучаться разными науками. Например, психика изучается клинической, социальной, педагогической, возрастной психологией, психологией личности, психофизиологией, психиатрией, медициной и другими научными отраслями.

Предметом науки выступает та часть объекта, которая составляет поле интереса конкретной науки (например, социальную обусловленность психики исследует социальная психология, развитие истории психологического знания — история психологии и т.д.).

В современной психологии утвердилось мнение, что ***объектом военной психологии*** является не отдельно взятый военнослужащий, а система «военнослужащий в социальной среде, в процессе боевой деятельности»[1]. Эта система выступает объектом военной науки, военной философии, военной социологии, военной педагогики и других наук.

Понимание предмета военной психологии требует более развернутого анализа. Предметное пространство военной психологии формировалось, с одной стороны, благодаря запросам боевой практики, а с другой стороны, как результат научно-теоретической деятельности военных ученых и боевых практиков. К настоящему времени более или менее четко обозначились векторы, определяющие контуры предметного пространства военной психологии (рис. 6.1).

Рис. 6.1. **Предметное поле военной психологии**

---

[1] См.: *Караяни А. Г., Сыромятников И. В.* Введение в профессию военного психолога. М., 1997.

Из рис. 6.1 видно, что конфигурация предмета и феноменология военной психологии задается четырьмя континуумами. Континуум 1—1[1] выделяет в предмете военно-психологической науки *индивидуально-психологические* и *коллективно-психологические феномены*. Военной психологии интересно знать об особенностях проявления в специфических условиях воинской деятельности психических познавательных процессов (ощущения, восприятие, внимание, память, представление, мышление, воображение, речь) и эмоционально-волевых процессов (эмоции, чувства, мотивы, воля) отдельных воинов. Не меньший интерес вызывают многообразные психические состояния военнослужащих, вызываемые боевой остановкой (предбоевая лихорадка и апатия, подъем и упадок, оптимальное боевой состояние, состояния фрустрации, депривации, монотонии, страдания, стресса, страха, паники, тревоги и др.). Военная психология активно изучает психические свойства военнослужащего, влияющие на боевую активность и изменяемые боевой обстановкой (темперамент, характер, направленность личности, волевые качества, способности, Я-концепцию и социальную идентичность личности, психологическую устойчивость, личностные акцентуации и другие личностные характеристики). Важной частью предмета военной психологии являются так называемые «психологические образования» (знания, навыки, умения, опыт, профессионализм). Наконец, военную психологию не могут не интересовать такие неосознаваемые регуляторы боевого поведения, как инстинкты (например, инстинкт самосохранения), механизмы психологической защиты и др.

Еще в начале XX в. Н. Н. Головин утверждал: «Действия бойцов слишком тесно между собою психически связаны и слишком властно друг друга обусловливают, чтобы можно было сделать в области индивидуальной военной психологии сколько-нибудь обобщающие выводы, не считаясь с законами коллективной военной психологии», «индивидуальная военная психология должна рассматриваться лишь как вспомогательный отдел военной психологии, которая в основной своей части не может быть иной, как психологией коллективной»[1].

В связи с этим наряду с индивидуально-психологическими и личностными особенностями личности воина военная психология целенаправленно исследует коллективно-психологические или групповые психологические явления, порождаемые боевой обстановкой или порождающие психологическую реальность боя. К числу наиболее важных социально-психологических явлений, определяющих боевую активность воинов, относятся общественное мнение, групповое настроение, традиции, психологическая совместимость и сплоченность воинов, психологический климат в коллективе, воинская дисциплина, лидерство и др.

Континуум 2—2[1] на рис. 6.1 очерчивает континуум психологических явлений от высших проявлений человеческих мотивов, чувств и поведения (патриотизм, чувство долга, вера, героизм, подвиг и т.д.) до самых низших проявлений человеческой натуры (трусость, предательство, симуляция, членовредительство, дезертирство, мародерство, немотивированная жестокость, насилие и т.д.).

---

[1] *Головин Н. Н.* Наука и война. Париж, 1928. С. 17.

Континуум 3—3[1] фиксируют психологические явления, относящиеся как к категории «норма» (боевой стресс, страх и др.), так и к кластеру «патология» (боевая психическая травма, психогенные потери, ПТСР, суицид, алкоголизм, наркомания и т.д.). В качестве базового основания для такого «ограничивания» можно избрать позицию Р. Дрейлинга о том, что «одним пределом исследования являются общепсихологические дисциплины и, в частности, применение их в условиях военного быта для наилучшей обработки бойца. Другим пределом являются патологическая психология и психиатрия»[1]. Однако в этом континууме выделяются промежуточные феномены, например, психологические эффекты депривации сна, переживания боли и т.д.

Наконец, континуум 4—4[1] охватывают психологические феномены, проявляющие как в мирное время (в процессе психологической подготовки, психологического обеспечения боевой учебы, боевого дежурства, караульной службы и т.д.), так и в боевой обстановке (в ожидании боя, в ходе боя, после боя, в наступлении, обороне, засаде, при ведении боя обычным оружием и оружием массового поражения (ОМП), в дневном и ночном бою, в плену, в ходе психологического отбора, психологической поддержки, реабилитации, социально-психологической реадаптации и др.).

Таким образом, проведенный анализ позволяет констатировать, что в качестве ***предмета военной психологии*** целесообразно также рассматривать системный объект — «психику военнослужащего, в составе воинского коллектива осуществляющего подготовку к боевой деятельности и выполнение боевых задач». Вся воинская деятельность мирной поры является лишь временным состоянием воина, процессом его подготовки к выполнению боевых задач в соответствии со штатным предназначением.

Такая трактовка предмета военной психологии вытекает из многовековой истории развития военно-психологического знания и практики. Так, еще в начале XX в., разрабатывая теоретико-методологические основы военной психологии и очерчивая границы ее предмета, Г. Е. Шумков отмечал, что «область, подлежащая нашему научному исследованию, есть бой, центральное место в котором занимает боец. Психика его, его свойства и деятельность во время боя составляют для нас задачу»[2]. Исходя из того, что деятельность воина проходит не только в боевой обстановке, но и в мирное время, «военная психология по области исследования разделяется на две части: психология боя и психология мирного времени». При этом психология боя призвана, «во-первых, возможно подробно изучить психику воинов во время сражений; во-вторых, наметить те принципы, которыми нужно руководствоваться при ведении боя. Психология мирного времени указывает научные пути, как привить воинам в мирное время те психологические принципы, которые намечены психологией боя»[3].

---

[1] *Дрейлинг Р.* Военная психология как наука // Душа армии: русская военная эмиграция о морально-психологических основах российской вооруженной силы. М., 1997. С. 161.

[2] *Шумков Г. Е.* Предмет и область военной психологии // Русский инвалид. 1910. № 270. С. 14.

[3] Там же.

Наши великие предшественники — творцы военной психологии опирались на понимание того, что определить ее предметную область можно, лишь описав психологические особенности боевой деятельности. Они исходили из того, что «деятельность человека-бойца во время войны и боя носит особый характер», так как «протекает в условиях хронической опасности, т.е. постоянной опасности потерять здоровье или жизнь, а, с другой стороны, в условиях не только безнаказанного уничтожения себе подобных, коль скоро они являются врагами, но и в прямой необходимости и в поощряемом желании делать это как раз во имя конечных целей общего благополучия для своего народа, так и в целях собственного самосохранения.

Если обыватель, которому грозит случайная опасность, избегая ее или даже совершенно уклоняясь от нее, не теряет лица и пользуется по-прежнему общим уважением, то боец, ушедший с поля сражения или отказавшийся идти в бой, подвергается не только общему презрению, но и привлекается к суровой ответственности по уголовному закону[1].

В связи с вышесказанным, «изучение душевных переживаний воинов, влияющих на боевую деятельность, изучение явлений, способствующих воодушевлению и храбрости, явлений, понижающих боевую деятельность (страх и панику), моментов, ослабляющих способность противника, причин нарушения воинского долга» является важнейшей задачей военной психологии[2], так как «...покажет нам к чему и как должны мы подготовить воинов в мирное время, чтобы в боевое время они были непоколебимы»[3].

Представленное выше понимание предмета позволяет дать определение военной психологии.

Военная психология — это область специального научного знания и практики, нацеленная на исследование психологических особенностей совместной боевой деятельности военнослужащих и обоснование методов обеспечения ее эффективности[4].

Военная психология осваивает, исследует, разрабатывает, расширяет свой предмет путем решения комплекса теоретико-методологических и практико-ориентированных задач. Обобщение подходов отечественных и зарубежных военных психологов за столетний период существования военно-психологической науки позволяет выделить в структуре ее предметного поля общие и специальные задачи.

На уровне современных представлений ***задачами военной психологии*** являются следующие.

1. Исследование психологических причин, предикторов, функций, последствий, закономерностей войны и боя.

2. Выявление характера влияния боя на психику и личность воина.

3. Изучение социально-психологических явлений войны и боя.

---

[1] *Дрейлинг Р.* Военная психология как наука. С. 160.

[2] См.: *Шумков Г. Е.* Предмет и область военной психологии.

[3] *Шумков Г. Е.* О психике бойцов во время атаки // Русский инвалид. 1910. № 278.

[4] См.: *Караяни А. Г., Сыромятников И. В.* Введение в профессию военного психолога.

4. Познание психологических особенностей управленческой деятельности и разработка эффективных методов руководства военнослужащими в боевой остановке.

5. Психологическое обоснование тактики, оперативного искусства и стратегии.

6. Исследование динамики психических явлений в ходе несения военнослужащими боевого дежурства и караульной службы и обоснование схем и конкретных методов психологического обеспечения выполнения этих задач.

7. Психологическое обоснование целей, принципов и методов боевой подготовки войск.

8. Разработка теории и технологий психологической подготовки военнослужащих к боевым действиям.

9. Обоснование задач и способов психологического сопровождения боевых действий, осуществления психологической оценки боевой обстановки, психологической поддержки, реабилитации и социально-психологической реадаптации военнослужащих.

10. Разработка принципов и методов информационно-психологического противоборства с противником.

11. Разработка теоретико-методологических основ и технологий профессионального психологического отбора военнослужащих.

Таким образом, военная психология активно интересуется всеми важнейшими сторонами жизнедеятельности военнослужащих, воинских частей и соединений, стремится разобраться в психологической специфике важнейших сторон войсковой практики и выработать научно обоснованные рекомендации по расширению психологических возможностей военнослужащих при решении наиболее сложных задач воинской деятельности.

Кроме перечисленных основных задач, военная психология решает ряд ***специальных задач***, которые связаны с ее предметом опосредованно, через облегчение, оптимизацию деятельности воина, оказание ему психологической помощи в специфических ситуациях.

К специальным задачам военной психологии относятся:

— психологическое обоснование решений при конструировании боевой техники и оружия;

— психологическое обеспечение использования животных для решения боевых задач;

— психологическая подготовка военнослужащих к избеганию плена, активному поведению в плену, побегу из плена, психологическая помощь освобожденным из плена;

— изучение потенциала психотропных препаратов по расширению психологических возможностей военнослужащих при решении задач в экстремальных условиях;

— психологическое обеспечение деятельности военных разведок и др.

К решению этих задач могут быть привлечены гражданские специалисты, как психологи, так и представители других профессий (конструкторы, дрессировщики, медицинские работники и т.д.).

6.2. Методология и методы военной психологии

Представить характеристику военной психологии невозможно без выяснения ее методологических основ или методологии. Чаще всего под методологией понимают учение о методах, способах и стратегиях научного исследования. По нашему мнению, такого определения явно недостаточно. В нем не хватает главного — образа предмета исследования. Возьмем для примера предмет исследования военной психологии — «психику военнослужащего, в составе воинского коллектива выполняющего боевую деятельность». Психику человека можно представить различным образом, например как продукт деятельности материального субстрата — мозга, нервной системы, или как космическую энергию (ци, праны и т.д.), входящую в человеческий организм и циркулирующую по определенным меридианам (путям), или как божественную данность и т.д. От этого исходного образа предмета исследования будут зависть *что* изучать, *как* изучать, в *каких терминах* интерпретировать процесс и результаты исследования, *какими методами воздействовать* на психику и т.д. Кроме этого, от исходной позиции исследователя в понимании предмета изучения будет зависеть отношение к его познанию (познаваем ли предмет) и способ его постижения (изучение предмета в его неизменности или в процессе развития).

Учитывая сказанное, мы будем понимать под ***методологией научного исследования*** учение о научном образе предмета исследования и вытекающих из него принципах, методах и стратегиях научного исследования.

Методология позволяет опереться на законы функционирования более широкой объективной реальности, придать исследованию целостный, «единоязыковый» характер, войти в уже организованное смысловое поле применяемых научных категорий, связать воедино теоретические положения и практические методы исследования, обработки и интерпретации результатов, доказать правомерность избранной стратегии, ее адекватность свойствам предмета.

Для понимания методологических основ военной психологии мы будем использовать утвердившееся в отечественной психологии представление о методологии как о трехуровневой системе, включающей: 1) общую методологию как некоторый общий философский подход, общий способ познания, принимаемый исследователем; 2) частную (специальную) методологию — совокупность исходных исследовательских принципов, применяемых в данной области знания; 3) методологию как совокупность конкретных методических приемов исследования или методику.

На уровне общей методологии в основу исследования положен *философский материализм*. Его положения, как известно, предполагают признание первичности материи и вторичности сознания. Это означает, что мозг как материальный объект первичен, а психика как его функция вторична. Полагается, что окружающий человека материальный мир в принципе познаваем. Следовательно, мозг и его важнейшая функция — психика — доступны для изучения. Отсюда вытекает, что психические процессы, состояния, свойства и образования людей можно формировать и корректировать.

Психика человека, психология коллектива находятся в непрерывном изменении, которое обусловливается как изменением внутренних элементов (состояния здоровья, настроения, отношения к окружающему, коллективного мнения, характера взаимоотношений в группе, наличия опыта деятельности и т.д.), так и внешних обстоятельств (условий выполнения деятельности, ее материальной обеспеченности и др.). В связи с этим нельзя ограничиваться одноразовым изучением психических особенностей военнослужащего для понимания закономерностей его поведения и оценки его личности. Нельзя также свести психологическую подготовку военнослужащего к бою к разовым тренинговым процедурам. Необходимы систематическое психологическое изучение военнослужащих, непрерывное их психологическое обучение, мотивация, воодушевление, поддержка в процессе воинской деятельности, потому что «мужество солдата рождается ежедневно» и «сегодняшний трус — завтрашний герой».

Однако общефилософский уровень методологии определяет лишь общую позицию в понимании сущности психических явлений. Сегодня остро ощущается необходимость в выработке частнонаучных принципов построения военно-психологической науки. Историко-психологический, теоретико-методологический анализ состояния военной психологии, сравнительные исследования других прикладных научных отраслей позволяют выделить следующие ***принципы построения современной военной психологии***.

Принцип системного понимания субъекта боевой деятельности. Для того чтобы выявить формы и особенности проявления психики военнослужащего в боевой обстановке и определить пути психологического вспомоществования ему, необходимо рассматривать воина как *целостную систему* (индивид — личность — субъект деятельности), в которой выделяются подсистемы, условно обозначаемые как «человек разумный», «человек деятельный» и «человек социальный». Другими словами, каждый военнослужащий — это индивид, реагирующий на изменения внешней и внутренней среды не отдельными составляющими психики (психическими процессами, состояниями, свойствами, образованиями), а как единое целое, опосредуя свои действия, поступки, поведение, отношения личностными свойствами. При этом все элементы здоровой психики находятся в отношениях взаимной детерминации, дополнения и компенсации (отсутствие или недостаточное развитие одних компенсируется действием других; целенаправленное развитие личностных качеств влияет на проявление психических процессов и состояний, воздействие на бессознательное человека влечет за собой коррекцию сознательных компонентов психики и т.д.).

Воин является не «расходным материалом», не «средством решения боевых задач», а высшей социальной ценностью. В связи с этим психологическое изучение воина, разработка и использование методов психологической работы с ним ориентируются исключительно на расширение его психологических возможностей решения боевой задачи и выживания в боевой обстановке. Военная психология не разрабатывает методов, призванных «обойти» сознание воина, ведущих к истощению его нервно-психических ресурсов, нарушению психического здоровья.

«Разумность» человека проявляется в его способности адекватно отражать явления и объекты окружающего мира и свое место в нем, что обусловливается качествами ощущений, восприятия, знаний, мышления и интеллекта. Знания создают у военнослужащего впечатление о боевой обстановке. Они формируются посредством процесса восприятия, который тесно связан с мышлением, чувствами, волей, зависят от прошлого опыта, установок и эмоционального состояния человека. В связи с этим усиление интеллектуализации процесса восприятия боевой обстановки (узнавание, оценка качественно-количественных параметров элементов ее объектов, выделение в них свойств, способствующих эффективному выполнению задачи) сопровождается снижением эмоционального фона[1]. Отсюда вытекает важное положение для понимания задач военной психологии: *чем большими знаниями о современном бое, его психологических факторах и явлениях обладает военнослужащий, тем меньше у него остается места для тревоги, беспокойства, страха, паники, психических расстройств.*

Знания выступают средством систематизации опыта социальной деятельности, позволяют достигать единого понимания военнослужащими боевой задачи, пространственно-временных, организационно-функциональных и других параметров их боевого взаимодействия. Они отражают личностное значение тех или иных событий боевой обстановки для военнослужащего и, следовательно, играют важнейшую роль в формировании мотивации боевой деятельности. От того, *что, собственно, видит каждый военнослужащий в происходящих событиях, в поставленной ему задаче, в решающей степени зависит его боевая активность.*

Для понимания человека как ***деятеля*** важным является выделение таких признаков деятельности, как осознанность, мотивированность, эргичность (волевая природа)[2].

Осознанность деятельности означает наличие у деятеля ее динамичной когнитивной модели, отражающей информацию относительно объекта, субъекта и самого процесса деятельности. Применительно к боевой деятельности это значит, что у каждого воина должно быть четкое представление о противнике (преследуемые им цели и ведущие мотивы действий, психологические возможности и «уязвимые места», психологическое состояние, сильные и слабые места тактики действий, возможности боевой техники и оружия, социальная база), о предстоящих боевых действиях (цель, место в общей системе боевых действий, порядок действий подразделения, средства достижения цели, сигналы управления и взаимодействия, психологические условия и факторы, характерные и возможные психологические явления), о себе самом (что, в какой последовательности, с помощью каких средств, во взаимодействии с кем, где и в какие сроки необходимо сделать, с помощью каких критериев оценивать качество своих действий, приемы диагностики собственных психических состояний, спо-

---

[1] См.: *Калинчук Л. В., Караяни А. Г., Логинов И. А.* Технологии морально-психологического обеспечения: теория, методология, практика. М., 1997.

[2] Там же.

собы психологической поддержки сослуживцев и психической саморегуляции и условия их применения).

Наличие адекватной и полной когнитивной модели боевых действий характеризует человека не как «средство» войны, а как сознательного «деятеля». Следовательно, формирование когнитивных моделей различных видов деятельности является важной задачей военной психологии, командиров, военных психологов.

Боевое мастерство является важнейшим фактором победы над врагом. Боевое мастерство — это не обладание военнослужащим каким-то особым, магическим знанием о закономерностях успешной боевой деятельности, а совокупность большого числа навыков, умений, привычек, делающих его действия более точными, сильными, экономными, учитывающими коллективный аспект и перспективу боевой деятельности. Не существует боевого мастерства «вообще». Боевое мастерство многообразно и уникально для каждого военного специалиста. Для одного это — способность часами неподвижно наблюдать за противником, уметь обнаруживать замаскированные объекты, запоминать большие объемы информации, для второго — способность быстро перемещаться, хорошо маскироваться, метко стрелять, делать импровизированные взрывные устройства, для третьего — способность воздействовать на противника словами, текстами, картинками, для четвертого — способность, по существу, играть в компьютерную игру, управляя действиями беспилотного летательного аппарата (БЛА) и т.д. Различные нюансы боевой деятельности востребуют разные аспекты боевого мастерства. Например, бессмысленно было напряженно готовить наших воинов-десантников к прыжкам с парашютом, если в Афганистане они действовали преимущественно с вертолетов, или обучать воинов действиям в обороне и наступлении, когда ведущими видами боевых действий являются засада, поиск, рейд и т.д. Также непродуктивно обучать личный состав стрельбе по объемным, свежевыкрашенным, медленно перемещающимся по линейным траекториям мишеням, если цели на поле боя меньше, перемещаются быстро, по кривым траекториям, в течение короткого времени. Другими словами, боевое мастерство — это степень подготовленности военнослужащего к решению конкретной боевой задачи.

Мотивированность боевой деятельности отражает меру сочетания потребностей военнослужащего с целью его действий. Известно, для того чтобы активность человека переросла в деятельность, вызвавшая ее потребность должна «опредметиться в мотиве». Мотив как движущая сила человеческого поведения выполняет три функции: побуждения к деятельности, придания ей направленности и смыслообразования. Как и всякая сложная деятельность, боевая деятельность полимотивирована.

Так, М. И. Дьяченко выделил три вида мотивации боевых действий, которые могут быть определены как широкие социальные мотивы, коллективно-групповые мотивы, индивидуально-личностные мотивы.

Опыт ведения боевых действий показывает, что наиболее легко вырабатываются и устойчиво функционируют мотивы боевого товарищества. Однако при приобретении боевыми действиями затяжного характера, в преимущественном положении оказывается та сторона, которой удается

сохранить действие широких социальных мотивов (любовь к родине, вера в справедливость борьбы, вера в Бога, чувство долга и т.д.). Например, Ф. Ницше говорил, что человек может вынести любое «как», если у него есть «ради чего». В связи с этим перед военной психологией, командирами и психологами встает задача разработки и рационального управления системой мотивации боевой деятельности военнослужащих.

Эргичность (волевая природа) деятельности понимается как способность человека к выбору ее целемотива посредством осознания соответствия цели действий духовным принципам и нормам личности и воинского коллектива, создания необходимого волевого напряжения для достижения цели. В связи с этим возникает задача формирования у военнослужащих навыков психической саморегуляции.

«Социальность» личности военнослужащего проявляется в том, что человеческая личность формируется и развивается через реальное или номинальное участие в жизнедеятельности социальных групп. Конкретные социально-психологические характеристики социального окружения оказывают существенное влияние на проявление личностных качеств людей, усиливая выраженность одних и снижая интенсивность проявления других. Даже простое присутствие тех или иных сослуживцев может оказывать существенное и различное влияние на психические состояния и поведение человека. Изменение социальной среды влечет за собой изменение ряда личностных характеристик человека, требует его «встраивания» в новый социум — социально-психологической адаптации.

В среде, окружающей военнослужащего, можно выделить, по крайней мере, три слоя:

— макросоциальный (мировое сообщество, общество, ВС, группировка войск, местное население, противник);

— микросоциальный (коллектив воинского подразделения, части);

— эргономический (природно-географическая, технико-технологическая среда).

Их влияние на деятельность может быть положительным или отрицательным, гармонизированным, несбалансированным или разнонаправленным. Следовательно, ***неправомерно рассматривать психологические характеристики личности военнослужащего вне ее взаимосвязи с психологическими условиями среды деятельности.*** Поэтому в качестве субъекта боевой деятельности и одновременно объекта психологического обеспечения необходимо рассматривать не изолированного военнослужащего или отдельные воинские коллективы, а систему «человек — среда — деятельность». Она включает военнослужащего, а также элементы социальной и эргономической среды, которые влияют на психологические компоненты его боевой деятельности (цель, мотивы, психические состояния, способы действий).

При таком подходе военнослужащий как субъект боевых действий рассматривается в трех ракурсах: 1) со стороны его внутренних, психологических возможностей осуществлять боевые действия; 2) со стороны поддерживающих его действия психологических условий социальной и эргономической среды; 3) со стороны неблагоприятных и противодействующих психологических обстоятельств среды.

Рассмотрения воина как субъекта боевой деятельности целесообразно осуществлять с привлечением объяснительных принципов теории функциональных систем П. К. Анохина.

Функциональная система — это нервно-психическая модель поведения человека, в которой отдельные элементы приспособительного поведения человека объединены в целостную систему — «интегративную единицу»[1].

Дополненная нами модель функциональной системы адаптивного поведения военнослужащего в боевой обстановке представлена на рис. 6.2[2].

Рис. 6.2. **Взаимосвязь индивидных, личностных, субъектных качеств и влияния внешних воздействий на действия воина (на основе схемы функциональной системы П. К. Анохина)**

---

[1] См.: *Данилова Н. Н., Крылова А. Л.* Физиология высшей нервной деятельности. Ростов н/Д, 2005.

[2] Полужирным шрифтом выделены дополнения автора настоящего учебника к модели, предложенной П. К. Анохиным.

Для того чтобы воин эффективно выполнял боевые действия, необходимо согласованное взаимодействие всех перечисленных на рис. 6.2 элементов.

1. Стимулы боевой обстановки (действия противника, своих войск, изменение эколого-эргономических условий, поведение населения в районе боевых действий и т.д.) должны быть обнаружены и опознаны военнослужащим (самостоятельно или при помощи сослуживцев), несмотря на дезорганизующие действия противника (маскировка, военная хитрость). Несвоевременное обнаружение важных стимулов создает *эффект внезапности*, может порождать *страх*, *панику*, *дезорганизацию деятельности*, *психотравматизацию* военнослужащего. Незнание или неправильное опознание стимулов боевой обстановки создает *эффект новизны*, *порождающий неуверенность в собственных силах*, *беспокойство*, *тревогу*, *отчаяние*, *ошибки в деятельности*, *срыв выполнения боевой задачи*, *психотравматизацию* военнослужащего.

2. Опознанные боевые стимулы не должны вызвать у воина астеничных (мешающих выполнению деятельности) психических состояний (безволие, отчаяние, панику и др.). Для этого у воина должны быть необходимые знания о природе этих стимулов, опыт действий в аналогичных условиях, решительность, смелость, поддержка товарищей, уверенное боевое руководство со стороны командира.

3. Военнослужащий должен осознать положение, принять решение и определить программу действий (самостоятельно или при внешней помощи), несмотря на дезорганизующее психологическое воздействие противника. Программа действий соотносится с поставленной командиром боевой задачей, которая объективируется в акцепторе результата действий. Для этого необходимо проявление решительности и опыт принятия подобных решений.

4. Воин должен проявить волевое усилие и действовать целенаправленно по реализации выработанной программы, преодолевая сопротивление противника, неблагоприятные факторы боевой обстановки и негативные эмоциональные состояния.

5. Военнослужащий должен уметь правильно оценивать результаты своей деятельности, сверять с поставленной задачей, переживать временный неуспех, корректировать программу действий, проявлять волю для повторного их выполнения, осуществлять эмоционально-волевую регуляцию поведения.

6. Командиры, сослуживцы воина должны быть способными оказать ему психологическую поддержку на всех этапах выполнения боевой задачи.

7. Противник должен быть психологически подавлен настолько, чтобы не иметь возможности блокировать деятельность воина на любом из этапов выполнения боевой задачи.

Рассмотренные составляющие выполнения боевой задачи субъектом боевой деятельности позволяют: во-первых, очертить круг психологических явлений, подлежащих исследованию и, во-вторых, определить пути и способы психологического обеспечения боевых действий военнослужащих. Они определяют содержание последующих глав и параграфов данного учебника.

Принцип психологического ресурса вытекает из принципа, рассмотренного выше. Он ориентирует военную психологию, командиров, военных психологов на поиск *любых нравственно приемлемых психологических ресурсов* (*условий, обстоятельств*) для максимального расширения психологических возможностей военнослужащего в интересах эффективного решения им боевых задач, сохранения психического и физического здоровья, выживания на поле боя. Совокупность имеющихся в распоряжении военнослужащего и потенциально доступных для использования психологических условий, позволяющих эффективно решать боевые задачи определенного *типа* (*класса*) называется ***целевым психологическим ресурсом*** (ЦПР) (психологическим ресурсом для достижения конкретной цели).

В качестве такого ресурса рассматриваются и индивидуально-психологические, и личностные качества и состояния воина (наличие точного образа предстоящих боевых действий, высокая мотивация, боевой настрой и т.д.), и социально-психологические феномены (психологическая совместимость и сплоченность коллектива, лояльность общественного мнения, дисциплина, доверие к командиру и т.д.), и психологическая подавленность противника и т.д.

Задача командира состоит в том, чтобы, взаимодействуя с психологом, буквально выискивать психологический ресурс во всех элементах психологической модели боя, привлекать на «службу» все рассмотренные выше факторы, обусловливающие боевую активность воинов. Именно целевой психологический ресурс подлежит прогнозированию, оценке, сравнению с ЦПР противника, формированию, сохранению и восстановлению в ходе боевых действий.

Принцип психологического обеспечения боевых действий ориентирует военных психологов на построение военной психологии не по образу психологической науки, а по образу конкретной психологической задачи. Военная психология должна не делиться на «военную общую психологию», «военную социальную психологию» и т.д., а использовать возможности, методы, принципы этих научных отраслей для интегративного решения каждой прикладной задачи, выделяя в ней психофизиологический, общепсихологический, социально-психологический, управленческий и другие уровни.

В качестве своеобразного «стержня», объединения психологических, психофизических, социально-психологических и других уровней вспомоществования военнослужащему выступает *психологическое обеспечение воинской деятельности* — целенаправленная деятельность командиров, психологов, других специалистов, направленная на формирование, поддержание и восстановление психологических возможностей военнослужащих и воинских коллективов (ЦПР), необходимых для успешного выполнения боевых задач. Такое обеспечение «пронизывает» воинскую деятельность от «входа» до «выхода», актуализируя и расширяя психические возможности воинов на всех ее этапах.

Совокупность перечисленных принципов дает военной психологии соответствующие ориентиры, очерчивает пространство ее научного интереса, определяет подходы, стратегии и методы исследовательской, профилактической, коррекционной и развивающей работы с военнослужащими.

Методы военной психологии. Совокупность используемых методов исследования и практической деятельности определяют лицо любой науки, отражают ее реальные возможности в познании и преобразовании предмета исследования. В психологии, и особенно в военной психологии, исследующей психические явления, отражающие экстремальные условия человеческого бытия, выбор адекватных методов чрезвычайно важен. Это связано с тем, что цена ошибки в получении и интерпретации результатов исследования может быть предельно высока.

Арсенал основных методов военной психологии был в общем плане обозначен еще в начале XX в. В ходе Русско-японской, Первой мировой и гражданской войны в России психологи Н. Н. Головин, Г. Е. Шумков, Г. Д. Хаханьян не только предложили, научно обосновали, но и частично проверили на практике основные методы военно-психологического исследования и психологической практики.

Совокупность используемых военной психологией методов можно разделить на две группы: 1) методы военно-психологических исследований; 2) методы военно-психологической практики[1].

Методы научного исследования военная психология творчески заимствует у общей, социальной, экспериментальной психологии, психодиагностики, истории психологии и других отраслей психологической науки. К числу наиболее широко используемых методов военно-психологического исследования относятся следующие.

1. Опрос участников боевых действий (письменный — анкетирование, интервьюирование; индивидуальная и групповая беседы).

2. Экспертный опрос лиц медицинского персонала, военных психологов, командиров, рядовых военнослужащих о психофизических состояниях раненых.

3. Анализ документов, связанных с участниками боевых действий (медицинские карты, журналы динамического наблюдения, фотографии, дневники, письма, стихи, песни участников и свидетелей боев, материалы стенной печати подразделений, боевые донесения и донесения о психологической работе).

4. Исследование материалов военной истории (хода и исхода сражений, построений войск, мероприятий психологического обеспечения, морально-психологического состояния сторон и его динамики и т.д.).

5. Анализ художественных произведений, отражающих психологическую сторону войны и боя.

6. Анализ результатов боевой деятельности, организованности, дисциплины, организации военно-полевого быта и отдыха.

7. Наблюдение (включенное и невключенное, формализованное и неформализованное, прямое и опосредованное и др.).

8. Эксперимент (естественный и лабораторный).

9. Скрытые методы исследования (методы интерпретации сопутствующих явлений).

10. Корреляционные методы (методы выявления связей между событиями и явлениями).

---

[1] См.: *Караяни А. Г., Сыромятников И. В.* Введение в профессию военного психолога.

В своем большинстве перечисленные методы хорошо описаны в психологической литературе. Меньше внимания уделено анализу скрытых или опосредованных методов исследования, а, между тем, они обладают значительным диагностическим потенциалом. Они, например, позволяют: по количеству заболеваний военнослужащих соматическими болезнями, обморожений, потертостей ног, фактов членовредительства, симуляций, совместных фотографирований, конфликтов между военнослужащими, писем домой, числу лиц, возвращающихся в свои части из госпиталей, ждущих дивизионные, армейские и фронтовые газеты, по продолжительности пребывания в госпиталях, по молодцеватости внешнего вида участников боевых действий и т.д. судить о доминирующих психических состояниях военнослужащих, боевом настрое, популярности войны среди различных категорий личного состава, психологическом климате в воинской части, авторитете военного руководства; по истертости обложек и страниц военных трудов судить об их популярности и т.д.

Методы военно-психологической практики тесно связаны с конкретными задачами, решаемыми военной психологией. Основные методы военно-психологической практики представлены ниже.

1. Методы военной профессиографии (методы описания военных профессий, специальностей и видов деятельности).

2. Методы военно-профессиональной ориентации и рекрутинга.

3. Методы профессионального психологического отбора (методы психофизиологического обследования и социально-психологического изучения лиц, поступающих на военную службу).

4. Методы психологической подготовки военнослужащих к боевым действиям, формирования у них психологической устойчивости к боевым стресс-факторам и психологической готовности к выполнению конкретных боевых задач (методы моделирования факторов опасности, внезапности, новизны, напряженности, ответственности и тому подобных на занятиях по боевой подготовке; боевой, природно-географической, климатической, биоритмической, режимно-деятельностной адаптации; формирования когнитивной модели боя; создания эмоционального настроя; формирования навыков и привычек выполнения типичных для боя задач; расширения психических возможностей (внимания, памяти, интуиции, зрения, слуха, обоняния, тактильной чувствительности, ночного видения, перенесения боли, холода, жары, голода); эффективного поведения в плену и др.).

5. Методы психологического прогнозирования и оценки боевой обстановки (парного сравнения психологических возможностей противоборствующих сторон, расчета и прогнозирования психогенных потерь).

6. Методы психологической поддержки военнослужащих (коммуникативные, деятельностные, аутогенные, установочные, фармакологические).

7. Методы психологической реабилитации участников боевых действий (обсуждение стресса; «холодный душ»; рэп-группы; рациональная и другие виды психотерапии и др.).

8. Методы социально-психологической реадаптации участников боевых действий («психологического карантина»; создания реадаптирующей среды; терапии семей участников боевых действий).

9. Методы психологической помощи лицам, переживающим утрату.

10. Методы диагностики посттравматических стрессовых расстройств у ветеранов боевых действий (структурированное клиническое интервью; боевые шкалы миннесотского и миссисипского опросников ПТСР; опросник травматического стресса И. О. Котенева; опросник депрессивности Бека и др.).

11. Методы защиты войск от информационно-психологического воздействия противника.

12. Методы военной маскировки, введения противника в заблуждение и достижения внезапности (создания иллюзий восприятия, мышления и антиципации).

13. Методы анализа и поддержания воинской дисциплины в воинских подразделениях и частях и предупреждения девиаций на войне.

Даже простое перечисление методов, используемых военными психологами в своей практике, свидетельствует о том, что военная психология активно осваивает не только теоретическое пространство своего предмета, но и целенаправленно выстраивает психотехнологическую базу. При этом основную часть методов она разрабатывает сама и предоставляет их в распоряжение других отраслей психологии. Так, в недрах военной психологии вызрели методы профессионального психологического отбора, психологической подготовки, психологической реабилитации, информационно-психологического противоборства, которые позже были адаптированы психологией труда, спортивной, политической психологией, психологией бизнеса и др.

6.3. Военная психология в системе научного знания

Специфика содержания, методов и принципов военной психологии как научной отрасли в значительной мере определяется особенностью ее положения в системе научного знания. Кардинальным обстоятельством функционирования военной психологии является ее ***тесная и неразрывная связь с военным искусством и военной наукой***. Как было показано в предыдущих главах, искусство воевать зарождалось изначально как искусство военно-психологическое. Построение боевых порядков войск, выбор места, времени, способа нападения, средств поражения противника первоначально в решающей степени диктовались психологическими причинами (необходимостью устрашить, обмануть противника, застать его врасплох и т.д.). Психологические обстоятельства определяли активность воинов, дальность переходов, количество шеренг в боевом строю, форму и цвет одежды, снаряжения, оружия и т.д. Поэтому военачальник прошлого — это, прежде всего, военный психолог.

Сформировавшаяся военная наука стала выступать по отношению к военной психологии в роли заказчика, определяя основные зоны приложения военно-психологического знания. Это в значительной мере определяет границы и качественное содержание предметного поля военной психологии. Практически все виды военно-психологической практики определяются сегодня запросами военного искусства и заказами военной

науки. Так, изменения, имевшие место в Военной доктрине нашего государства, в разное время ориентировали военных психологов на изучение психологических особенностей ведения боевых действий в условиях ядерной войны, локальных войн, борьбы с террористическими образованиями, в условиях гибридных войн и т.д.

Вместе с тем военная психология предоставляет в распоряжение военной науки и военного искусства разработанные положения о влиянии войны и боя на психику воинов, о взаимосвязи общественной, групповой и индивидуальной психологии, о мотивах героического и отклоняющегося поведения военнослужащих, о путях повышения морально-психологического состояния своих войск и снижения морального духа войск противника, об этнопсихологических особенностях воинов ведущих армий мира и т.д.

Вторым основным фактором, определяющим принципы и методы исследовательской и практической деятельности военных психологов, является ***общая психология***[1]. Именно она задает исходные методологические основания для понимания сущности психики, личности воина, воинской деятельности, закономерностях ощущений, восприятия, эмоциональных состояний, мотивации действий, особенностей проявления темперамента, характера, способностей в экстремальных условиях и т.д. В отечественной военной психологии в качестве методологической платформы выступает общая психология, сформированная на базе деятельностного подхода и психологической теории деятельности; в армии США — на основе бихевиоризма; в армии Франции — на основе психологии масс и т.д.

У общей психологии военная психология берет также основные методы исследования психологических явлений войны и боя, экстраполирует их теоретические выводы на боевые ситуации.

Социальная психология является для военной психологии важнейшим источником теоретических и экспериментальных наработок, касающихся содержания, механизмов и последствий влияния психологии больших и малых социальных групп на установки, ценностные ориентации, группового и массового поведения людей, психологических механизмов управления и взаимного влияния воинов (подражание, психическое заражение, внушение, убеждение). В последнее время в военной психологии активно исследуется роль военно-организационной культуры в формировании морально-психологического состояния военнослужащих, воинской дисциплины, достижении эффективности боевого применения войск. По существу, военная психология — психология социальная. На это в середине 1980-х гг. указывали А. В. Барабанщиков, В. П. Давыдов, Э. П. Утлик, Н. Ф. Феденко[2].

Важнейшей наукой, выполняющей для военной роль психологии естественно-научного основания, является ***физиология***. Она раскрывает логику и механизмы взаимосвязи человеческого организма, его психики с окружающей средой, с условиями боевой обстановки.

Военная психология активно взаимодействует с ***историей военного искусства*** и ***историей психологии***, получая от них представление о куль-

---

[1] См.: *Караяни А. Г., Сыромятников И. В.* Введение в профессию военного психолога.

[2] См. : Военная педагогика и психология / А. В. Барабанщиков [и др.]. М., 1986.

турно-исторической обусловленности героизма и трусости, стойкости и предательства, военной этики и девиаций, о зависимости тактических форм ведения боевых действий от достигнутого уровня культуры, оружия и техники и т.д.

Важную информацию военная психология получает от ***возрастной психологии*** (об этапах психического развития, возрастных кризисах, особенностях возрастных групп военнослужащих и т.д.), от ***психологии труда*** (о специфике воинской деятельности, ее мотивов, целей, средств, способов, условий; о профессионализации, профессиональной и социальной идентичности военнослужащих), от ***инженерной психологии*** (о взаимовлиянии конструктивных и эргономических особенностей боевой техники и оружия и психических состояний военнослужащих, степени реализации ими своих способностей и т.д.), от ***клинической психологии*** (о формах психотравматизации военнослужащих и посттравматическом стрессовом расстройстве; о психологических последствиях ранений и инвалидизации и др.), от ***психотерапии*** (о содержании и методах психологической помощи психотравмированным военнослужащим), от ***психологии управления*** (о психологических факторах и эффективных моделях управления подчиненными в экстремальных условиях деятельности).

Обращаясь к ***философии***, военная психология принимает ее позицию относительно решения вопроса о соотношении психики и материи, сознания и бытия, трактовке войны и мира, понимания сущности пограничных ситуаций в жизни человека.

Исследуя войну и бой, военная психология активно взаимодействует с ***социологией***. Изучая последствия воздействия боевой обстановки на психику воина, она обращается к теоретическим наработкам и практическим рекомендациям ***военной психиатрии***. Определяя цели, средства и методы психологической подготовки, психологические аспекты боевой подготовки военнослужащих, она учитывает результаты ***военно-педагогических исследований*** и ***военно-педагогической практики***.

Вместе с тем психология во взаимосвязи с другими науками не выступает исключительно в качестве иждивенца, она предоставляет в их распоряжение научные данные об особенностях социальных, возрастных, деятельностных, психопатологических феноменов, проявляющихся в экстремальных условиях боевой обстановки.

Таким образом, военная психология тесно связана с военной наукой и военным искусством, всеми основными отраслями современной психологии, философией, социологией и другими научными отраслями. Во взаимодействии с ними она расширяет границы своего предмета, обогащается теоретическими положениями и эмпирическими фактами, оснащается методически, благодаря чему активно развивается как современная наука.

Военная психология, являясь неотъемлемой частью психологии и военной науки, обращается к изучению психики военнослужащего в процессе групповой боевой деятельности и путей расширения психологических возможностей человека — воина в эффективном решении боевых задач и выживании на поле боя.

Рекомендуемая литература

Бархаев, Б. П. Психология и педагогика профессиональной деятельности офицера / Б. П. Бархаев [и др.]. — М. : Воениздат, 2006.

Военная психология / под ред. А. Г. Маклакова. — СПб. : Питер, 2004.

Военная психология: методология, теория, практика. : в 2 ч. / под ред. П. А. Корчемного. — М., 1998.

Калинчук, Л. В. Технологии морально-психологического обеспечения: теория, методология, практика / Л. В. Калинчук, А. Г. Караяни, И. А. Логинов. — М. : Изд-во ВУ, 1997.

Караяни, А. Г. Введение в профессию военного психолога / А. Г. Караяни, И. В. Сыромятников. — М. : Академия, 2006.

Практикум

Контрольные и аналитические вопросы

1. Что является объектом изучения военной психологии?
2. Что составляет предмет военной психологии?
3. Каковы задачи военной психологии?
4. Каковы методы военно-психологических исследований?
5. Каковы методы военно-психологической практики?
6. В чем особенность положения военной психологии в системе научного знания?
7. Какую роль выполняет общая психология в функционировании и развитии военной психологии?
8. Каково соотношение военной науки и военного искусства и какую роль в развитии военной психологии они играют?
9. Какие отношения связывают военную и социальную психологию?
10. Как соотносятся задачи и методы военной психологии?

Практические задания

1. Проанализируйте цитату русского военного психолога Р. К. Дрейлинга.

> «Как алгебра, приложенная к геометрии, родит новую дисциплину — аналитическую геометрию, так и военная психология, правильно примененная в стратегии и тактике, создаст в будущем новое умение сознательно использовать неисчерпаемые запасы психологической энергии для достижения целей победы».

Определите:

— какую «энергию» способна привнести военная психология в тактику (боевое построение войск, способы боевых действий, особенности применения оружия и боевой техники и т.д.)?

— какая синергия может возникнуть в процессе взаимодействия военной психологии и стратегии (в области руководства большими воинскими формированиями)?

2. Заполните представленную ниже таблицу проблемами, которые изучает военная психология.

Период	Проблемы изучения военной психологии			
	Индивидуально-психологические и личностные	Коллективно-групповые	Норма	Патология
Мирное время				
Боевая обстановка				

ГЛАВА 7
ВОЙНА КАК СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ

В результате освоения материалов данной главы студент должен:

знать

- психологические детерминанты и предикторы войны;
- психологические средства современной войны;
- общие психологические последствия войны;

уметь

- выявлять психологические предикторы и предпосылки войны;
- использовать методологический аппарат военно-психологической науки для анализа войны как социально-психологического явления;

владеть

- методами системного психологического анализа психологических функций войны как разновидности конфликта;
- навыками экстраполяции теоретико-методологических идей о войне для выявления и оценки предикторов войны.

Специалисты посчитали, что за последние шесть тысячелетий люди Земли пережили более 15 000 войн, и что на каждый день мира приходится пять дней войны. За всю свою цивилизованную историю человечество наслаждалось миром не более трех столетий. Все остальное время на нашей планете полыхали войны, военные конфликты и инциденты. В этих больших и малых столкновениях погибло около четырех миллиардов человек, т.е. половина нынешнего населения Земли. В этих условиях трудно понять, что является естественным состоянием человеческого сообщества — мир или война. Не случайно одни исследователи называют войну тяжелой патологией общества, социальным заболеванием, другие — скальпелем, удаляющим «раковые опухоли» в международных отношениях, третьи — одним из естественных способов существования мирового сообщества и т.д.

Война на сегодняшний день остается одним из наиболее слабо изученных социальных явлений, несмотря на наличие в этой области военно-научных, философских, социологических, антропологических, исторических трудов и отдельных психологических работ. Безусловно, представителями этих и других наук в анализируемой нами области сделано немало. Достаточно вспомнить интересные, глубокие и, по существу, уникальные работы военного теоретика К. фон Клаузевица «О войне», философа А. А. Керсновского «Философия войны», антрополога Д. А. Коробчевского «Психология войны», социологов Н. Н. Головина «О социологическом изучении войны» и «Наука о войне» и В. В. Серебрянникова «Социология войны», историка

Е. С. Сенявской «Психология войны в XX веке: исторический опыт России» и другие. Следует отдать дань уважения людям, взявшим на себя смелость исследовать одно их самых сложных и противоречивых явлений социальной жизни. Очевидно и то, что в целостном феномене войны присутствуют четко выраженные философский, социологический, исторический, собственно военный и другие аспекты, и что война по праву может обозначаться как явление философское, социологическое, историческое и т.д.

Между тем становится все более очевидным, что война — это явление в значительной мере психологическое и без понимания именно ее психологической природы, механизмов, функций, закономерностей, наиболее значимых феноменов нельзя приблизиться к пониманию ее сущности, определить ее социальную роль, выработать эффективные стратегии управления ее процессами.

Как было показано в предыдущих главах, практически во всех войнах и локальных военных конфликтах ослабление боевого духа вражеской армии было важным вспомогательным средством достижения победы над ней. Однако в XX в., как отмечает известный русский теоретик войны Е. Э. Месснер, в структурной ткани войны, наряду с тремя ее пространственными измерениями, возникло новое самостоятельное измерение — психологическое. «Душа вражеской армии, душа вражеского народа стали важнейшими стратегическими объектами; мобилизация духа собственного народа стала важнейшей задачей верховного стратега. Разложить дух врага и уберечь от разложения свой дух — вот смысл борьбы в четвертом измерении, которое сделалось более важным, чем три прочих измерения»[1]. Это обусловлено тем, что «в нынешнюю эпоху легче разложить государство, чем его покорить оружием»[2].

О психологическом характере войны свидетельствует преобладание в ее причинности психологических предпосылок и детерминант в широчайшем спектре психологической феноменологии современной войны, в появлении и все более широком применении психологических средств и способов военного противоборства, в богатой психологической палитре драматических последствий войны. Познание этих сторон войны позволяет своевременно обнаруживать признаки надвигающейся войны, правильно оценивать ее масштабы, вид и характер, видеть логику и направления приложения рекомендаций военной науки к практике решения оборонных задач.

Рассмотрим психологическую сущность войны по этим ее характеристикам.

7.1. Психологические детерминанты войны[3]

Разобраться в причинах войны — это значит понимать то, насколько война возможна в данных конкретных условиях.

---

[1] Хочешь мира, победи мятежевойну! Творческое наследие Е. Э. Месснера. С. 76.

[2] Там же.

[3] См.: *Караяни А. Г.* Психология войны // Ежегодник ИРИ РАН. 2002; *Караяни А. Г.* Психология и война // Психология и война / под ред. А. Г. Караяни, Э. П. Утлика. М., 2003. С. 4—28.

Народная мудрость гласит: «Война начинается в головах людей». И это положение — не просто красивая фраза, дань моде, конъюнктуре, не порождение амбиций психологов. Это констатация объективного положения вещей. Нельзя не согласиться с тем, что в системе сложной и многообразной детерминации войны ***психологические факторы*** (когнитивные, эмоциональные, мотивационные, волевые и т.д.) являются определяющими. Попытки выделить обстоятельства, порождающие войны, относятся к глубокой древности. На поле научных баталий, посвященных овладению причинами войны, оставили свои следы выдающиеся умы всех времен и народов. Их взгляды различны, часто противоречивы, но интересны и поучительны. Сравнение, группирование, классификация гипотез, идей, концепций, в которых содержатся попытки раскрыть причинности вооруженного противоборства, позволяют выделить по крайней мере пять более или менее сформировавшихся ***подходов к объяснению природы войны***. К ним относятся подходы, которые условно можно обозначить как биоционный, антропоционный, цивилизационный, группоционный, интергруппоционный. Четких границ между данными подходами не существует. Более того, одни и те же ученые нередко объясняли причины войны обстоятельствами, относящимися к разным группам детерминации.

1. Сторонники *биоционого подхода* видят причины войн в действии механизмов естественного отбора, делающего борьбу за выживание и существование универсальным свойством живых организмов как в макро- и микромире, так и на границах их взаимодействия.

В этой борьбе Ч. Дарвин находил одно из средств совершенствования видов и, прежде всего, человека. Предуготованность живых форм к борьбе ради собственной сохранности и сохранения рода, по мнению ряда ученых, определяется специальными генетическими программами.

По убеждению К. Лоренца, агрессия имеет инстинктивную природу и отличается свойством аккумулироваться и «взрываться» под воздействием пусковых стимулов. Причем живой организм не имеет генетических программ торможения агрессии, что создает условия для спонтанного проявления агрессивности — своеобразного бойцовского инстинкта. Именно в отсутствии природного «тормоза» для инстинктивной агрессивности живых организмов сторонникам обозначенного подхода видится причина насилия, имеющего место в животном мире[1].

Таким образом, чтобы выжить в борьбе за существование, живой организм должен вести бескомпромиссную войну с себе подобными и отличными от себя организмами. Однако эта борьба ведется на разных уровнях и не обязательно связана с уничтожением конкурентов. По большей части она происходит в процессе естественного отбора более приспособленных для выживания видов. Более того, в животном мире, как правило, уничтожение себе подобных блокируется природными запретными программами.

2. Сущность *антропоционного подхода* состоит в наделении свойством братоубийства преимущественно представителей человеческого рода. По мнению его сторонников, человек по своей природе агрессивен, воин-

[1] *Майерс Д.* Социальная психология. СПб., 1999. С. 486.

ственен, драчлив. Это свойство он якобы унаследовал от своих животных предков, но превзошел их в масштабах и жестокости насилия, а также его направленности на «себе подобных».

Ярко выраженной антропоционной позиции придерживались величайшие психологи планеты З. Фрейд и К. Юнг. Фрейд считал агрессивность одним из основных инстинктов, определяющих психологические «пружины», направленность и смысл человеческого существования[1]. По его мнению, в бессознательном человека существуют разрушительные импульсы, которые могут быть направлены либо внутрь, любо во вне. Если они направляются внутрь, разрушается личность. Поэтому человек стремится выплеснуть свою агрессивную энергию на внешние объекты. На вопрос А. Эйнштейна «Почему мы воюем?» Фрейд отвечал: «Потому что человек — это то, что он собой представляет». Это его убеждение особенно отчетливо проявилось и оформилось после Первой мировой войны. Исходя из этой позиции, Фрейд даже отказался участвовать в движении борцов за мир, так как считал войны неизбежным следствием периодических вспышек человеческой агрессивности.

В свою очередь Юнг связывал причинность военных конфликтов с существованием в коллективном бессознательном человечества специального архетипа войны. Выражая свое понимание природы войны, он писал: «...подобно тому, как реки весной, наполняясь водами, выходят из берегов, образуя бурные потоки, а на исходе лета высыхают и мелеют, так же и архетипические структуры актуализируют импульсы агрессии, находящие бурное выражение в войне, а затем возвращают человечество к миру»[2].

Продолжая психоаналитическую традицию анализа причинности войны, К. Меннингер отмечал, что война — это отражение многократных, маленьких войн в душах людей и что война между нациями — это продолжение и усиление борьбы человеческих инстинктов и мотивов. Внешнее общественное давление является лишь следствием накопления и организации детского опыта взаимоотношений с родителями.

Истоки агрессивности человека, толкающей его в том числе и к войне, А. Адлер находил в формирующихся у отдельных личностей таких комплексах неполноценности, которые толкают их к гиперкомпенсации своих физических и психологических недостатков.

Опираясь на идею ранней социализации личности З. Фрейда, Т. Адорно разработал концепцию авторитарной личности, в которой показал, что агрессивность, нетерпимость по отношению к окружающим и психологическая готовность участвовать в войне может формироваться системой воспитания, причем как в семье, так и в масштабах общества.

По мнению русского антрополога Д. А. Коробчевского, основной причиной войны является психологическая природа человека и человеческого

---

[1] См.: *Фрейд З.* Массовая психология и анализ человеческого «Я» // *Фрейд З.* Избранное : в 2 т. М., 1990. Т. 1.

[2] *Плотинский Ю. М.* Теоретические и эмпирические модели социальных процессов. М., 1998. С. 146.

сообщества, важными компонентами которой являются «дух воинственности» и «инстинкт истребления» как механизмы реагирования на угрозу или оскорбление. «Всякое чувство оскорбления, нанесенное нашей нации, заставляет нас инстинктивно протягивать руку к оружию»[1]. Причем схема реагирования достается человеку в готовом виде от первобытных предков и не изменяется в процессе эволюции человека. По убеждению Коробчевского, «предки передают нам уже готовую организацию мозга, определяющую наши стремления и наклонности». В результате сегодня, как и тысячи лет назад, человек по своей природе «звероподобен», и война позволяет ему утолить «жажду крови». «Воинственность, — утверждал Коробчевский, — не прерывалась в нашей истории, и в области бессознательного нашей души инстинкты войны залегают прочно и глубоко, с почти первобытной силой»[2].

По мнению Г. Олпорта, причины войн кроются в такой психологической субстанции, как ожидания людей. Он подчеркивал, что большинство людей сожалеют о войне, но ожидают ее. «А то, чего люди ожидают, детерминирует их поведение»[3]. Он подвергает критике концепцию «общего врага», отмечая, что ошибочно полагать, что «внутри каждой нации существует резервуар враждебности — враждебности, которой необходимо как-то высвобождаться, через локальные конфликты, классовые предубеждения и внешние войны. Достаточно странно, но человек не высвобождает агрессию, выпуская ее через один канал вместо другого. У стран с многими внутренними конфликтами отнюдь не меньше конфликтов внешних»[4].

Олпорт отмечает, что одной из причин воинственности человека является существующий у каждого народа образ его «золотого века» — того времени, когда их предки превосходили все другие группы по культуре, процветанию, науке или власти, обладали высокими художественными, материальными или интеллектуальными достоинствами. Этот «золотой век» мог быть в очень давней истории, но побуждаемые личной гордостью, люди легко идентифицируются с ним. Они также легко переходят к оценке того, что заслуживают сегодня, используя в качестве мерила достижения этого века максимального возвышения. В результате они «осознают», что против их группы много грешили, что границы их земель несправедливо узки, что их группа лучше и потому она заслуживает больше благ, чем другие.

По существу, в этих рассуждениях Олпорт предстает как представитель межгруппоционого подхода в трактовке причин войны. Однако его рассуждения завершаются антропоционным выводом. Он утверждает, что агрессивный национализм не может вспыхнуть до тех пор, пока воинственно настроенные индивиды не возобладают в сообществе. Поэтому решающим фактором в вопросах войны и мира является лидер. Самая большая угроза

---

[1] *Коробчевский Д. А.* Психология войны. СПб., 1892. С. 2.

[2] Там же. С. 31.

[3] *Олпорт Г.* Ожидания и война // *Олпорт Г.* Становление личности : избранные труды. М., 2002. С. 151—166.

[4] Там же. С. 155.

миру — это лидеры, рассматривающие войну как неизбежную и тем самым приучающую людей к мысли о ней. Ибо, «если люди рассматривают войну как неизбежность — она неизбежна»[1].

Сторонники антропоционного подхода пытаются также объяснить побуждения человека к агрессии и войне дисбалансом соответствующих генов (избытком тестостерона и недостатком серотонина).

Безусловно, рассматриваемый подход основывается преимущественно на гипотетических конструктах в объяснении причинности войны. Генов враждебности, также как и инстинктов драчливости, до сих пор не выявлено. Ожидание людьми войны — свойство не универсальное. Скорее, Олпорт говорил о допустимости возможности войны. Однако и ожидание войны, и ее допустимость легко формируются в процессе специальной деятельности по созданию «мифической реальности».

Американский военный психолог Л. Лешан выделяет два типа реальности, в которых могут существовать люди: «сенсорная» и «мифическая». Сенсорная реальность формируется посредством воздействия объективной реальности на органы чувств человека. Мифическая реальность — это информация о реальности, целенаправленно переработанная, искаженная и замещающая сенсорную реальность. Основными составляющими мифической реальности являются убеждения о том, что: 1) существует нация (группа) — враг, которая является воплощением абсолютного зла; 2) если уничтожить это зло, мир станет раем на земле; 3) меры, предпринимаемые против этого зла, — путь к славе и легендарным высотам мироздания; 4) своя нация избрана избавить мир от зла, и каждый, кто не согласен с официальными взглядами по этому вопросу, является изменником[2].

Эти две реальности — мифическая и сенсорная — отличаются по структуре, и эта разница непреклонно приводит к отличиям в мыслях и поведении. Мифическая реальность характеризует общество во время войны, когда все понятия делятся на белое и черное, и нет промежуточных оттенков. В табл. 7.1 приведены сравнения основных отличий в восприятии людьми сенсорной и мифической реальности, выделенных Л. Лешаном.

Таблица 7.1

Отличия в восприятии сенсорной и мифической реальности

Структура сенсорной реальности	Структура мифической реальности
И у добра, и у зла много промежуточных оттенков. Многие союзы с различными идеями и взглядами — законны. Их взгляды и политика в общем — сравнительно хороши или плохи, удовлетворительны или неудовлетворительны, глупы или разумны	Понятия «добро» и «зло» ассоциируются с нами и с ними. Нет случайных невиновных наблюдателей: есть только те, кто за нас или против нас. Все понятия делятся на черное и белое. Мнения по этим вопросам могут быть либо абсолютно верными, либо наоборот
Настоящее время почти ничем не отличается от других времен	Настоящее время — особенное и качественно отличается от других времен

[1] *Олпорт Г.* Ожидания и война. С. 163.

[2] *Лешан Л.* Если завтра война? Психология войны. М., 2004. С. 42—43.

Окончание табл. 7.1

Структура сенсорной реальности	Структура мифической реальности
Есть вещи, которые в большей или меньшей степени отличают настоящее от предыдущих времен, но это качественная разница	Все приведено в баланс; кто выигрывает, тот выигрывает навсегда. Это время решающей битвы между добром и злом — наступление Армагеддона, Рагнарока, Войны, которая должна положить конец злу
Мы почти не спорим о таких величайших силах природы, как Бог или эволюция человечества	«*Gott Mit Uns*» (с нем. — «С Нами Бог»), «*Dieu et mon Droit*» (с франц. — «Бог и мое право»), «Манифест Судьбы», «История сражается на нашей стороне» и другие подобные лозунги свидетельствуют о том, что мы верим, что великие движущие силы космоса с «нами»
Когда настоящий период завершится, то все будет происходить почти как раньше	Когда эта война закончится, все кардинально изменится: если мы победим, то все будет намного лучше, а потерпим поражение — то намного хуже. Мир глобально поменяется благодаря тому, что мы сделаем. Одержим ли мы победу или потерпим поражение, в любом случае, это изменит значение нашего прошлого и очертания нашего будущего
Нам предстоит решить множество проблем, важность которых меняется изо дня в день. Жизнь достаточно сложна и готовит для нас много сюрпризов	Это наша первостепенная задача — решить эту проблему, а все остальное уходит на второй план. В этом простота жизни. В ней есть одна цель
Все люди руководствуются почти одинаковыми мотивами	Ими управляет жажда власти, а нами — желание защитить себя, человеколюбие, мораль, благопристойность
Проблемы возникают на разных уровнях — политическом, экономическом, личностном — и должны решаться на соответствующих уровнях	Все началось с изъявления воли нашего врага и поэтому должно закончиться победой над ним или возможностью сделать его беззащитным
Нас интересуют причины проблем, которые мы пытаемся решить	Нас интересуют не причины войны, а ее результаты
Мы можем решать спорные вопросы с помощью переговоров	Поскольку враг — это зло, то он лжет, и переговоры с ним невозможны. Этот вопрос можно решить силой. Мы говорим правду (в новостях, образовании), а они лгут (через пропаганду)
Люди в основном похожи друг на друга, разница состоит в качестве	«Мы» и «они» отличаемся качественно настолько, что одни и те же действия могут рассматриваться как зло или добро в зависимости от их исполнителя. Вызывает сомнения, что они могут принадлежать к тому виду, что и мы

По мнению Лешана, структурные элементы мифической реальности являются *предикторами войны*. Их появление в общественном сознании указывает на то, что данная нация психологически и идеологически готова к войне.

3. Апологеты *цивилизационного* (*циклического*) *подхода* исходят из того, что развитие любой неживой, живой и социокультурной системы подчиняется циклической логике развития: все на Земле рождается, развивается, стареет и умирает. Этот процесс имеет определенные порядок, ритм, закономерности течения. О циклическом развитии всего сущего говорили мудрецы Древнего Востока, а также Платон, Аристотель, Плутарх и др.

Суть этого подхода ярко выражена в словах Н. Макиавелли: «Переживая беспрерывные превращения, все государства обычно из состояния упорядоченности переходят к беспорядку, а затем от беспорядка к новому порядку. Поскольку уже от самой природы вещам этого мира не дано останавливаться, они, достигнув некоего совершенства и будучи уже не способны к дальнейшему подъему, неизбежно должны приходить в упадок, и наоборот, находясь в состоянии полного упадка, до предела подорванные беспорядками, они не в состоянии пасть еще ниже и по необходимости должны идти на подъем. Так вот всегда, все от добра снижается ко злу и от зла поднимается к благу. Ибо добродетель порождает мир, мир порождает бездеятельность, бездеятельность — беспорядок, а беспорядок — погибель, и соответственно новый порядок порождается беспорядком, порядок рождает доблесть, а от нее проистекают слава и благоденствие»[1].

С позиций цивилизационного подхода объясняет причинность войны английский историк А. Тойнби, разработавший концепцию о 13 цивилизациях и законах повторяемости социального развития. По его мнению, война является одним из «пусковых сигналов» развития цивилизаций и причиной их крушения[2].

«Цивилизационные» тенденции просматриваются в подходе к анализу войны П. Сорокиным. В его известном труде «Социальная и культурная динамика» в качестве главной причины войны указывается ослабление процесса усвоения обществом или его отдельными частями системы основных ценностей и соответствующих норм (религиозных, нравственно-юридических, научных, экономических, политических, эстетических), нарушение их совместимости.

Научная обоснованность цивилизационного подхода достаточно дискуссионна. Цивилизационные циклы зачастую охватывают многие тысячелетия и проверить точность их описания не представляется возможным. Более того, войны имели место не только в период упадка и разложения цивилизаций, но и на других этапах их развития.

4. К *группоционному подходу* можно отнести концепцию пассионарности Л. Н. Гумилева и совокупность представлений о природной воинственности народов.

---

[1] См.: *Макиавелли Н.* История Флоренции. М., 2015. Кн. 5.

[2] *Плотинский Ю. М.* Теоретические и эмпирические модели социальных процессов. С. 119; Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1998. С. 289—301.

В концепции пассионарности предпринята попытка преодолеть недостатки цивилизационного подхода, связанные с разделением биологических и социальных факторов и приверженностью к строгой цикличности. По мнению Гумилева, в основе развития человеческого общества и отдельного человека лежит пассионарность — характеристика поведения и психики, проявляющаяся в стремлении индивида к цели и способности к сверхнапряжениям и жертвенности ради достижения этой цели. По существу, речь идет о своеобразной психической энергии отдельного человека и этноса. В разработанной Гумилевым семистадийной модели развития этноса имеют место стадия экспансии и ситуации пассионарного перегрева, способные продуцировать внешние и внутренние конфликты[1].

В рамках группоционного подхода выделяются попытки вывести причины войны из психологии наций и народов. Так, М. Кампеано[2], А. А. Керсновский[3], Д. А. Коробчевский[4] и другие делили все нации на воинственные и не воинственные. Психология первых является, с одной стороны, гарантией высокого боевого духа войск, а с другой стороны, выступает источником агрессивности по отношению к другим народам.

Известный английский психолог В. Мак-Дугалл, анализируя причины ведения войны племенами диких народов, подчеркивал, что она обусловлена действием специального коллективного инстинкта драчливости. Он отмечал, что уже на племенной стадии развития человечества происходит замена индивидуальной борьбы коллективной. Импульс коллективной враждебности находит выражение в постоянной междоусобной войне общин, в которой часто не преследуется никакой выгоды, кроме традиции воевать.

В плане анализа механизмов повышения индивидуальной агрессивности человека в групповом контексте интересны подходы Г. Лебона, Г. Тарда, Н. К. Михайловского и др.

Группоционный подход, апеллируя к категориям пассионарности и групповых инстинктов, на самом деле, постоянно обращается к категории пассионарного лидерства. И пассионарность народа, и пробуждение в нем идей и воли к борьбе, как правило, связаны с появлением лидера, ориентированного на военные способы достижения личных и групповых целей. Причем, чаще всего, целей личных. Македонии не было жизненно важным завоевание Индии, монголо-татары не испытывали нужды в захвате европейских государств, империя Тамерлана не нуждалась в завоевании Китая. Все эти и другие завоевания диктовались амбициями лидеров этих народов. Более того, с их смертью пассионарность возглавляемого ими народа мгновенно «испарялась».

5. Для *формационного подхода* характерно увязывание возможности возникновения войн лишь с общественно-экономическими формациями

---

[1] *Плотинский Ю. М.* Теоретические и эмпирические модели социальных процессов. С. 119.

[2] *Кампеано М.* Опыт военной психологии, индивидуальной и общей. СПб., 1902.

[3] *Керсновский А. А.* Философия войны // Философия войны. М., 1995.

[4] *Коробчевский Д. А.* Психология войны.

особого типа, в которых имеет место эксплуатация человека человеком. Наиболее полно этот подход разработан в рамках марксистско-ленинского учения о войне и армии. Его сторонники отмечают, что с возникновением антагонистических классов основным источником самодвижения общества становится классовая борьба. Классовая борьба — это, по существу, борьба за лидерские позиции своей социальной группы в решающих сферах экономики и политики более широкой социальной общности. Эксплуататорские классы стремятся к безграничному обогащению и господству, в качестве одного из средств достижения этой цели используют организованное вооруженное насилие как неотъемлемый элемент своей политики. Считается, что война — неизбежный спутник всякого антагонистического классового общества. Любая война — результат глубинных социально-экономических процессов, происходящих в недрах эксплуататорского общества. Экономика же отражает специфику психологии этнической группы, строится на основе национального характера, уклада, традиций, хотя имеет на них решающее влияние[1].

Война между двумя социалистическими государствами — Китаем и Вьетнамом — весной 1979 г. показала несостоятельность данного подхода.

6. В рамках *межгруппоционного подхода* приоритет в системе причин конфликтов и войн отдается социально-психологическим явлениям, связанным с межгрупповыми отношениями.

Для сторонников данного подхода характерна следующая позиция. Для выживания на планете, в регионе необходимо овладеть ресурсами, наличие которых чаще всего ограничено. Конкурирующие за ресурсы группы подвергают опасности существование и выживание своих ближних и дальних соседей.

Американский психолог С. Тэйлор[2] в качестве главного мотива войны называет желание руководителей одной группы, а нередко и всего племени, этноса, страны преумножить свою власть и богатство. Группа пытается сделать это, порабощая другие группы, захватывая их территорию и ресурсы, беря под контроль полезные ископаемые, нефть, чтобы построить империю, повысить престиж и богатство, отомстить за прошлые унижения. Человеку свойственно идентифицировать себя с группой, а затем всячески удерживать свою социальную идентичность. Высокая идентичность со своей группой автоматически создает ощущение конкуренции и вражды с другими группами. Большинство конфликтов в истории нашей планеты, по мнению Тэйлора, были конфликтами групповой идентичности: христиане и мусульмане в крестовых походах, евреи и арабы, индусы и мусульмане в Индии, католики и протестанты в Северной Ирландии, израильтяне и палестинцы, сербы, хорваты и боснийцы и т.д.

В конфликтах идентичности может возникать эффект «морального исключения», т.е. исключения других групп из «морального сообщества»,

---

[1] См.: Марксистско-ленинское учение о войне и армии. М., 1984.

[2] *Taylor S.* The Psychology of War: Why do human beings find it so difficult to live in peace? // Psychology today [сайт]. URL: https://www.psychologytoday.com/blog/out-the-darkness/201403/the-psychology-war (дата обращения: 21.01.2014).

лишения их права на мораль и правосудие. Исключение создает условия для того, чтобы эксплуатировать, угнетать и даже убивать представителей других групп.

Существенный вклад в развитие межгруппоционного подхода внес З. Фрейд. В известной работе «Массовая психология и анализ человеческого "Я"»[1] он сформулировал три основные позиции:

— во-первых, он доказывал неизбежность и универсальность враждебности в межгрупповых отношениях;

— во-вторых, выделял основную функцию этой враждебности, заключающуюся в регулировании внутригрупповой сплоченности социальной группы;

— в-третьих, описывал механизм формирования враждебности к социальному окружению.

Как отмечал Фрейд, что легко сплотить большое количество людей, если найти других людей, на которых можно будет направить агрессию первых. Психологическим механизмом формирования этой враждебности, по мнению Фрейда, является «эдипов комплекс». Амбивалентность чувств детского возраста трансформируется в любовь и привязанность к лидеру и членам своей группы и враждебность к чужим группам.

Эвристичны для анализа причинности межгрупповой агрессии концепции агрессии Дж. Долларда, Л. Берковица, А. и Р. Роузелайн, А. Бандуры, М. Шерифа, Г. Тэджфела и др.

Особый интерес представляют результаты исследований, полученные Г. Тэджфелом, автором теории социальной идентичности, который на солидном экспериментальном материале доказал, что единственной настоящей причиной межгрупповой дискриминации является *факт осознания своей принадлежности к определенной группе*. Причем этот феномен отмечается даже в тех случаях, когда факт группового членства крайне незначителен, условен и даже случаен, когда сами группы, между которыми возникают конфликтные отношения, практически не существуют, когда интересы личности практически не затрагиваются, и отсутствует предшествующая враждебность между группами. Другими словами, само наличие социальных групп, племен, народностей, наций, конфессий является обязательной и основной предпосылкой возникновения вражды между ними.

Таким образом, проведенный анализ научных подходов к пониманию причин войн позволяет сделать вывод о том, что ***для возникновения войны необходимы и достаточны следующие обстоятельства***:

— человек должен допускать возможность войны и своего участия в ней;

— человеческий мир должен быть разделен на социальные группы;

— хотя бы одну из данных групп должен возглавлять лидер, считающий, что его личные амбиции (жажда славы, благ, наживы, мести и т.д.) и групповые цели могут быть достигнуты в данный конкретный момент исключительно военными средствами;

— противник должен оказывать сопротивление;

— международные институты обеспечения мира должны быть слабыми.

---

[1] См.: *Фрейд З.* Массовая психология и анализ человеческого «Я».

Анализ современной военно-политической обстановки в мире показывает, что сегодня сложились все необходимые условия для возникновения ряда войн. Американский народ и многие европейцы сегодня живут в мифической реальности, считая Россию источником многих невзгод человечества. Наряду с этим существует ИГИЛ (Исламское государство Ирака и Леванта) и его действующие лидеры, избравшие в виде вселенского зла иноверцев и поставившие перед собой цель построить великое исламское государство на развалинах разрушенного мира, в том числе и на территории нашей страны. Международные организации (ООН и др.) разобщены, не проявляют необходимой воли, служат интересам отдельных стран.

Таким образом, угроза возникновения войны, в том числе с участием России, в современных условиях весьма высока.

7.2. Психологическая характеристика войны

Проведенный анализ психологических подходов к пониманию причин войн позволяет представить общую психологическую модель войны. В качестве теоретико-методологической основы для построения такой модели можно взять психологическую модель конфликта[1]. Война рассматривается нами как вид социального конфликта, осуществляющегося с радикальными целями с использованием средств военного насилия.

В этой модели основными элементами являются:

— противоборствующие стороны с их интересами, потребностями, рангами;

— предмет конфликта;

— конфликтные действия;

— средства овладения предметом конфликта;

— среда конфликта (социальная и экологоэргономическая).

1. Первым элементом психологической модели войны являются *противоборствующие стороны* — этнические и конфессиональные группы, нации, государства, ожидающие войну и возглавляемые лидерами с выраженными установками на ведение войны. Если до недавнего времени войной называлось исключительно состояние государств, то сегодня все чаще в качестве противоборствующей стороны появляются иррегулярные силы, международные террористические организации и религиозно-боевые организации типа ИГИЛ. Еще большую неразбериху в определение статуса военных событий привносит появление на полях современных сражений частных военных компаний (ЧВК) (формирований) типа *Blake Water*, SADAT и др. Сегодня сотни таких компаний участвуют в боевых действиях в разных регионах мира. Их услугами могут пользоваться не только государства, но и компании и даже отдельные люди. Возможен наем таких формирований и террористическими организациями. Легко предположить, что такие компании вполне способны провоцировать военные события с целью повышения спроса на свои услуги. Бойцы ЧВК, противостоящие друг другу

---

[1] См.: *Караяни А. Г.* Психологическое обеспечение боевых действий личного состава частей Сухопутных войск в локальных военных конфликтах : монография. М., 1998.

на поле боя, могут быть гражданами одного и того же государства. Одни и те же государства могут объединять усилия для решения одних военных задач (например, борьба с терроризмом) и одновременно посылать свои ЧВК на войну друг против друга в борьбе за достижение других целей. В соответствии с новой военной доктриной США, XXI в. становится временем новых войн — мятежевойн (термин Е. Э. Месснера). Их суть состоит в том, чтобы возбудить недовольство, протест, мятеж среди населения противника, поднять его на борьбу против руководства своего собственного государства, сделать мятежное население главным субъектом войны. В этой ситуации возникает новое состояние общества — «не мир и не война» или «полувойна», упраздняющая грань между мирными и военными международными отношениями. Нет больше смены: мир — война — снова мир. Мир переплелся с войной, война с миром, стратегия с дипломатией[1].

Таким образом, противоборствующие стороны в современной войне могут проявляться неявно, они могут быть представлены как конкретными государствами, нациями, движениями, так и ЧВК, выполняющими заказ анонимного заказчика. Все это, безусловно, может повлиять не только на стратегию и тактику ведения боевых действий, но и на морально-психологическое состояние военнослужащих и населения страны.

2. Центральным элементом психологической модели войны является *предмет конфликта*. Проблема *предмета войны* дискутируется на протяжении многих веков. Известный авторитет в области исследования войны К. фон Клаузевиц определял войну как «продолжение политики иными средствами», считал ее средством достижения политических целей с помощью оружия. Эта цитата принимается многими специалистами в качестве своеобразной формулы и определения войны. Хотя нет никаких оснований принимать ее в качестве такого определения, так как в ней отсутствуют противоборствующие стороны и само противоборство, а словосочетание «иными средствами» может означать что угодно. В данном определении определяемое («война») не равно определяющему («продолжение политики иными средствами»), потому что продолжением политики иными средствами для конкретного государства в разное время могут быть мир, нейтралитет, аншлюс, добровольная утрата своего суверенитета и т.д.

Следует отметить и то, что сама политика по отношению к войне является величиной переменной, причем зависимой переменной. Она, говоря ленинским языком, есть «концентрированное выражение экономики». Однако мы впали бы в вульгарный материализм, если бы признали механическое господство экономики над человеческой жизнью. Экономика также является величиной переменной и обусловливается характером реальных потребностей и интересов отдельных людей, социальных групп, наций и государств. Категории потребностей и интересов являются ведущими в психологии личности, малых и больших социальных групп. Именно их применение во многом позволяет дифференцировать социальные классы, слои, группы. Социальные потребности и интересы не представляют собой совокупность индивидуальных потребностей членов группы, а являются

---

[1] Хочешь мира, победи мятежевойну! Творческое наследие Е. Э. Месснера. С. 90.

скорее «присвоением» разработанных элитой (партией, лидерской группой и др.) той или иной социальной группы эмоционально окрашенных образов интересов и потребностей.

Осознание членами социальных групп того факта, что их социальные потребности и интересы могут быть реализованы исключительно военными средствами (путем отражения агрессии или, напротив, путем агрессии), является важнейшим условием вовлечения их в войну. Следовательно, по существу, войны являются средством удовлетворения интересов и потребностей элит (партий, лидерских групп, лидеров) социальных групп, разделенных членами этих сообществ. История войн и военного искусства свидетельствуют о том, что для победы в войне необходимо, чтобы как можно большая часть населения страны (социальной группы) осознала необходимость ведения войны с врагом.

Таким образом, в системе детерминации войны психологические переменные (потребности и интересы) играют как роль «пусковых пружин», так и обязательных условий.

Другим обстоятельством, в связи с которым войну можно отнести к явлениям психологическим, является то, что, в конечном счете, *психологическими являются цели вооруженного противоборства.* Клаузевиц подчеркивал, что «физическое насилие является *средством,* а *целью* будет — навязать противнику нашу волю. Понятие о цели собственно военных действий и сводится к последнему. Оно заслоняет цель, с которой ведется война, и до известной степени вытесняет ее как нечто непосредственно к самой войне не относящееся»[1].

Действительно, все факты истории войн и военного искусства свидетельствуют о том, что целевые установки вооруженной борьбы не могут ограничиваться захватом вражеской территории, разгромом и даже физическим уничтожением армии противника, изменением формы управления государством или насаждением марионеточного правительства. Об этом прямо свидетельствуют конечные результаты войн Александра Македонского, Наполеона, боевых действий американских войск во Вьетнаме, наших войск в Афганистане и др. Единственным результатом войны, позволяющим «праздновать победу», является *слом воли противника к сопротивлению и создание таких социально-психологических условий, при которых стремление к сопротивлению не воспроизводилось бы в масштабе, достаточном для возрождения вооруженного противоборства.*

Подтверждая эту мысль, В. Н Полянский еще в начале XX в. на обширном статистическом материале доказывал, что достаточно в среднем вывести из строя 17—20% солдат противника, чтобы заставить оставшихся в живых отказаться от продолжения борьбы. Следовательно, 80% участников боевых действий терпят исключительно психологическое поражение.

Американские специалисты, исследуя зависимость поражения войск от уровня их потерь в 80 наиболее значимых боевых операциях и сражениях Второй мировой войны и последующих военных событиях, пришли к еще более парадоксальному выводу: в среднем войска терпят неудачу при

[1] *Клаузевиц К.* О войне : в 2 т. М., 1941. Т. 2. С. 25—26.

физических потерях, равных 6% от их численного состава[1]. Таким образом, победа в войнах более чем на 90% является величиной психологической и главной целью военных действий является не уничтожение, а устрашение противника, подавление, слом его воли к сопротивлению.

Таким образом, *целью войны* является стремление одной противоборствующей стороны изменить поведение другой, т.е. заставить ее отказаться от своей свободы, идеологии, от прав на что-либо; подчиниться воле противной стороны; отдать ей требуемые национальные богатства, территорию, акваторию и др.

В этом отношении, несмотря на всю свою необычность, весьма близкой к психологическому пониманию войны является позиция известного американского специалиста по психологической войне П. Лайнбарджера. Война, по его мнению, — это своего рода убеждение, дорогостоящее, опасное, кровавое и неприятное, но эффективное, если другие меры не дают желаемых результатов.

3. Подобное «убеждение» осуществляется конфликтующими сторонами в ходе *конфликтных действий*, которые становятся в наше время все более психологическими. Удары авиации и артиллерии, огонь танков и стрелкового оружия, безусловно, наносят большой ущерб противнику, но сегодня гораздо больший ущерб наносится массовой паникой сотен тысяч и миллионов людей, оставляющих свои дома и пускающихся в отчаянные, смертельно опасные походы за выживание. Тысячи беженцев из различных «горячих точек» мира погибли за последние годы в процессе этого, по существу, планетарного переселения народов. Возникли целые «горячие линии» взрывоопасного социального напряжения между беженцами и населением многих европейских государств. По существу, искусственно создан межконфессиональный и межцивилизационный конфликты, выигрыш от которых на руку лишь США, ведущим борьбу за свою исключительность и мировую гегемонию.

4. В войнах современности все более психологическими становятся *средства овладения предметом конфликта*. Тотальное информационно-психологическое воздействие, беспрецедентное моральное давление на противника, устрашение, ложь, провокации, террористические акты, подкуп элит, экономические санкции, которые нацелены на психологическую изоляцию, слом воли неприятеля к активному сопротивлению, инициация недовольства, сепаратизма, бунтов, «цветных» и «цветочных» революций в непокорных странах с целью свержения самостоятельных лидеров, психологического и экономического истощения, морального разложения и разобщения неугодных народов — эти и другие средства изменяют политический ландшафт на огромных территориях и, по существу, являются оружием массового информационно-психологического поражения.

5. Существенно меняются и *среды конфликтов* (*современных войн*). Из традиционных сред противоборства (земля, воздух, акватории) война все активнее перемещается в космос (в интересах войны действуют мощ-

---

[1] См.: *Караяни А. Г.* Психологическое обеспечение боевых действий личного состава частей Сухопутных войск в локальных военных конфликтах.

нейшие космические группировки), в средства массовой информации, киберпространство, искусство, культуру, религию. В этом отношении сегодня чуть ли не каждая война на деле является войной мировой.

Все сказанное позволяет рассматривать современную войну как напряженнейшее противоборство интеллекта, убежденности, воли, выдержки, духа, опыта, мировосприятия, стиля мышления, хитрости враждующих сторон. *Психологическая феноменология войны* чрезвычайно богата. Война целиком захватывает человеческую личность, создает условия для высочайших взлетов человеческого духа, таких как героизм, стремление к подвигу, самопожертвование, преодоление страха смерти, боевое братство, дружба, любовь и, одновременно, для проявления низменных порывов, девиаций и аномальных проявлений человеческой психики. Война затрагивает все важнейшие составляющие групповой психологии: потребности, интересы, общественное мнение, настроение. В войне отчетливо проявляются национальный темперамент, характер и традиции.

На сегодняшний день немало споров ведется вокруг *законов и закономерностей войны*. Часто делаются ссылки на авторитеты, относительно того, что война — явление стихийное и выискивать в ней устойчивые, повторяющиеся связи также бессмысленно, как искать кошку в черной комнате, когда ее там нет. Однако вся история войн и военного искусства свидетельствует о наличии вполне конкретных закономерностей вооруженного противоборства. Более того, их игнорирование не раз ставило под сомнение не только успех той или иной стороны в конкретном сражении, но и само существование государств, цивилизаций, планеты.

На наш взгляд, война как процесс регулируется рядом вполне конкретных *социально-психологических закономерностей*. К числу наиболее явных и четко зафиксированных в жизненных экспериментах из них на сегодняшний день можно отнести следующие:

— зависимость хода и исхода войны от морального духа и психологической готовности нации и ее вооруженных сил к вооруженному противоборству; усиление этой зависимости при затягивании войны;

— зависимость морально-психологического состояния воюющей армии от морального духа общества, от места ведения боевых действий (на своей или чужой территории); от превосходства в оружии и боевой технике над противником;

— зависимость морального духа нации от сформировавшегося в общественном сознании образа войны (образа целей, статуса, своих войск, противника, хода и др.);

— невозможность достижения тотальной психологической победы над народом, нацией и др.

Исходя из вышесказанного, можно заключить, что война есть психологический феномен в силу того, что имеет психологические природу, цели, феноменологию, развивается по психологическим закономерностям, определяется психологическими возможностями противоборствующих сторон, ведется преимущественно психологическими средствами, и ее результаты определяются психологическими последствиями.

7.3. Психологические эффекты современных средств и способов войны

Вся история войн и военного искусства свидетельствует о том, что человечество с упорной настойчивостью не усваивает военно-исторические уроки и готовит свои армии к прошлым, а не к будущим войнам. Разработчики новых боевых уставов более пристально всматриваются в недостатки и ошибки прошлых войн, чем в актуальные и перспективные изменения в области эволюции средств противоборства. Более того, из образа прошлых войн вытравливаются неудобные и уходят на задворки человеческой памяти неприятные, не до конца понятые сюжеты. Так было после Первой и Второй мировых войн, когда во всех армиях основных их участников были «забыты» принципы информационно-психологического противоборства, принципы, схемы и методы психологической помощи участникам боевых действий, психологические аспекты партизанской борьбы и контрпартизанских действий.

Реальностью наших дней является то, что на полях современных сражений могут одновременно сосуществовать элементы войн третьего, четвертого поколения и так называемые гибридные войны. С одной стороны, нельзя исключать применения крупных высоко технологически оснащенных воинских соединений в классических схемах мобильной обороны и наступления войн третьего поколения. При этом следует ожидать широкого применения средств дистанционной разведки и поражения. Действительно, следует ожидать, что все стратегическое пространство боевых действий будет просматриваться с боевых спутников. Такие спутники с оптико-электронной аппаратурой высокого разрешения (до 15 см), работающие в инфракрасной области спектра, «прочесывают» пространства сражений, «высматривают», «выискивают» все, что подает хоть какие-то признаки боевой жизнедеятельности. Они способны передавать разведывательную информацию в режиме реального времени до самых низших звеньев управления, а иногда и до отдельного солдата. Вековые мечты человечества о дальновидении, ясновидении и прочих способностях заглядывать «за тридевять земель» нашли свое воплощение в этих боевых средствах.

Чуть ближе к линии фронта на высоте до 20 км будут барражировать тяжелые беспилотные летательные аппараты (БПЛА), способные в течение суток непрерывно «подсматривать» за перемещением боевой техники и личного состава противника. Ближе к земле (на высоте 9—10 км) — зона наблюдения «миди»-беспилотников. Срок их непрерывной работы — до 12 ч. Еще ниже (на высоте 3—5 км) будут использованы «мини»-беспилотники, пытающиеся «разглядеть» каждого солдата неприятеля. Практически над самыми головами (до 1 км) будут совершать короткие (до 1 ч) разведывательные налеты «микро»-БПЛА. И, наконец, для «заглядывания» в ходе боя за угол здания, проверки лестничного марша и конкретных помещений атакуемых зданий предназначены «нано»-беспилотники.

Все это способно вызвать у рядовых участников боевых действий (которые не знают об использовании своими войсками подобных средств) *ощу-*

щения «нахождения под колпаком», незримости и недосягаемости врага, постоянной тревоги, превосходства противника в оружии, неуверенности в собственных силах и т.д[1].

В нейтральном пространстве между противоборствующими силами, на путях выдвижения войск противника, перед линией обороны своих войск будут устанавливаться портативные видеокамеры, дистанционные микрофоны, распылять флуоресцентные красители, а вокруг охраняемых объектов использовать электронные и лазерные охранные периметры. Для контроля над опасными участками обороны будут активно использоваться боевые роботы, оснащенные видео-, аудио- и одоро-системами обнаружения противника. Действие в таких зонах будет порождать у военнослужащих повышенное *беспокойство, напряжение, прогрессирующее перцептивное и когнитивное утомление*.

Возможное использование оружия массового поражения создаст предпосылки для развития у участников боевых действий таких грозных явлений, как *радиофобия* и *ядерный невроз*. Военнослужащие, страдающие таким расстройством, будут пугаться обычных вещей (росы на траве, пожелтевших листьев на деревьях, тумана над рекой и т.д.), принимая их за признаки применения противником ОМП. Некоторые из них откажутся от пищи, другие — от контактов с сослуживцами, боясь получить от них дозу радиации (см. подробнее в гл. 9).

С другой стороны, в современном вооруженном противоборстве проявятся элементы и черты войн четвертого поколения. По оценкам специалистов, боевые действия в рамках такой войны будут вестись мелкими подразделениями высокопрофессионально подготовленных боевых специалистов. Они «будут в высшей степени рассредоточенными и по большей части неопределенными. Война будет нелинейной в такой степени, что, вполне возможно, в ней будут отсутствовать поддающиеся идентификации поле боя и линии фронта. Действия будут одновременно направлены на всю "глубину" участвующих сторон, включая все их общество, понимаемое не только в его физическом, но и в культурном аспекте»... «Малые высокомобильные подразделения, состоящие из обладающих высоким интеллектом солдат, которые вооружены высокотехнологичным оружием, будут перемещаться по большим территориям в поисках критически важных целей. Может оказаться так, что эти цели чаще будут гражданскими, чем военными. На смену терминам «фронт — тыл» придут термины «является целью — не является целью». Это, в свою очередь, может коренным образом изменить то, каким образом организованы и структурированы виды вооруженных сил[2].

Такие действия будут создавать благоприятные условия для проявления таких психологических факторов, как неопределенность, новизна обстановки, внезапность наступления неблагоприятных событий, дефицит, избыток или ошибка информации, способных существенно снижать и даже парализовать боевую деятельность.

---

[1] *Караяни А. Г.* «Превентивно-адаптивные» технологии в психологической подготовке военнослужащих // Юридическая психология. 2015. № 3. С. 11—15.

[2] Меняющееся лицо войны: четвертое поколение / У. С. Линд [и др.] // Marine Corps Gazette. 1989. October. P. 22—26.

Еще более драматические психологические эффекты могут проявляться в так называемой гибридной войне, интегрирующей, во-первых, элементы войн третьего и четвертого поколений, во-вторых, — черты обычных войн и революций, в-третьих, включающих участие регулярных и иррегулярных формирований.

Еще в середине XX в., анализируя тенденции в способах, средствах и принципах военного противоборства, Е. Э. Месснер отмечал: «Теперь нет различия между легальными и незаконными способами войны — все способы узаконены, если не конвенцией, то явочным порядком. Теперь нет разделения на войско и население — воюют все с градуированием напряженности и постоянства: одни воюют явно, другие тайно, одни непрерывно, другие — при удобном случае. Теперь регулярное войско лишилось военной монополии: наряду с ним (а может быть даже больше, чем оно) воюет иррегулярное войско, а ему секундируют подпольные организации»[1].

Месснер выделял основные способы иррегулярного воевания (неповиновение, вредительство, диверсия, террор, партизанство, восстание) и предупреждал, что воевание без войск — воевание партизанами, диверсантами, террористами, вредителями, саботерами, пропагандистами примет в будущем огромные размеры. Специфическими видами противоборства станут радиобои, агитсражения, психобитвы. Подтверждением его прозорливости являются события «арабской весны», начавшейся зимой 2010 г., и военные события в Украине и Сирии.

В системе способов и средств иррегулярных сил происходит замена: долга — фанатизмом, храбрости — лукавством, благородства — жестокостью, традиции — импровизацией, порядка — своеволием, иерархии по старшинству — выдвижением энергичнейших, государственной идеи — оппортунистическими лозунгами, унаследованной этики — учетом полезности, слов разума — криком буйства[2].

Важным моментом этого инновационного взгляда на войну стала констатация того факта, что «в мятежевойне психология мятежных масс отодвигает на второй план оружие войска и его психологию и становится решающим фактором победы или поражения», что в ней главным становится не завоевание территории, а завоевание душ во враждующем государстве, не уничтожение живой силы, а сокрушение силы психической, что в четырехмерной войне победа одерживается в ее четвертом, психологическом измерении.

Из этого следует вывод, что основная нагрузка в такой войне ложится не на физическую организацию воинов, а на их психику.

Участие мятежных масс, тайноополчения и повстанческого ополчения в войне, по мнению Месснера, может снизить в регулярном воинстве сознание ответственности перед родиной. Солдат перестает быть единственной надеждой, единственным мечом и щитом народа. Всенародность мятежной войны порождает и всенародность ответственности за ее исход[3].

---

[1] Хочешь мира, победи мятежевойну! Творческое наследие Е. Э. Месснера. С. 86.

[2] Там же. С. 119.

[3] Там же. С. 158

Идея и способы ведения повстанческой войны заразительны, если не принять серьезных защитных мер, они могут проникнуть в армию и превратить ее в толпу. Это особенно опасно, когда схватка приобретает черты гражданской войны. В такой войне врагом может быть соплеменник, а союзником — иноплеменник. Во внешней (обычной) войне солдаты воюют без особой ненависти, скорее по долгу, чем по злобе. В гражданской войне дерутся беспощадно. И хотя схватки обычно краткотечны и мало кровопролитны, расправы после боя нередко становятся кровавыми. Злоба, накапливающаяся десятилетиями, вырывается наружу в дни гражданской войны; нервный подъем доводит ненависть до пароксизма — отсюда жестокость и зверство междуусобиц[1]. Это еще выше поднимает психологическую «цену» каждого решения и действия.

Таким образом, современная война, наряду с тремя пространственными измерениями, обрела четвертое, психологическое измерение. Это обусловлено тем, что она имеет психологическую причинность, феноменологию, закономерности, средства и способы военного противоборства. Она зарождается в умах людей, осуществляется их волей, мотивацией, интеллектом, глубоко отражается в их душах. Целью современного вооруженного противоборства является не захват территории и разгром живой силы противника, а слом его воли к сопротивлению, подчинение своей воли. Война оказывает мощное давление на психику людей (прежде всего, ее участников) и психологию социальных групп, что требует организации системы их всесторонней психологической поддержки.

Необходимыми и достаточными условиями для возгорания войны являются деление человечества на различные социальные группы, наличие у одной из этих групп авторитетного лидера, обуреваемого военной идеей, бессилие международных организаций в обуздании его военных амбиций. В настоящее время в мире сложилось несколько очагов возгорания вечных конфликтов. Главным признаком приближающейся войны является переход членов данной социальной группы от сенсорного восприятия мира к мифическому.

Психологический взгляд на войну позволяет отвлечься от закостенелых представлений о тактике и стратегии военных действий, увидеть новые, значимые тенденции в силах, способах, принципах ее ведения, эффективно сражаться в ее главном измерении, используя огромный арсенал военных и невоенных средств и способов.

Рекомендуемая литература

Душа армии: русская военная эмиграция о морально-психологических основах российской вооруженной силы. — М. : Изд-во ВУ, 1997.

Караяни, А. Г. Психология войны / А. Г. Караяни // Ежегодник ИРИ РАН. — М., 2002. — С. 38—50.

Клаузевиц, К. О войне : в 2 т. / К. Клаузевиц. — М., 1941.

Плотинский, Ю. М. Теоретические и эмпирические модели социальных процессов / Ю. М. Плотинский. — М., 1998.

---

[1] Хочешь мира, победи мятежевойну! Творческое наследие Е. Э. Месснера. С. 289.

Сенявская, Е. С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России / Е. С. Сенявская. — М., 1999.

Сравнительное изучение цивилизаций. — М., 1998.

Хочешь мира, победи мятежевойну! Творческое наследие Е. Э. Месснера. — М. : Изд-во ВУ, 2005.

Практикум

Контрольные и аналитические вопросы

1. Каковы элементы психологической модели войны?
2. Что Л. Лешан называет предикторами войны?
3. Какими параметрами характеризуются войны третьего поколения?
4. Какую войну называют гибридной?
5. Какие способы используются иррегулярными силами в ходе войны?
6. Почему Е. Э. Месснер назвал психологическое измерение войны главным?
7. Почему гражданские войны характеризуются особой жестокостью?
8. Чем отличаются войны третьего и четвертого поколений?
9. Чем различаются биоционные и антропоционные причины войн?
10. В чем отличие группоционных и межгруппоционных причин войны?
11. Почему в настоящее время возможно возникновение войны?

Практические задания

1. По утверждению Е. Э. Месснера, в мятежевойне (гибриде войны и революции) иерархия целей выглядит следующим образом.

1. Развал морали вражеского народа.
2. Разгром его активной части (воинства, партизанства, борющихся народных движений).
3. Захват или уничтожение объектов психологической ценности.
4. Захват или уничтожение объектов материальной ценности.
5. Эффекты внешнего порядка ради приобретения новых союзников, потрясения союзников врага.

Попутно нужно стремиться: а) к сбережению морали своего народа; б) сбережению своей активной, воюющей силы; в) обороне психологически или жизненно важных объектов; г) избежанию всего, что даст неблагоприятный отклик в государствах нейтральных, но для нас интересных.

Оцените, насколько эта иерархия соответствует обычной войне.

Попробуйте предложить свою иерархию целей войны.

2. В ходе войны в Сирии сухопутные боевые действия идут лишь в отдельных районах страны. Авиационные удары по террористам наносятся на значительной части территории страны.

Попробуйте очертить границы информационно-психологического противоборства, ведущегося в связи с боевыми действиями в Сирии. Определите, в каких средах оно ведется, какие государства в нем участвуют, насколько интенсивно оно осуществляется, совпадают ли его цели с целями военных действий.

3. Проанализируйте официальные заявления руководителей ведущих зарубежных государств, касающиеся текущей военно-политической обстановки в мире, за одну неделю.

Попробуйте найти в них признаки сенсорного и мифического восприятия реальности. Составьте списки симптомов сенсорного и мифического восприятия. Оцените, в какую сторону дрейфует восприятие лидерами этих стран состояния международных отношений.

ГЛАВА 8
ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ БОЯ

В результате освоения материалов данной главы студент должен:

знать

• сущность, компоненты и функциональную характеристику психологической модели боя;

• факторы, определяющие боевую активность воинов;

уметь

• наполнять содержанием психологические модели конкретных видов боя;

• оценивать психологические факторы различных видов боя и условий ведения боевых действий;

владеть

• методом оценки психологических моделей;

• методикой построения психологической модели войны.

Бой представляет собой не только вооруженную борьбу, столкновения, обмен огневыми ударами, маневры. В значительной мере это — ожесточенное противоборство интеллектов, воль, мотивов, характеров, выдержки противников, силы их сплоченности, дисциплины, доверия командирам и т.д. Напряжение и накал бескомпромиссной схватки противодействующих психик нередко выходит далеко за пределы человеческих возможностей. В пылу кровавой боевой работы в сердце каждого солдата идет свой собственный бой, бой между всеохватывающим страхом и чувством долга, между высоким и низменным, между верой и неверием в себя. На заре становления военной психологии Г. Е. Шумков писал: «В громадных битвах, в которых принимают участие тысячи воинов, каждый из них в самом себе переживает душевную войну, душевную драму. И из этой личной борьбы каждый воин выходит победителем или побежденным»[1].

Бой — явление в значительной степени стихийное, не поддающееся точным расчетам и прогнозам. Вместе с тем в хитросплетении боевых событий имеют место тенденции, закономерные соотношения и связи, познание которых позволяет «видеть» и понимать важнейшие явления боя. Выявление этих тенденций и закономерностей открывает возможность учитывать их при планировании и ведении боевых действий, активизировать и усиливать те из них, которые способствуют эффективному решению боевых задач, и блокировать те, которые препятствуют боевой эффективности.

---

[1] *Шумков Г. Е.* Рассказы и наблюдения из настоящей Русско-японской войны. Киев, 1905. С. 2.

8.1. Структурно-функциональная характеристика психологической модели боя

В психологии сложилась своеобразная траектория познания и управления психическими явлениями. Она включает два основных этапа: 1) этап понимания явления; 2) этап управления явлением[1].

На *этапе понимания явления* его психологическое содержание должно быть замечено и выделено из наблюдаемой реальности, описано в психологических терминах и представлено в виде психологической модели. В этом отношении показателен следующий пример. В начале Великой Отечественной войны в отечественном военном искусстве доминировало представление об обороне как о системе отдельных ячеек («ячеистая оборона»). Каждый военнослужащий выкапывал себе узкую ячейку и действовал в ней в ходе боя как одиночный боец. Эта система имела вполне понятное боевое обоснование. Противник имел большое количество танков и артиллерии, и нужно было в первую очередь защитить воинов от них. Узкая ячейка достаточно хорошо защищала бойцов от гусениц танка и осколков снарядов. Но ячеистая оборона оказалась крайне неустойчивой. Причина ее слабости оставалась долгое время не выясненной. Лишь когда командарм К. К. Рокоссовский лично заинтересовался этой проблемой, на себе испытал ощущения от пребывания в ячейке, выяснилось, что причина неустойчивости ячеистой обороны кроется в том, что воины, находясь во время боя в ячейке, не видят своих боевых товарищей, не знают, живы ли они, продолжают ли ведение боевых действий, придут ли они на помощь в случае ранения и т.д. Стало понято, что ячеистая оборона элиминирует важнейший психологический ресурс боевой активности воинов — горизонтальную и вертикальную сплоченность воинского коллектива, «чувство локтя» товарища и порождает ощущение одиночества на поле боя. Это чувство одиночества модельно можно было представить как отсутствие возможности видеть боевых товарищей, взаимодействовать с ними и ожидать от них поддержки в экстремальной обстановке боя.

На *этапе управления явлением* может быть реализована одна из двух (или обе одновременно) схем деятельности: 1) выработка научно обоснованных рекомендаций командирам по созданию условий, контролирующих явление и (или) 2) работа специалиста-психолога по его коррекции.

В описанном выше случае была реализована первая стратегия. Командирам было приказано перейти к траншейной обороне, в которой все ячейки соединялись между собой и с важнейшими элементами обеспечения боя (пунктом боепитания, запасными позициями, медицинским пунктом и т.д.) траншеями и ходами сообщений. Теперь воины лучше видели друг друга в бою, могли, при необходимости, оказать друг другу боевую, медицинскую и психологическую поддержку, легче контролировались командирами и т.д. Все это существенно снизило чувство одиночества воина на поле боя и повысило эффективность обороны.

---

[1] См.: *Караяни А. Г., Сыромятников И. В.* Введение в профессию военного психолога.

Таким образом, важнейшим условием познания и управления психологическими явлениями боя является построение его психологической модели.

Под моделью обычно понимается любой образ, аналог (мысленный или условный — изображение, описание, схема и т.п.) какого-либо объекта, процесса или явления, используемый в качестве его «заместителя», «представителя». Исходя из общего понимания модели, можно представить психологическую модель боя.

Психологическая модель боя — мысленный образ (аналог, карта, схема) психических явлений, имеющих место в реальном бою, отражающий реальные функциональные связи и отношения, существующие между этими явлениями.

Построение психологической модели такого сложного явления, как бой, — дело не простое. *Бой* — это противоборство подразделений и частей, направленное на достижение тактических целей. Однако термином «бой» обозначаются явления, внешне очень непохожие друг на друга. Современный бой может быть краткотечным или длиться на протяжении долгого времени, вестись дистанционно (в виде обмена авиационными и ракетными ударами) или в форме рукопашного боя. «Полем боя» могут быть горы, пустыни, леса, воздушное и космическое пространство, акватории морей и океанов, морские и океанские глубины и т.д. Боевые действия могут проходить в условиях чрезвычайно низких или экстремально высоких температур, днем или ночью. В боевом противоборстве могут участвовать как регулярные, так и иррегулярные формирования, как мелкие подразделения, так и многочисленные воинские объединения. Бой может вестись в виде наступления, обороны, засады, боевого рейда, разведки боем и т.д.

В связи с вышесказанным, содержание психологической модели каждого вида боя будет иметь качественную специфику. Поэтому речь может идти лишь о самой общей, схематической, психологической модели боя.

В методологическом плане бой, так же как и война, рассматривается нами как частный случай конфликта между социальными субъектами, протекающий в форме вооруженного противоборства, сопровождающегося негативными эмоциями и чувствами, переживаемыми ими по отношению друг к другу (см. параграф 7.2). Бой может быть как элементом войны, так и самостоятельным событием, протекающим в форме вооруженного инцидента, контртеррористических действий и др. Это позволяет использовать психологическую модель конфликта в качестве основы для построения психологической модели боя[1]. В этом случае рассматриваемая модель будет включать следующие элементы (рис. 8.1).

Из рис. 8.1 видно, что системообразующим элементом психологической модели боя выступает *предмет противоборства*. Как было показано выше, таким предметом является воля противника к сопротивлению. Цель боя

---

[1] См.: *Караяни А. Г.* Психологическое обеспечение боевых действий личного состава частей Сухопутных войск в локальных военных конфликтах : монография. М., 1998.

состоит в том, чтобы сломить сопротивление противника и заставить его выполнить нашу волю. В отличие от войны, где противник, как правило, принуждается к выполнению политических требований, в бою речь чаще всего идет об оставлении занимаемых позиций, сложении оружия и прекращении боевых действий.

Рис. 8.1. **Психологическая модель боя**

От степени готовности противника к сопротивлению зависят все остальные элементы боя и его психологической модели: привлекаемые силы, используемые средства и способы принуждения противника, уровень напряжения психических сил отдельных воинов и мобилизованности групповой психологии, степень задействованности социальной среды (например, общественного мнения) и т.д. Иными словами, предмет определяет качественно-количественные параметры всех остальные элементов модели.

По-видимому, воля к сопротивлению имеет этно-, культурно- и исторически обусловленную природу. На определенных этапах исторического развития представители конкретного этноса могут обладать различной выраженностью этого качества. Известный отечественный военный ученый и деятель Н. Н. Головин в начале XX в. изучал такое свойство войск, как

«предел моральной упругости», т.е. максимального уровня боевых потерь, при котором они еще сохраняют способность к сопротивлению. Он установил, что армии разных стран имели разную выраженность этого свойства. Так, итальянская армия прекращала сопротивление в среднем при потерях, равных 1,2—5%, русская армия — при 15—43%. Средний же предел моральной упругости в XIX в. составлял 25%.

Ошибки в оценке способности противника к сопротивлению, как правило, влекут трагические последствии. Примером тому могут служить ошибки в оценке волевых и боевых качеств противника военно-политическим руководством России в Русско-японской войне (1904—1905), командованием Красной Армии в войне с Финляндией (1939), руководством фашистской Германии в годы Великой Отечественной войны (1941—1945), военно-политическим руководством США в войне во Вьетнаме (1965—1973) и т.д. История свидетельствует о том, что почти традиционным является недооценка командованием регулярных военных сил воли к сопротивлению бойцов иррегулярных воинских формирований. Классическим примером такой недооценки является военная история Афганистана. В боях с афганскими повстанцами в разные исторические эпохи остались нереализованными военные амбиции таких мощных в военном отношении государств, как Англия, Советский Союз и Соединенные Штаты Америки.

Учитывая, что в XXI в. отмечается широкая распространенность гибридных войн, «мятежевойн», «цветных» и «цветочных» революций, других видов военного противоборства с участием иррегулярных формирований и гражданского населения, необходимо выработать четкие критерии и технологии оценки психологических и боевых возможностей такого противника.

В отличие от войны, в бою *противоборствующими сторонами* выступают воинские соединения, части, подразделения, иррегулярные формирования и отдельные воины, обладающие конкретными психологическими возможностями. В этом отношении бой является противоборством индивидуальных и групповых психологических качеств, состояний и возможностей: образов боя, боевых установок, целей, мотивов, навыков эффективных действий в конкретных боевых, природно-географических, погодно-климатических, социальных условиях, адаптационных потенциалов, уровней психологической совместимости, сплоченности и т.д.

Противоборствующие стороны ведут боевые действия, используя различные *способы* и применяя разнообразные *средства*.

Исходя из системного представления о бое и учитывая психологический характер предмета противоборства, для достижения целей боевых действий могут использоваться любые средства, не запрещенные правилами ведения войны. Опыт показывает, что в последние годы, наряду с боевыми средствами (обычным оружием и оружием массового поражения), широкое распространение получают оружие несмертельного действия, информационные, психологические, финансовые и другие средства.

Так, из авторитетных источников известно, что перед началом вторжения в Ирак американские военнослужащие из частей специального назна-

чения, проникшие на иракскую территорию, с помощью взяток «убедили» иракских генералов не воевать. Один из высокопоставленных американских чиновников заявил: «Взятка — это высокоточное оружие. Оно достигает цели, но при этом бескровно».

Широкое вовлечение гражданского населения (как страны противника, так и своей страны) в архитектонику боевых событий (например, блокирование мест дислокации или передвижения войск) закономерно диктует необходимость использования различных видов оружия несмертельного действия (тепловых, импульсных, лазерных и акустических пушек, электрошокеров, запаховых заграждений, дымов и аэрозолей и т.д.).

Боевые цели в современном бою могут достигаться различными способами. Среди них как традиционные («уставные») способы (наступление, оборона, засада, рейд и т.д.), способы ведения гражданской войны (борьба за завоевание лояльности населения, лидеров общественного мнения, дискредитация противника, переговоры с противником по вопросам обмена пленными и другим вопросам, осуществление программ поддержки и культурных программ), так и способы ведения мятежевойны (партизанские действия, террористические акты, неповиновение, саботаж и др.).

Планируя современный бой, командир должен предусмотреть возможность использования противником различных средств и способов боевых действий, определить способы и средства, наиболее подходящие для выполнения конкретной боевой задачи.

Сегодня уже не просто ошибочно, но и просто преступно не учитывать особенности влияния *среды боевых действий* на боевые и психологические возможности противоборствующих сторон. Отношение общественного мнения к боевым действиям и настроение, привычность природно-географических и погодно-климатических условий, состояние военно-полевого быта и т.д. нередко являются важнейшими факторами боевой активности военнослужащих и эффективного выполнения боевых задач.

Таким образом, *в структурном плане* психологическая модель боя состоит из качественно различных феноменов, оказывающих прямое или опосредованное влияние на психику воинов. Совокупность психологических явлений может называться моделью лишь тогда, когда она включает все основные явления, имеющие место в реальном бою. «Выпадение» любого элемента ведет к нарушению взаимосвязи между составляющими модели, изменению их характеристик и характера функционирования.

Так, при планировании боевых действий в Грозном зимой 1995 г. из психологической модели предстоящих боевых действий «выпали» несколько важнейших элементов, что не позволило командирам целостно представить предстоящие действия и предпринять адекватные меры для целевой психологической подготовки подчиненных. В частности, не был сформирован и оценен боевой настрой военнослужащих. В результате сознание некоторых из них не было переведено на «военный режим функционирования». Очевидцы рассказывают о том, что колонны некоторых воинских подразделений, направляющихся на выполнение боевых задач, подчинялись действиям светофоров в Грозном. Из прогностической картины боевых действий «ускользнул» и такой элемент, как социальная среда, в частности

возможность сопротивления федеральным войскам со стороны местного населения. В ряде случаев женщины и дети блокировали передвижение войск. Опыта действия в подобных ситуациях и средств их предотвращения у них просто не было.

В данном случае социальная среда непосредственно вплелась в процесс решения боевых задач. В результате организаторами боевых действий были неправильно представлены такие элементы модели боя, как способы и средства решения боевых задач, неверно рассчитаны временные характеристики боевой операции и т.д.

Приведем другой пример: в ходе боевых действий в Сирии правительственные войска длительное время не знали об использовании повстанцами средств визуального контроля над полем боя (например, видеокамер, спрятанных в рваной обуви, банках из под напитков или замаскированных под камни). Это позволяло боевикам наносить точные удары по регулярным правительственным подразделениям, вовремя избегать нежелательных боестолкновений и т.д. Психологическим следствием отсутствия в модели этого элемента было приписывание противнику сверхосведомленности, вездесущести, боевого мастерства и превосходных свойств оружия противника.

Однако простая совокупность перечисленных элементов не может быть названа моделью. Модель должна отражать *функциональные связи между этими элементами*: изменение любого из ее элементов должно вызывать точно такие же изменения, какие имеют место в реальном бою.

Например, переход от использования обычного оружия к применению ядерного оружия влечет за собой изменение тактики действий войск, их рассредоточение, использование специальных средств защиты, специфические состояния психики военнослужащих и взаимоотношений между ними. Применение тактики засадных действий обусловливает выбор оружия, специальную психологическую подготовку военнослужащих и т.д. Изменение общественного мнения о войне способно повлиять на вид используемых средств вооруженной борьбы, на тактику действий и психологическое состояние войск и т.д.

Психологическая модель боя позволяет понять, чем обусловливается широкий спектр поведения воинов в бою, объединяемых общей категорией «*боевой стресс*» (см. подробнее гл. 10). Использование психологической модели боя позволяет прогнозировать изменение каждого элемента в бою. Например, зная боевые качества и этнопсихологические особенности противника и своих войск, можно предвидеть колебания их боевой активности в процессе выполнения боевой задачи в зависимости от изменения тактической обстановки, социальных и погодно-климатических условий.

По убеждению Г. Е. Шумкова, «военная психология только тогда явится наукой необходимой для полководца, когда она откроет ему секрет боевой силы или работоспособности бойца во всех фазах боевой обстановки... выработает свои научные положения о моментах, понижающих и повышающих работоспособность бойца, укажет совместное действие различных моментов на боевую силу; укажет средство борьбы с наступающим понижением силы в своих войсках и наметит моменты, способствующие

угнетению и ослаблению своего противника»[1]. Психологическая модель боя позволяет учитывать «совместное влияние» всех обстоятельств боевой обстановки на психику воина и создавать действенные системы психологического обеспечения боевых действий. Она наглядно показывает, что на повышение эффективности боевых действий можно влиять посредством снижения морально-боевых качеств противника, оптимизации среды, расширения боевых и психологических возможностей военнослужащих, повышения коллективизма, дисциплины и организованности в воинских коллективах. Следовательно, использование модели дает возможность на практике осуществить *системный подход* к планированию боя, определяя меры по оптимизации каждого его элемента.

8.2. Факторы, определяющие боевую активность воинов

Представленная выше психологическая модель боя позволяет оценить характер влияния на психику воинов широкого комплекса факторов — причин, существенных обстоятельств, движущих сил процессов, определяющих их общий характер или отдельные черты. В бою психика воина подвергается воздействию множества самых различных обстоятельств. Одни и те же факторы действуют на воинов различным образом. У одних воинов они вызывают боевой азарт, здоровую злость, ярость, решительность, прилив энергии, мобилизацию физических сил, психологических ресурсов, боевую активность, у других, напротив, — апатию, пессимизм, неверие в собственные силы, астению, расстройство в работе нервной системы и психики, дезорганизацию деятельности.

Военной психологии важно знать, чтó определяет те или иные психологические реакции, состояния и действия военнослужащих в бою. Помочь в этом может анализ психологической модели боя. Каждый из ее элементов содержит конкретные факторы, влияющие на боевую активность воинов. Изучение этих элементов и результатов психологических исследований боевых действий воинов в войнах прошлого, настоящего и будущего позволяет выделить следующие группы факторов: боевые, эколого-эргономические, социально-психологические, психофизиологические и психологические.

1. **Боевые факторы.** Среди боевых факторов наибольшее влияние на психику и поведение воинов оказывают интенсивность, продолжительность и вид боевых действий, вид применяемого оружия, степень изолированности от основных сил, использование военной хитрости и методов информационно-психологического противоборства.

Интенсивность боевых действий рассматривается нами как плотность и сила боевых событий, обусловливающие затраты физической, нервной и психической энергии воинов в единицу времени. Влияние интенсивности боя на боевую активность и психические состояния воинов наиболее пристально исследуют израильские военные специалисты. По их мнению, важнейшими показателями интенсивности боевых действий войск явля-

[1] *Шумков Г. Е.* Психика бойцов во время сражений. Вып. 1. С. 18.

ются специфика боя (использование противником артиллерии, атак с воздуха, засад, минных полей) и степень сопротивления противника (сильное, адекватное, слабое). В исследованиях Г. Л Беленки, Ш. Ноя, З. Соломона показано, что в зависимости от выраженности этого показателя уровень психотравматизации (психологических потерь) может колебаться от 0 до 86 пунктов и составлять по отношению к физическим потерям значения от 0 : 100 до 86 : 100[1].

Американский военный психолог Ч. В. Хой установил, что психологические последствия интенсивности боевых действий линейно связаны с количеством боестолкновений (перестрелок), в которых участвуют военнослужащие. По его данным, уровень посттравматического стрессового расстройства у американских военнослужащих, воевавших в Ираке, составлял: 4,5% — при отсутствии перестрелок, 9,3% — при участии в одной-двух перестрелках, 12,7% — при участии в трех-пяти боестолкновениях, 19,3% — при участии более чем в пяти перестрелках. Уровень ПТСР у солдат, воевавших в Афганистане, соответственно был равен 4,5, 8,2, 8,3 и 18,9%[2].

Интенсивность боевых действий тесно связана с *величиной кровавых потерь*. Специалистами установлено, что объемы потерь убитыми оказывают существенное влияние на боевую активность войск. Как упоминалось ранее, исследование крупнейших военных событий XX в. показало, что потери убитыми, составляющие 4% в наступлении и 8% в обороне (в среднем 6%), являются пределом моральной упругости, т.е. тем рубежом, после которого войска прекращают сопротивление.

На боевой дух воинов существенное влияние оказывает ***длительность пребывания в непосредственном соприкосновении с противником***, которое характеризуется наличием: 1) постоянной опасности быть убитым, раненым или захваченным в плен; 2) сниженным качеством военно-полевого быта; 3) существенным ограничением возможности для отдыха, сна и т.д. Немецкий исследователь Е. Динтер установил, что процесс адаптации к боевым действиям длится примерно 15—25 суток. За это время военнослужащий достигает пика морально-психологических возможностей. После 30—40 суток непрерывного пребывания в непосредственном соприкосновении с противником, по данным исследователя, наступает их быстрый спад, связанный с истощением духовных и физических сил. Исходя из этого Динтер сделал вывод, что пребывание воинов на передовой не должно превышать 40 суток. Аналогичной точки зрения придерживаются американские психиатры Р. Свонк и У. Маршан. По их данным, у 98% военнослужащих, участвующих в боевых действиях непрерывно в течение 35 суток, возникают те или иные психические расстройства[3].

---

[1] *Беленки Г., Ной Ш., Соломон З.* Стресс на поле боя: опыт Израиля // Милитари ревю. 1985. № 7. С. 28—37.

[2] *Campise R. L., Geller Sch. K., Campise M. E.* Combat Stress // Military psychology: Clinical and Operational Applications / ed. by C. H. Kennedy, T. A. Zillmer. N. Y. ; L., 2006. P. 215—241.

[3] См.: *Габриэль Р.* Героев больше нет.

Установлено, что высокоинтенсивные боевые действия способствуют быстрому нарастанию переутомления военнослужащих и общему росту психотравматизации примерно в 1,2 раза по сравнению с низкоинтенсивными действиями.

Однако не только нахождение в непосредственном соприкосновении с противником, но и *общая продолжительность пребывания в боевой обстановке* конкретного солдата является важной переменной его боеспособности. Во время Второй мировой войны Дж. Аппель и Г. Бибе обнаружили, что средний американский пехотинец в Италии психологически «изнашивался» за 6—8 месяцев. Мощное психологическое давление войны вело к слому человеческой способности сопротивляться неблагоприятным внешним воздействиям за пределами этого временного периода[1]. Безусловно, указанные временные пределы пребывания американских солдат в зоне боевых действий были в значительной степени обусловлены отсутствием у них широких социальных мотивов, ведением боевых действий вдали от своей страны, отсутствием опыта участия в высокоинтенсивных боевых действиях. Однако изучение показывает, что такие временные пределы существуют для воинов любой армии. Так, сражавшиеся «за свои дома и семьи» британские солдаты сохраняли свою боеспособность в течение 400 суток.

Степень изолированности действующих на поле боя соединений и частей от основных сил оказывает существенное влияние на боеспособность воинов. По оценкам специалистов, боевые возможности изолированного от своих войск подразделения снижаются наполовину в течение 48 часов из-за усиливающегося страха.

Важнейшими психологическими факторами, влияющими на боевую активность воинов, являются ***способ ведения боевых действий*** и ***вид используемого военнослужащими оружия***. Степень их соответствия решаемым боевым задачам, освоенности воинами, вера в их надежность являются кардинальными условиями боевого духа войск (подробнее см. параграф 8.2).

Мощным психологическим потенциалом влияния на боевую деятельность войск является использование противоборствующими сторонами приемов ***военной хитрости и маскировки***. Они позволяют застигнуть противника врасплох, вынудить его неподготовленным вступить в бой (сражение, войну), т.е. парализовать его волю и лишить возможности оказывать организованное сопротивление.

По своей сущности военная хитрость, маскировка, внезапность — это сугубо психологические феномены, достигаемые с помощью тактических и технических средств. Они входят в систему мероприятий, обозначаемых как «рефлексивное управление противником». Управлять противником рефлексивно — значит активно влиять на процессы восприятия им боевой обстановки, дезориентировать относительно ее пространственно-вре-

---

[1] *Horn B.* The worm revisited: An examination of fear and courage in combat // Canadian Military Journal [сайт]. URL: http://www.journal.dnd.ca/vo5/no2/doc/leadership-direction-eng.pdf (дата обращения: 22.01.2016).

менных и событийных элементов, придавать нужную направленность его мышлению с целью принятия априори проигрышных решений.

С помощью военной хитрости и маскировки достигается эффект внезапности, который стал главным фактором победы над противником более чем в 65% сражениях, имевших место в человеческой истории.

Военная хитрость составляет ядро ***информационно-психологического противоборства***, являющегося важнейшим компонентом современных войн. С его помощью достигаются эффекты дезориентации, деморализации, дезинтеграции противника. Рассмотрению вопросов информационно-психологического противоборства будет посвящена гл. 18.

2. **Эколого-эргономические факторы** отражают специфику влияния внешних (природно-географических, погодно-климатических, эргономических) обстоятельств и режима боевой деятельности (продолжительность, режим, частота столкновений с противником), степень изолированности от главных сил и т.д.) на психологическое состояние противоборствующих сторон. Они обусловливают степень задействованности психики военнослужащего в процессе выполнения боевых задач. Знакомые условия и привычная деятельность, хорошо освоенные способы боевого поведения позволяют воинам действовать на поле боя с преимущественным использованием подсознания (автоматизмов, навыков, закрепленных в подсознании моделей) с минимальным привлечением сознания и эмоций. И наоборот, незнакомые обстоятельства и неосвоенные приемы боевой деятельности обусловливают необходимость постоянного включения сознания, возникновение негативных эмоциональных переживаний, что снижает эффективность действий военнослужащего.

Природно-географические и ***погодно-климатические факторы.*** Длительное пребывание военнослужащих в неблагоприятных климатических условиях способствует развитию у них как соматических, так и психических расстройств. В Афганистане советские войска находились в условиях неблагоприятного жаркого климата и горно-пустынной местности. Экстремальные природно-географические условия, боевая деятельность в которых сопровождалась истощением компенсаторных ресурсов, увеличивали риск развития психических нарушений. Негативно действовали на психическое состояние воинов пониженное давление воздуха и содержания кислорода в нем, частые и резкие колебания погодных условий, высокая температура воздуха летом и низкая зимой в районах высокогорья, повышенное ультрафиолетовое и тепловое излучение, низкая влажность воздуха и пыль[1].

В условиях неблагоприятного климата возникают расстройства функциональных систем организма, обеспечивающих тепловую регуляцию, истощение водно-солевых ресурсов, снижение физической работоспособности и психофизиологических возможностей, существенное снижение массы тела (иногда за день боя воин терял 4—5 кг веса), а в тяжелых условиях — тепловое поражение. Эти симптомы характеризуют развивающийся у военнослужащих в неблагоприятных климатических условиях *«синдрома хронического эколого-профессионального перенапряжения»*[2].

---

[1] *Литвинцев С. В., Снедков Е. В., Резник А. М.* Боевая психическая травма. М., 2005. С. 51.

[2] См.: Там же.

Кроме этого, горные условия Афганистана и Чечни были более привычными в психологическом (в плане умения ориентироваться, обнаруживать противника, определять расстояния до целей, рассчитывать силы и время) отношении повстанцам, чем нашим войскам.

Гипоксия. На высоте более 3500 м над уровнем моря солдаты, неадаптированные к условиям высокогорья, могут ощущать хроническую усталость. У них отмечается потеря способности к сосредоточению, резкие перепады настроения; возникают проблемы как с кратковременной, так и с долговременной памятью, снижается общая боеспособность. Так, меткость стрельбы на больших высотах над уровнем моря снижается почти на 50%. Особенно страдает кучность огня[1]. Для акклиматизации в горной местности солдата требуется до двух недель.

Гипоксия ведет также к функциональному перенапряжению органов и систем, управляющих кислородным обеспечением организма. В результате около 50% военнослужащих, не адаптированных к условиям горно-пустынной местности в Афганистане, утрачивали работоспособность на седьмые-восьмые сутки боевых действий[2].

Температура воздуха. Экстремальные температуры окружающего воздуха, как высокие, так и низкие, могут быть смертельными. Психологическими последствиями чрезвычайно высоких или низких температур воздуха являются нарушение ощущений (потеря чувствительности) и восприятия (возникновение иллюзий, зрительных, слуховых, обонятельных и осязательных галлюцинаций), снижение умственных способностей, качеств внимания, памяти, нарушение логики действий, резкие перепады настроения, безволие, рассеянность, неспособность принимать решения и совершать действия.

Жара провоцирует быстрое нарастание усталости, апатии, безволия, страха смерти от жажды. Сочетание жары, ветра и пыли в условиях Афганистана было крайне трудно переносимым, астенизирующим фактором и совершенно изматывало военнослужащих. Воины подвергались также прямому влиянию пыли: раздражение слизистых оболочек глаз, носа, загрязнение одежды, техники, приборов, аппаратуры[3].

Эргономические факторы отражают степень соответствия условий микросреды требованиям деятельности, исходя из физических и психических особенностей человеческого организма. Сюда прежде всего следует отнести то, насколько боевая техника, средства индивидуальной и групповой защиты, условия повседневной жизни и деятельности воинов способствуют эффективности решения ими боевых задач, сохранению боевой активности, физического и психического здоровья.

Эргономичность боевой техники. Экипажи бронемашин работают в условиях замкнутого пространства, что значительно повышает риск развития психических расстройств. В бою эти условия становятся причиной появления чувства собственной уязвимости и страха перед огневым пора-

---

[1] *Макнаб К.* Психологическая подготовка подразделений специального назначения. С. 52.

[2] См.: *Литвинцев С. В., Снедков Е. В., Резник А. М.* Боевая психическая травма.

[3] См.: Там же.

жением. Во избежание стрессовых нагрузок следует постоянно поддерживать связь с другими экипажами.

Боевая техника должна удовлетворять хотя бы минимальным требованиям комфорта и гигиены. Результаты исследований показывают, что при неудовлетворительном микроклимате в боевой машине скорость ее вождения снижается на 19%, время на выполнение огневых задач возрастает на 35%, число промахов — на 40%, каждый день наступательной операции ведет к снижению боеспособности личного состава на 7—10%. Ограничение подвижности человека в течение трех суток снижает его работоспособность на 30%. Частота вибрации боевой техники может совпадать с частой колебаний важнейших органов человека, что может привести к нарушению в их функционировании и разрушающе влияет на деятельность нервной системы[1].

Малавуа сводит все эргономические факторы, способствующие развитию утомления боевых экипажей, в три группы: анатомические, физиологические и психологические. К *анатомическим факторам* он относит, прежде всего, позы и движения, которые военнослужащий вынужден использовать при действиях в боевой обстановке. Состояние (напряжение, расслабление, блокирование) различных мышечных групп оказывает заметное влияние на протекание процессов дыхания, кровообращения, пищеварения, мочеотделения, самочувствие и уровень активации человека. Известна закономерность: «Чем менее удобна поза и чем более мышечных усилий требуется для ее сохранения, тем сильнее будет утомление»[2]. Это необходимо учитывать: 1) при проектировании боевой техники и оружия, строительстве боевых сооружений и позиций; 2) обучении военнослужащих действиям в соответствии с их функциональным предназначением; 3) осуществлении контроля за деятельностью личного состава.

К числу эргономических причин, способствующих нарастанию утомления, относят температуру и состав воздуха, уровень шумового фона и вибрацию. В составе воздуха, циркулирующего в боевой технике, наихудшее влияние на работоспособность экипажей и десантов оказывает окись углерода, содержащаяся в выхлопных газах. При превышении ее концентрации в 1,5 единицы на 1000 единиц воздуха смерть наступает в течение одного часа[3]. При отравлении сублетальными концентрациями этого газа наблюдается существенное снижение боеспособности военнослужащих, проявляющееся в нарастании чувства усталости, снижении интеллектуальной активности и нарастании числа перцептивных и других ошибок, замедлении реакций, усилении вялости, сонливости вплоть до развития коматозного состояния. Особенно интенсивно отравление военнослужащих происходит при выполнении ими интенсивной работы. По Малавуа, во время работы интоксикация наступает в три раза быстрее, чем во время покоя[4].

---

[1] См.: *Калинчук Л. В., Караяни А. Г., Логинов И. А.* Технологии морально-психологического обеспечения: теория, методология, практика.

[2] *Малавуа.* Бронированные машины и «человеческий фактор» // Современная буржуазная военная психология. М., 1964. С. 222.

[3] Там же. С. 223.

[4] Там же. С. 223.

В исследовании Малавуа показано, что шум, сопровождающий работу двигателей боевой техники, оказывает не только травмирующее влияние на слуховой аппарат человека, затрудняет общение экипажей и десантов, но и разрушающе воздействует на нервную систему военнослужащего. Так, шум вызывают острое болевое ощущение, когда достигает громкости 140 децибел при кратковременном воздействии и всего 85 децибел — при длительном воздействии звука. При громкости звука в 100 децибел происходит нарушение слуха. Последствия влияния шума на деятельность организма во многом сходно с воздействием окиси углерода. Наряду с этим могут наблюдаться нарушения зрения, цветоощущения, потеря памяти, рост психической неустойчивости.

Неблагоприятное воздействие на психическое состояние и действия военнослужащих в бою оказывает вибрация. Особенно пагубное влияние на человека оказывает вибрация, сочетающаяся с толчками. В этом случае имеют место непроизвольные мышечные сокращения, сбои в ритмике диафрагмы, нарушения обменных процессов и др. Установлено, что различные отделы и системы организма человека резонируют при разной частоте вибрации (голова при 10—25 герц, глазное яблоко при 25—45 и 60—90 герц, брюшные органы — при низких частотах колебаний)[1].

При длительных действиях в боевой технике и в укрытиях у военнослужащих могут возникать *агорафобия* (навязчивый психоневроз, при котором человек испытывает страх перед открытыми пространствами, и военнослужащие оказываются не в силах выйти из машины, блиндажа) и ее противоположность — *клаустрофобия*, проявляющаяся в страхе перед замкнутыми пространствами.

Надежность индивидуальных и групповых средств защиты (например, противогазов, защитных комплектов, приборов радиоактивного и химического контроля и т.д.) оказывает существенное влияние на психические состояния, взаимоотношения, воинскую дисциплину военнослужащих.

Война — это не только беспрерывная череда боев, но и огромная часть человеческой жизни. И эта жизнь не может обойтись без человеческого общения, дружбы, любви, отдыха, расслабления. Все эти потребности должен удовлетворять ***военно-полевой быт*** войск. Отсутствие возможности для полноценного безопасного сна и отдыха, условий для соблюдения военнослужащими личной гигиены, засилье вшей, мух, клопов, «витринность» повседневной жизнедеятельности, отсутствие возможности уединиться даже на короткое время, постоянное нарушение личного пространства негативно влияют на стрессоустойчивость участников боевых действий, унижают человеческое достоинство, воинскую гордость. Трудно побудить вшивого и засыпающего на ходу солдата к героическому подвигу.

3. **Социально-психологические факторы.** Вся история войн и военного искусства свидетельствуют о том, что социально-психологические факторы выступают основой для формирования широких социальных мотивов боевого поведения и прочных боевых установок воинов.

---

[1] *Малавуа.* Бронированные машины и «человеческий фактор». С. 225, 227.

Морально-боевой дух воинов в значительной степени зависит от ***отношения народа к войне***, от популярности войны в сознании масс. Популярность, в свою очередь, определяется понятностью для людей и внутренним принятием ими целей войны, представленностью социальных, экономических, национальных, религиозных интересов в структуре вызвавших ее причин. Образ войны в сознании людей приобретает ту или иную эмоциональную окраску в зависимости и от того, насколько успешно и на чьей территории ведутся боевые действия, а также от того, какая часть населения страны физически и психологически принимает в них участие.

Анализируя итоги Первой мировой войны, Н. Н. Головин отмечал, что существовавшее до войны представление о «духе войск» как о чем-то неисчерпаемом и самодовлеющем привело к такому «расточительному расходованию крови, которое не могли выдержать даже самые лучшие войска в мире». Социальные и политические условия, в которых живет страна, по его мнению, «являются первыми данными, влияющими на “дух” войск»; вот почему в современную эпоху «вести войну, непопулярную в массах, есть предприятие ненадежное»[1].

Посредством работы механизмов психического заражения, внушения, подражания военнослужащие усваивают господствующий в обществе настрой, формируют соответствующие установки и мотивы боевого поведения. Еще в начале века военные психологи России отмечали, что «воин, будучи сколком своего народа, верно и точно отражает как доблести, так и немощь своего народа», что «никакой энтузиазм в армии невозможен, когда не будет его в Отечестве»[2].

Изучение опыта вооруженных конфликтов последнего времени убедительно подтверждает психологическую закономерность: *победоносные войны имеют в своей основе идеи, понятные и близкие сердцу бойца и всего народа.*

Морально-психологическое состояние воинов в значительной мере зависит от ***отношения народа к своей армии***. Эта закономерность выявлена военными психологами еще в прошлом веке. Так, М. В. Зенченко подчеркивал, что для мощи войск необходимы симпатии всего населения, а А. С. Агапеев на примере отношения народов Германии и Франции к своим армиям показал, что оно является существенным фактором достижения победы в бою. Действие этой закономерности отчетливо ощущалось в ходе войны США во Вьетнаме, боевых действий наших войск в Афганистане и Чечне.

Не менее важным фактором боевого духа воющей армии зависит от ***отношения народа к противнику***. Опыт войны убедительно показывает, что в сражениях чаще побеждает та армия, воины которой видят в противнике лютого и ненавистного врага, посягающего на свободу и достояние их Родины. Великая Отечественная война еще раз подтвердила верность выявленной военными психологами закономерности: необходимо уже

[1] *Головин Н. Н.* Мысли об устройстве будущей Российской Вооруженной Силы. Белград, 1925. С. 15.

[2] См.: *Энгельман И. Г.* Воспитание современного солдата и матроса. СПб., 1908.

в мирное время прививать воинам ненависть к армиям тех стран, которые проявляют в своих действиях агрессивные устремления и являются потенциально опасными. Это означает, что всякая война требует длительной работы по формированию военного сознания людей.

Таким образом, в условиях войны действует своеобразный социально-психологический закон, отражающий взаимосвязь между состоянием психологии общества и его армии. Он гласит, что *основной источник морально-психологического состояния воюющей армии находится не внутри нее, а в обществе, интересы которого она защищает.*

В ряду социальных переменных велика роль ***фактора отношения населения в регионе боевых действий*** к противоборствующим сторонам. Это отношение может быть: 1) лояльным (население может поддерживать одну из сторон психологически, материально, деятельностно); 2) нейтральным (бесстрастно выполнять требования, предъявляемые военным командованием); 3) оказывать пассивное и активное противодействие одной из сторон или обеим из них. Враждебно настроенное население в регионе боевых действий может дезинформировать и дезориентировать военных руководителей путем распространения ложной информации и слухов, запугивать, стыдить, винить военнослужащих, создавать препятствия на путях перемещения отдельных военнослужащих и движения войск, блокировать важнейшие военные объекты, разоружать и захватывать военнослужащих в заложники, избивать и убивать их, совершать диверсии на важных объектах и т.д.

Анализ боевого опыта показывает, что самым мощным мотиватором боевых действий и наиболее эффективным «психотерапевтом» для воинов является воинский коллектив. *Отношения коллективизма, сплоченность воинского подразделения* выступают своеобразным основанием для поддержания высокой психологической устойчивости и активности отдельных военнослужащих. Боевой опыт ведущих армий мира свидетельствует о том, что отделения, экипажи, расчеты, состоящие из хорошо знавших друг друга военнослужащих (родственников, земляков и т.д.), как правило, проявляют бóльшую активность, инициативу, стойкость. Изучая эту закономерность, немецкий военный психолог Е. Динтер подчеркивает, что страх потерять доверие группы, оказаться в моральной изоляции из-за трусости действует сильнее всего, позволяет совершать смелые поступки.

На боевые стрессоры накладываются также уныние и тревога из-за долгого *отрыва от семей*, дефицит информации о близких, изолированность от общества, отсутствие положительных эмоций, ностальгические переживания[1].

Доверие к командирам. Опыт боевого применения войск в локальных военных конфликтах конца XX – начала XXI в. свидетельствует о том, что военнослужащие, испытывающие доверие и уважение к своему командиру, могут активно выполнять даже те задачи, существо которых не понимают или нравственно отвергают.

Воинская дисциплина – главное условие возникновения синергии – дополнительной силы воинского коллектива, порождаемой согласован-

---

[1] *Литвинцев С. В., Снедков Е. В., Резник А. М.* Боевая психическая травма. С. 32.

ностью функционально-ролевых отношений военнослужащих, формированием внутренних и коллективно-групповых регуляторов активности, четкой управляемостью воинского подразделения (части). Аргументируя важнейшую роль воинской дисциплины и организованности в вопросах победы и поражения в войне, Наполеон утверждал: «Два мамелюка безусловно превосходили трех французов; 100 мамелюков были равноценны 100 французам; 300 французов обыкновенно одерживали верх над 300 мамелюками, а 1000 французов уже всегда разбивала 1500 мамелюков»[1].

4. **Психофизиологические факторы**, влияющие на боевую активность воинов, — боевая (физическая) нагрузка, усталость, недосыпание (задолженность сна), обезвоживание (дегидратация), голод, монотония и т.д.

Мощным фактором, определяющим боевое поведение воинов, являются ***чрезмерные физические нагрузки***. Боевые действия, особенно в локальных военных конфликтах, против иррегулярных формирований часто ведутся в труднодоступных местах (в горах, пустынях, разрушенных городах). Передвижения осуществляются на пересеченной местности, в условиях резких перепадов высот и атмосферного давления. Применение техники в таких условиях ограничено. В результате, например в Афганистане, нашим военнослужащим приходилось нести на себе экипировку весом 56—63 кг. Энергозатраты в таких условиях достигают 4500—6000 ккал/сут. и более, что при высоких физических нагрузках приводило к состоянию боевого истощения и боевой усталости[2].

В традиционном общевойсковом бою воин выполняет работу, которая по уровню энергозатрат значительно превосходит работу землекопа или шахтера. Это связано не только с оборудованием боевых позиций для себя и боевой техники, построением укрытий и блиндажей. Анализ показывает, что иногда участники боевых действий несут на себе вдвое больше груза, чем им необходимо для выполнения конкретной боевой задачи. Все это способствует не только аккумуляции и нарастанию усталости, быстрому физическому истощению, но и снижению общего фона настроения воинов.

Утомление — состояние, сигнализирующее о степени израсходования энергетических запасов организма и необходимости их восполнения. Утомление субъективно воспринимается воином как ***усталость*** — ощущение слабости, бессилия, вялости, дискомфорта, сопровождающееся негативными эмоциональными реакциями, потерей интереса и мотивации боевой деятельности. Усталость возникает как следствие сильных и продолжительных физических нагрузок; перцептивного, интеллектуального, эмоционально-волевого и мотивационного перенапряжения; нарушения привычного ритма жизнедеятельности (чередования и качества деятельности, отдыха, сна, питания и т.д.); сбоев в системе психической саморегуляции и физического здоровья человека и т.д.

---

[1] Мамелюк (мамлюк) — каста египетских воинов, воспитывавшихся в закрытых военизированных лагерях-интернатах из числа детей-рабов из тюркских и кавказских народов на протяжении всей жизни и являвшихся одними из лучших одиночных воинов своего времени.

[2] *Литвинцев С. В., Снедков Е. В., Резник А. М.* Боевая психическая травма. С. 52.

Усталость отрицательно сказывается на эффективности действий военнослужащих, ведет к нарушению чувствительности, внимания, памяти, мышления. Так, например, в состоянии усталости у людей могут возникать различные иллюзии восприятия объектов боевой обстановки и галлюцинации, появляется болезненная чувствительность к определенным раздражителям, повышается конфликтность во взаимоотношениях с сослуживцами. Усталость порождает апатию, пассивность, массовые галлюцинации, безволие, неуверенность в собственных силах, способствует развитию панических настроений и действий, дезертирству и сдаче в плен.

У воинов, длительно действующих в условиях кумулятивного действия факторов напряжения, происходит утрата оперативности, снижение сопротивляемости неблагоприятным воздействиям. В результате менее напряженные ситуации могут восприниматься как травматические, и потребуется больше усилий для преодоления воздействия в последующем. Как следствие повышается риск появления упадка сил, истощения, потери способности к сопротивлению, когда человек попадает в неожиданную опасную ситуацию. В связи с этим у военнослужащих в боевой зоне могут развиваться психические расстройства даже при отсутствии существенного травмирующего события[1].

Продолжительность и качество сна оказывает существенное влияние на боевую активность воинов и могут становиться основной причиной боевого стресса. Недостаточный и некачественный сон в боевой обстановке — одна из главных причин перенапряжения механизмов адаптации к боевым стресс-факторам и условие психотравматизации военнослужащих.

Накопление задолженности сна крайне неблагоприятно влияет на психическую деятельность и боеспособность военнослужащих. Так, специалистами установлено, что за каждые сутки, проведенные без сна, военнослужащий утрачивает примерно 25% эффективности когнитивной деятельности (способности воспринимать боевую обстановку, обнаруживать и идентифицировать противника, принимать обоснованные решения, оперативно мыслить, импровизировать, объективно оценивать свои возможности и т.д.) (рис. 8.2).

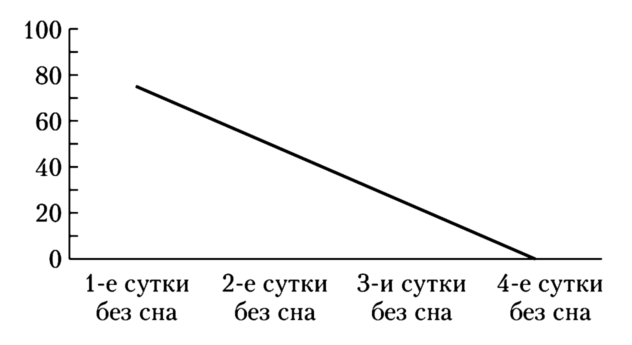

Рис. 8.2. **Снижение когнитивных возможностей воинов с ростом дефицита сна**

[1] *Литвинцев С. В., Снедков Е. В., Резник А. М.* Боевая психическая травма. С. 44.

Из рис. 8.2 следует, что после 48—72 часов без сна военнослужащие становятся неэффективными в боевом отношении[1].

В ряде полевых экспериментов выявлен характер влияния на боеспособность военнослужащих различных «доз» дефицита сна[2] (табл. 8.1).

Таблица 8.1

Зависимость работоспособности военнослужащих от продолжительности сна

Продолжительность сна, ч/сут.	Состояние боеспособности личного состава
0 ч	Сохраняется боеспособность к выполнению боевых задач в течение трех дней. На четвертый день весь личный состав выходит из строя
1,5 ч	50% боеспособности военнослужащих сохраняется в течение шести дней. К седьмому дню из строя выходит 50% личного состава
3 ч	91% боеспособности воинов сохраняется порядка девяти дней

Из табл. 8.1 следует, что дефицит сна является существенным фактором снижения боеспособности военнослужащих.

Специалистами установлено, что пять-шесть ночей с продолжительностью сна не более четырех часов дают тот же эффект, как ночь, проведенная без сна или присутствие в крови 0,1% алкоголя. После такого уровня депривации сна у военнослужащего не возникает проблем с координацией, и он способен пройти по прямой линии, однако его способность мыслить существенно снижается. После пяти-семи дней неполноценного сна снижение бдительности и эффективности достигает того же уровня, как и после двух дней полной депривации сна. В ряде исследований показано, что депривация сна существенно повышает уровень гнева, импульсивности, агрессии, делает более яростными реакции на любой раздражитель. Снижается способность к рефлексии, выбору и принятию решений. Повышается рискованность, снижается эмпатия, способность просчитывать долгосрочные последствия действий. Возникают серьезные ошибки восприятия и мышления, называемые «когнитивными искажениями»[3]. Затрудняется понимание словесной, письменной и кодированной информации, обнаружение позиций противника, интерпретация изменений схемы огня противника, оценка простых тактических ситуаций. У военнослужащих может существенно снижаться бдительность, возможность вспомнить то, что они видели, слышали, о чем читали. Повышается раздражительность, вспыльчивость, конфликтность. Возникают трудности с выполнением рутинных задач, таких как соблюдение личной гигиены, сушка обуви, смена носков

---

[1] *Campise R. L., Geller Sch. K., Campise M. E.* Combat Stress // Military psychology: Clinical and Operational Applications. С. 215—241.

[2] *Данилов А.* Профилактика боевых психологических травм в ВС США // Зарубежное военное обозрение. 1991. № 9. С. 11—16.

[3] *Hoge Ch. W.* Once a warrior always warrior. P. 57.

и др.[1] Отмечается, что задолженность сна способствует повышению скорости распространения слухов среди участников боевых действий[2].

Российские, китайские, израильские военные психологи сходятся на том, что военнослужащим, непосредственно принимающим участие в боевых действиях, необходимо, по меньшей мере, четыре часа непрерывного сна в сутки. Для военнослужащих, чья деятельность связана с умственным напряжением, принятием и оперативным обеспечением боевых решений, продолжительность сна должна составлять не менее 6 ч в сут., так как умственная работоспособность восстанавливается гораздо дольше, чем физическая. Однако такой боевой режим жизнедеятельности не может продолжаться более пяти-шести суток.

Пагубное влияние на боевую активность воинов оказывает ***обезвоживание (дегидратация)***. По данным специалистов, потеря 5% воды в организме воина вызывает чувство жажды, тошноту, слабость и раздражительность. Потеря 10% организмической воды ведет к головокружению, головным болям, затруднениям в ходьбе, покалыванию в конечностях; 15%-ное обезвоживание сопровождается снижением четкости зрения, резкости слуха, кожной чувствительности, распуханием языка, более чем 15%-ное обезвоживание способно вызвать смерть[3].

Нарушение биоритмов жизнедеятельности. Известно, что вследствие соблюдения человеком привычного ритма жизни, распорядка дня у него формируется суточный ритм физиологических процессов или «биологические часы». Под этот ритм подстраиваются важнейшие организмические процессы, динамика нервно-психической деятельности и т.д. В частности, меняется температура тела, скорость обменных процессов, частота сердечных сокращений, емкость легких. От этих процессов напрямую зависит работоспособность военнослужащего, его физическая выносливость, эмоциональное состояние, способность сконцентрироваться, осуществить волевое усилие.

При переброске войск с помощью транспортной авиации с преодолением нескольких часовых поясов происходит временное нарушение суточных биоритмов военнослужащих. Включение в боевую деятельность неадаптированных по биоритмам военнослужащих существенно снижает возможности их внимания, памяти, мышления, ухудшает самочувствие, уменьшает физические возможности. Авиапереброска воинов через несколько часовых поясов может потребовать до 12—14 суток адаптации.

5. **Психологические факторы.** В системе психологических факторов боевой активности воинов можно выделить первичные и вторичные факторы.

Первичные психологические факторы — это явления, выполняющие роль своеобразного «адаптора», трансформирующего смысл и энергию боевых, эколого-эргономических, социальных, физиологических и вторичных психологических факторов в боевое поведение воинов.

---

[1] См.: Field Manual FM 6—22.5. Combat and operational stress control manual for leaders and soldiers. Washington, 2009.

[2] *Караяни А. Г.* Слухи как средство информационно-психологического противодействия // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 6. С. 47—54.

[3] Field Manual FM 3—05.70. Survival. Washington, 2002.

К первичным психологическим факторам относятся *психологическая готовность к бою* и *психологическая устойчивость к боевым стресс-факторам*, включающие выстроенные в разной иерархии знания, боевые мотивы, эмоционально-волевой настрой, боевое мастерство воинов, преобладающие копинг-стратегии в экстремальных ситуациях, владение воинами способами психической саморегуляции.

Из военного опыта

Один из организаторов обороны Волоколамского шоссе в 1941 г. Б. Момышулы писал, что командиры и бойцы Красной Армии часто не имели четкой картины боя, так как пользовались картами 1920-х гг. За прошедшие 20 лет в Подмосковье выросли новые населенные пункты, изменилась конфигурация дорог, появились различные элементы инфраструктуры. Отсутствие точного представления о местах предстоящих боевых действий пагубно сказывалась не только на планировании боя и управлении боевыми действиями, но и на психологическом состоянии военнослужащих. В данном случае неотвратимо срабатывала закономерность — «Чего не знаю, того боюсь».

Исследования показывают, что в преодолении неблагоприятных стресс-факторов (в том числе и боевых) значительная роль принадлежит копинг-стратегиям в поведении воинов. Копинг-стратегии — это способы актуализации знаний, умений и навыков воина, мобилизации и использования целевого психологического ресурса для эффективной адаптации к изменяющейся обстановке боя.

От состояния психической готовности и устойчивости зависит характер реакции воина на ***вторичные психологические факторы***:

— эмоционального ряда (опасность, осознание вины за участие в жестоком насилии, ответственность за результаты своей деятельности, переживание собственных ран, смерти и ранений боевых товарищей);

— информационного ряда (новизна, неопределенность обстановки; неожиданность, внезапность наступления боевых событий; информационная перегрузка, недогрузка, ошибка).

Итак, боевые, эколого-эргономические, социально-психологические, психофизиологические и психологические факторы боевого поведения воинов действуют в разное время с разной силой, в различных комбинациях. Реально угрожающая жизни обстановка по-разному воспринимается воинами, обладающими разными образами войны (представлением о целях войны, противнике, сослуживцах, командирах), участвующими в разных видах боя, отличающимися боевым опытом, типом нервной системы и т.д. Очевидно, что если воин знает привычки и тактические схемы действий противника, набор его ухищрений, то действия неприятеля не станут для него неожиданными или новыми. Это означает, что не будет места удивлению, информационным перегрузкам и недогрузкам и, как следствие, ситуация не будет ощущаться как избыточно опасная. В данном случае срабатывает принцип — «Предупрежден — значит вооружен».

Перечисленные факторы могут стать непреодолимой преградой на пути воина, причиной его психотравматизации, а могут составить психологи-

ческий ресурс, расширяющий его боевые возможности. Например, бой в ночных условиях для плохо подготовленного к ночным действиям воина может стать настоящей драмой, а для мастера ночных действий — условием боевого и психологического превосходства над противником.

Военные руководители всех уровней, психологи должны предвидеть специфику влияния факторов боя на поведение воинов и стремиться придать им положительный мобилизующий, активизирующий характер.

Психологическая модель боя позволяет глубже понять закономерности боевых действий, характер действия различных факторов на поведение воинов, и, следовательно, выстраивать эффективную систему их психологического обеспечения. Психологическая модель боевых действий показывает: чтó является побудителем боевой активности воинов; какие факторы влияют на боевое поведение; какие изменения в психике участника боя происходят под воздействием стрессогенных факторов; какие психологические явления должны подвергаться коррекции в боевой обстановке для достижения эффективности боевых действий. Она позволяет системно влиять на боевую активность воинов путем воздействия как на их внутренние психологические возможности, так и на окружающую их социальную, боевую и эколого-эргономическую среду.

Рекомендуемая литература

Бархаев, Б. П. Психология и педагогика профессиональной деятельности офицера / Б. П. Бархаев [и др.]. — М. : Воениздат, 2006.

Караяни, А. Г. Введение в профессию военного психолога / А. Г. Караяни, И. В. Сыромятников. — М. : Академия, 2007.

Караяни, А. Г. Прикладная военная психология / А. Г. Караяни, И. В. Сыромятников. — М., 2006.

Караяни, А. Г. Психологическое обеспечение боевых действий личного состава частей Сухопутных войск в локальных военных конфликтах / А. Г. Караяни. — М., 1998.

Литвинцев, С. В. Боевая психическая травма / С. В. Литвинцев, Е. В. Снедков, А. М. Резник. — М. : Медицина, 2005.

Практикум

Контрольные и аналитические вопросы

1. Что представляет собой психологическая модель боя?
2. Каковы структурные и функциональные характеристики психологической модели боя?
3. Что включают боевые факторы боевой активности воинов?
4. Какие обстоятельства боевых действий можно отнести к эколого-эргономическим факторам боевой активности воинов?
5. Какие факторы составляют группу социально-психологических факторов боевой активности воинов?
6. Какие психофизиологические факторы оказывают наиболее сильное влияние на боевую активность воинов?
7. Почему психологические факторы боевой активности подразделяются на первичные и вторичные?

Практические задания

1. По имеющейся у военного психолога информации военнослужащие одного из воинских подразделений не спали на протяжении последних 60 ч.

В роли военного психолога определите динамику боеспособности военнослужащих данного подразделения.

2. В гибридных войнах, которые сегодня вспыхивают в разных частях нашей планеты, активным участников военных событий выступает гражданское население. Между тем, при планировании боевых действий некоторые командиры не уделяют внимание возможному вмешательству населения в боевые действия.

В роли военного психолога оцените, как гражданское население может повлиять на ход выполнения подразделениями боевых задач.

3. Великий русский полководец А. В. Суворов боролся с таким опасным явлением, как «шапкозакидательство».

Подумайте, как недооценка противника может сказаться на ходе и результатах боевых действий. Вспомните случаи из истории, когда презрительное отношение к противнику приводило к трагическим последствиям.

ГЛАВА 9
ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА РАЗЛИЧНЫХ ВИДОВ БОЯ И УСЛОВИЙ ВЕДЕНИЯ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

В результате освоения материалов данной главы студент должен:

знать

- психологические особенности различных видов боя;
- специфические психологические условия ведения боевых действий;

уметь

- осуществлять психологическую оценку и прогнозирование психологических условий различных видов боя и конкретных условий боевых действий;

владеть

- пониманием логики различных боевых событий.

Новые тенденции в развитии военного искусства, стирание граней между войной и миром, боевыми действиями и акциями сопротивления населения значительно разнообразили арсенал способов (видов) боевых действий. Боевые события все чаще перемещаются в населенные пункты, локализуются на стратегически важных военных, административных и социальных объектах, на узловых транспортных магистралях. При этом стратегическое значение нередко определяется не их боевой ценностью, а психологическим, символическим значением (историческая, религиозная, политическая ценность). Участие в боевых действиях «сильных сторон» все чаще осуществляется в дистантных формах, с использованием авиации, ракет, реактивных систем залпового огня, дистанционного минирования и т.д.

Несмотря на это, опыт войн XXI в. показывает, что традиционные виды боевых действий (наступление, оборона, встречный бой) сохраняют свое значение.

Отечественная военная наука выделяет два ***вида боя*** — наступление и оборону. Учет психологических особенностей видов боевых действий — важное условие их целесообразной организации, психологического обеспечения и, как результат, достижение психологического превосходства над противником.

9.1. Психологические особенности наступления и обороны

С психологической точки зрения наступление и оборона — два вида боевой деятельности, различающиеся по целям, способам, средствам, когнитивным, эмоциональным и поведенческим аспектам.

Наступление имеет целью разгром (уничтожение) противника и овладение важными районами (рубежами, объектами) местности. Оно заключается в поражении противника всеми имеющимися средствами, решительной атаке, стремительном продвижении войск в глубину его боевого порядка, захвате вооружения, техники и намеченных районов (рубежей) местности.

Психологические особенности наступательного боя отражены в табл. 9.1.

Таблица 9.1

Психологические особенности наступления

Преимущества	Недостатки
Ощущение боевого и морального превосходства	«Витринность» действий (открытость для наблюдения и для противника)
Владение инициативой (выбор времени, места, способа, масштаба действий)	«Закрытость», невидимость противника, страх неизвестности
Наличие значительного числа степеней свободы (возможность изменять направление, темп и ритм боевых действий)	Психологическая сложность выхода из укрытия под огонь противника
Возможность создания единого наступательного порыва, эффекта «эжекции» (втягивания воинов в активную деятельность)	Возникновение эффекта «притяжения земли»
Возможность использования силы примера как модели для подражания	Возможность возникновения эффекта «туннельного» зрения
	Наличие значительного количества «зайцев» (лиц, избегающих участия в атаке)
	Ощущение у командиров ощущения «потери подразделения» (снижение возможности управления подчиненными)

Из табл. 9.1 следует, что наступление, с психологической стороны, имеет как сильные, так и слабые стороны.

История войн и военного искусства свидетельствуют о том, что наступление, как правило, ассоциируется с боевым и духовным преимуществом, преобладающей волей наступающей стороны. Так, М. В. Фрунзе обращал внимание на то, что «нападение действует на психологию противника тем, что уже одним этим обнаруживается воля более сильная... Надо пережить и перечувствовать всю тяжесть положения атакуемого, чтобы понять, какое преимущество имеет наступление перед обороной»[1].

Наступательные боевые действия оказывают особенно мобилизующее и активизирующее влияние на военнослужащих, когда они предпринимаются после затяжных и неуспешных боев. В этом случае наступление

[1] *Фрунзе М. В.* Избранные произведения. М., 1950. С. 543.

связывается с надеждами на перелом в боевых событиях, с возможностью захватить инициативу, значительно приблизить победу над врагом. Переход к наступлению вызывает у воинов надежду на то, что командиры все тщательно оценили, выявили слабые места в боевом состоянии противника, сделали выводы из прошлых неудач, создали превосходящие силы, правильно выбрали время и место наступления, что, безусловно, обеспечит успех боя.

Вызывая боевое возбуждение, азарт, наступательный порыв, наступление притупляет у воинов страх, колебания, мобилизует все возможности воинов, их волю. Многочисленные задачи по подготовке боевой техники, оружия, снаряжения, стоящие перед воинами, на какое-то время отвлекают их от психотравмирующих переживаний. Энергия наступательного движения способствуют развитию массового героизма, творческой боевой инициативы воинов. Этому в значительной мере способствуют процессы психического заражения и подражания. В результате на фоне общего боевого энтузиазма даже нерешительные люди проявляют активность и включаются в боевые действия. Народная молва гласит, что даже раны, полученные в наступлении, заживают быстрее, чем в обороне.

Известный отечественный военный психолог Г. Д. Луков отмечал, что в психологическом отношении наступление является «самым трудным на войне делом. Чтобы воину заставить себя идти навстречу ураганному огню противника, необходимо максимальное напряжение всех его духовных сил. Но если наступление развивается успешно, внутренне напряжение у воина находит разрядку в активных боевых действий, поэтому наступающим управлять поведением несколько проще, чем обороняющимся»[1].

Из опыта войн также известно, что переход к наступлению сопровождается заметным усилением и активизацией социально-психологических связей между военнослужащими, сплочением воинских подразделений, повышением их «управляемости», дисциплины. Отношения коллективизма, взаимопомощи, взаимовыручки психологически как бы «втягивает» воинов в решение сложных и опасных задач, с меньшими психологическими издержками, создавая для этого дополнительную мотивацию.

Специалисты также отмечают ряд тактико-психологических особенностей наступления. Так, у атакующего перед обороняющимся есть ряд преимуществ, которые значимо влияют на его психическое состояние: стрелять с высоты своего роста вниз удобнее, чем обороняющемуся из окопа вверх; гранатой проще поражать противника сверху, чем попасть ею по бегущему солдату; у находящегося сверху значительно больше свободы маневра, чем у обороняющегося в окопе; наступающий, при налаженной и эффективной разведке, знает, куда обрушивать свой огонь, чтобы уничтожить главные силы противника[2].

В наступлении существенно снижается «вес» боевых потерь в достижении победы над противником. Результаты исследований военных специалистов показывают, что в среднем атакующие войска прекращают наступление лишь тогда, когда их потери вдвое превышают потери оборо-

[1] *Луков Г. Д.* Воспитание воли у советских воинов. М., 1961. С. 66.

[2] *Маркин А. В.* Основы тактической подготовки современного солдата. Минск, 2006. С. 77, 88.

няющихся, тогда как обороняющиеся часто испытывают поражение, если их потери составляют лишь 25% от потерь наступающих.

Вместе с тем с психологической точки зрения наступательные действия характеризуются рядом психологических сложностей. Так как наступление ведется на территории, занимаемой противником, немалое значение имеет *фактор неизвестности*. Наступающим не всегда удается предугадать, с чем они столкнутся в глубине обороны врага. Поэтому каждый куст, холмик, разрушенный объект воспринимаются воинами как источник опасности. Особенно сложными в этом плане являются боевые действия в населенных пунктах, горах, лесу.

В наступлении также есть несколько критически сложных с психологической точки зрения моментов. Прежде всего, момент выхода из окопа (укрытия) и перехода в атаку. В своей книге «Психология войны» Б. Момышулы проводит анализ героизма и героев. Он пишет о том, что есть герои, совершающие яркие подвиги, которые становятся символами и воодушевляют сотни и тысячи людей. Есть герои другого типа, те, кто первыми поднимаются в атаку под ураганным огнем врага. Без их подвига были бы невозможны многие победы и подвиги-символы.

Поднимаясь в атаку, каждый военнослужащий должен однозначно сделать выбор идти навстречу риску, опасности. Как свидетельствуют участники боевых действий, момент выхода из укрытия и вступления в бой многократно проигрывается в сознании, что обусловливает его существенное сужение и сосредоточение на одном-двух объектах боевой обстановки.

В этих условиях большая психологическая нагрузка ложится на командиров подразделений: они призваны не только принять решение о том, чтобы послать людей навстречу опасности и всеми способами побуждать их к активным боевым действиям, но и самим демонстрировать пример самообладания. Иллюстрируя сложность задачи вести подчиненных в бой, Л. Л. Байков пишет о том, что в «сердце человека происходит долгая, тяжелая борьба двух противоположных стремлений, положительного — “победить” — и отрицательного — “отказаться от боя”. Под Ваграмом из 22 тыс. французов наполеоновской армии 12 тыс. растаяли, не дойдя до позиции, под разными предлогами, как то: изнеможение, вынос раненых и т.д., а некоторые притворялись даже мертвыми. Во время Русско-японской войны 1904—1905 гг. отмечались случаи, когда под предлогом выноса раненого, группируясь около него, с поля боя уходило по 10 человек»[1].

Во время Второй мировой войны американским военным психологом С. Л. А. Маршаллом было установлено, что «из бойцов, которые в каждый момент боевых действий могут и должны пускать в ход вверенное им оружие, всего 15% ведут огонь по неприятельским позициям. Если к этой ничтожной части непосредственно действующих бойцов присоединить тех, кто проявляет какую-либо личную инициативу... то процент реальных участников боя может быть доведен до 25%»[2]. Эта тенденция в той или иной мере присуща всем армиям мира.

---

[1] *Байков Л. Л.* Свойства боевых элементов и подготовка войск к войне и бою. С. 31.

[2] *Маршалл С. Л. А.* Американцы в бою // Офицер вооруженных сил : пер. с англ. Вашингтон, 1991. С. 50.

Изучая состояние воина в момент атаки, русские военные психологи К. М. Вольф, Н. В. Полянский, Г. Е. Шумков установили, что она совершается в особом нервном состоянии, которое можно назвать *«шоком»*. Вместе с тем шок — это не полное выключение сознания, потеря чувствительности и заторможенность нервной системы, а специфическое чувство, похожее на опьянение, всецело поглощающее существо человека[1]. Воины участвуют в атаке без четкого контроля сознания, автоматически и практически неуправляемы. Их ориентировка в обстановке боя может быть неадекватной, что вызывает усиление внутренних трудностей, рост числа ошибок в действиях. Участники боевых действий указывают на возможное проявление в ходе атаки такого явления, как «притяжение земли». Его суть состоит в том, что у отдельных военнослужащих после очередной перебежки и падения на землю практически утрачивается способность оторваться от земли и совершить новый бросок вперед.

Приближение к противнику увеличивает ощущение опасности, воин все более превращается в субъекта массовых действий, постепенно снижается его сознательная деятельность, повышается внушаемость, человек «превращается в автомат»[2]. По оценкам Г. Е. Шумкова, когда на расстоянии примерно 200 шагов до противника бойцы бросаются бегом, у них развивается сила, которая движет их вперед, преодолевая любые препятствия, они уже не отступят[3].

Оборонительные боевые действия имеют целью отразить наступление превосходящих сил противника, нанести ему максимальные потери, удержать важные районы (объекты) местности и тем самым создать благоприятные условия для перехода в наступление. Оборона в современной войне может носить позиционный и маневренный характер, осуществляться преднамеренно и вынужденно, готовиться заблаговременно и в ходе боя, в условиях соприкосновения с противником и в условиях отсутствия соприкосновения. Несмотря на большие различия в тактике ведения той или иной разновидности оборонительного боя, в условиях перехода к ним имеются общие закономерности проявления психики и поведения воинов в обороне (табл. 9.2).

Таблица 9.2

Психологические особенности обороны

Преимущества	Недостатки
Ощущение большей безопасности (укрытие, маскировка) — «иллюзия закрытия»	Ощущение утраты инициативы, возможность формирования «психологии пораженца»
Ощущение «локтя товарища»: снижение страха одиночества, страха остаться на поле боя раненым	Уменьшение степеней свободы, возникновение страха окружения, подверженность негативному психическому заражению
Лучшие возможности для управления	Снижение воинской дисциплины

[1] *Вольф К. М.* Из дневника командира полка // Военный сборник. 1908. № 6. С. 46.

[2] См.: *Полянский В. Н.* Иллюзия закрытия // Русский инвалид. Приложение. 1909. № 272; *Его же.* Моральный элемент в области фортификации. СПб., 1910.

[3] *Шумков Г. Е.* Рассказы и наблюдения из настоящей Русско-турецкой войны. Киев, 1905. С. 5.

В ряде исследований показано, что оборонительные боевые действия связываются воинами с утратой боевой инициативы, наличием у противника боевого и морально-психологического превосходства. «...ибо обороняющийся знает, что противник сильнее его, что он диктует ему свою волю»[1]. При этом возможности противника (его оружия, боевой техники, тактических приемов, действий) нередко преувеличиваются.

Пропорционально продолжительности времени нахождения в обороне возрастает неуверенность воинов в своих боевых возможностях, развивается ощущение собственного бессилия, безысходности. Это сопровождается снижением авторитета военных руководителей, что еще более усугубляет неуверенность в возможности благоприятного изменения боевой ситуации, способствует развитию общей подавленности, раздражения, пессимизма. У обороняющихся может формироваться «бункерное мышление», когда солдату кажется, что в окопе безопасно, и поэтому у него возникает желание не покидать окопа. Не готовясь к активным действиям вне позиций, обороняющиеся сами загоняют себя в психологическую ловушку. Общий уровень психологической готовности к бою снижается[2].

На первый взгляд обороняющиеся в окопах и траншеях имеют все преимущества перед наступающими. Они практически полностью закрыты бруствером, в отличие от видимого, как на ладони, противника. У них пристреляны секторы обстрела, что повышает эффективность огня. Перед самим боестолкновением обороняющиеся физически устали намного меньше, чем атакующие. Однако по мере приближения атакующих обороняющиеся утрачивают свое психологическое превосходство. Их психологическое напряжение становится предельным, что резко снижает эффективность огня.

Специалисты указывают на проявление в обороне «феномена неуязвимости противника». Наступающие ведут бой мелкими перебежками: они поднимаются, совершают перебежку, падают, перекатываются и поднимаются уже в другом месте. Обороняющиеся видят, что то в одном, то в другом месте появляется атакующий его противник. Поскольку все обмундированы одинаково, то определить, сколько атакующих ведут наступление, затруднительно. Со страха количество противника преувеличивается. К тому же обороняющемуся трудно отслеживать эффективность своего огня, поскольку атакующие постоянно падают и поднимаются. Ему кажется, что он все время промахивается, а его враг, несмотря на потери, неуклонно приближается. Он видит противника и практически не видит своих сослуживцев[3]. Возникает ощущение одиночества на поле боя, способствующее развитию панического настроения.

Сравнивая психологическую специфику наступательного и оборонительного боя, Г. Д. Луков использовал в качестве критерия соотношение «состояния воина» и «внешней активности». Если в наступлении формирующееся высокое внутреннее напряжение воина находит разрядку

---

[1] *Дружинин К. И.* Исследование душевного состояния воинов в различных случаях боевой обстановки по опыту Русско-японской войны 1904—1905 гг. С. 25—26.

[2] *Маркин А. В.* Основы тактической подготовки современного солдата. С. 69.

[3] Там же. С. 76.

в активных внешних действиях, то в обороне такой разрядки не происходит. В наступлении внутренняя психологическая напряженность представляет собой естественное боевое возбуждение, увеличивающее моральные и физические силы воина, способствует преодолению в бою, казалось бы, непреодолимых препятствий. В обороне же, нередко, внутреннее напряжение воина как бы ищет выхода и побуждает его к активным практическим действиям, а обстановка препятствует этому и требует внешне пассивного поведения. «Опытные воины знают, что бездействие в бою, ожидание или пассивное приспособление к обстановке являются наиболее тяжелым испытанием и требуют большого волевого напряжения»[1].

Атакующий не ждет, он практически действует, а обороняющийся пока бездействует (ожидает приказ на открытие огня), испытывая огромное напряжение. «Не он движется к цели, а цель движется к нему. Вот почему в обороне необходимо, прежде всего, проявлять упорство и стойкость, а в наступлении — смелость и отвагу»[2].

Оборона создает условия для повышения эффективности психологических диверсий противника (распространение листовок, звуко- и радиовещания и т.д.), циркуляции панических слухов и настроений. Это особенно характерно для тех случаев, когда оборона организуется вынужденно, поспешно, в условиях сильного огневого воздействия и психологического давления противника, при ведении боя в изоляции от своих войск, зараженной местности.

В поведенческом отношении оборонительные боевые действия характеризуются некоторым снижением управляемости, воинской дисциплины военнослужащих, сплоченности воинских подразделений.

Вклинение противника, расчленение обороняющихся на части ведет к потери связи между подразделениями, росту изолированности отдельных групп воинов, к появлению лиц с *«синдромом окруженца»*[3]. Как подчеркивал еще К. И. Дружинин, «психика бойцов, при современных условиях продолжительности и упорства боя, может вынести какое угодно требуемое от нее напряжение, но только до тех пор, пока есть надежда на победу и армия стоит лицом к противнику»[4].

Рассмотренные выше психологические особенности наступления и обороны необходимо тщательно учитывать при организации боевой и психологической подготовки военнослужащих.

9.2. Психологическая характеристика различных способов и условий ведения боевых действий

Кроме двух видов боевых действий, существует множество различных способов ведения боя, которые широко используются в локальных воен-

---

[1] *Луков Г. Д.* Воспитание воли у советских воинов. С. 64.

[2] Там же. С. 68.

[3] Социальная и военная психология / под ред. С. И. Съедина. М., 1990.

[4] *Дружинин К. И.* Исследование душевного состояния воинов в различных случаях боевой обстановки по опыту Русско-японской войны 1904—1905 гг. С. 25—26.

ных конфликтах, боевых действиях с иррегулярными формированиями, в гибридных войнах.

Боевой опыт показывает, что наиболее ***эффективными способами действий*** являются засады, налеты, диверсии, поиск, рейд, т.е. методы, характерные для войск специального назначения. По оценкам специалистов, такие способы вооруженной борьбы в локальном военном конфликте имеют целый ряд существенных преимуществ по сравнению с традиционными (табл. 9.3).

Таблица 9.3

Психологические особенности засадных боевых действий

Организаторы засады	Попавшие в засаду
Возможность выбора противника, подлежащего атаке, места, времени, оружия, способа действий, достижение эффекта внезапности	Внезапность наступления боевого события
Невидимость для противника	Неизвестность, невидимость противника («Чего не вижу, того не знаю, чего не знаю, того боюсь»)
Видение всего поля боя, возможность ведения прицельного огня	Открытость для противника, возникновение ощущения нахождения «под колпаком»
Защищенность	Нарушение управления
Владение инициативой, возможность закончить бой в любое время	Нарушение единства

Из табл. 9.3 следует, что *засадные боевые действия* создают диаметрально противоположные психологические условия для противоборствующих сторон (для стороны, организовавшей засаду и стороны, попавшей в засаду).

Достаточно сказать хотя бы о том, что эффективность поражения огнем стрелкового оружия в налетах и засадах повышается в четыре-семь раз, гранатометов и огнеметов — в 16—30 раз, мин и минно-взрывных заграждений — в 60—75 раз. Борьба с диверсионными подразделениями требует значительно больше сил и средств, чем ведение боевых действий с равными по численности общевойсковыми подразделениями[1]. Это объясняется тем, что действия таких групп не связаны с удержанием каких-либо объектов, рубежей, районов.

Главными психологическими факторами засадных действий является внезапность, невидимость противника и открытость для противника. Если устранить хотя бы один из этих факторов, положение военнослужащих, попавших засаду, может значительно улучшиться. Например, если во время совершения марша перед каждым опасным участком местности подавать команду «Приготовиться к бою!» или иметь в каждой машине лиц с дымовыми шашками с единственной задачей — поджечь и бросить

---

[1] См.: *Григорьев С.* Чеченская операция в свете ей подобных // Независимая газета. 1995. 21 июня.

шашку в сторону нападающего противника. Каждое подразделение перед совершением передвижения в условиях опасности засад должно специально готовиться к схватке с противником как в тактическом, так и в психологическом отношении.

С психологической стороны чрезвычайно сложными являются *боевые действия в населенном пункте* (*уличный бой*). В эпоху гибридных войн и широкого вовлечения гражданского населения в боевые действия, населенные пункты становятся главными полями сражений. Наибольшие психологические сложности ведения уличного боя связаны со следующими обстоятельствами:

1) со сложностью ориентирования в городских (особенно разрушенных) кварталах;

2) с трудностью точного определения границы между своими войсками и противником, что может приводить к поражению своих войск ударами авиации и артиллерии, огневым схваткам с сослуживцами;

3) с затруднением в эффективном использовании танков, артиллерии и других средств;

4) с невысокой специальной тактической подготовкой для действий в городских условиях;

5) с опасностью поражения мирных граждан. Такая опасность усугубляется тем, что на стороне врага могут действовать гражданские лица, и сам противник может маскироваться под гражданское население. Участники боевых действий в Чечне рассказывали о случаях, когда чеченские пацаны поджигали намоченные в солярке подушки и бросали их на трансмиссии танков на глазах парализованных от изумления военнослужащих. Что нужно делать в подобных случаях, военнослужащие не знали;

6) со значительным ухудшением возможности управления подразделениями (наблюдения за действиями подчиненных, подачи команд, отдачи распоряжений и т.д.). Подразделения дробятся на мелкие, часто не связанные между собой группы. Некоторые командиры подразделений испытывают ощущение «утраты» собственного подразделения. Бой в городе требует организации филигранного взаимодействия между разведывательными, мотострелковыми, танковыми, артиллерийскими, авиационными и другими подразделениями. Достичь такого взаимодействия крайне сложно;

7) с абсолютным преимуществом стороны, занявшей наиболее удобное положение для боя в населенном пункте. Огромное значение приобретают снайпера и мелкие, мобильные боевые группы, использующие методы партизанской борьбы, террора, засад, молниеносных рейдов. Это затрудняет не только перемещение воинов другой стороны по полю боя, но и осуществление снабжения их боеприпасами, пищей, оказание медицинской помощи.

Безусловно, для ведения боевых действий в населенном пункте необходима специальная тактическая и психологическая подготовка войск.

При планировании и осуществлении боевых действий необходимо всесторонне учитывать психологические особенности используемых сторонами ***видов оружия***.

Как отмечалось выше, современный бой может вестись с использованием как обычного оружия, так и ОМП. Используемые в вооруженном противоборстве средства отличаются выраженными особенностями влияния на человеческую психику. Знание этой специфики позволяет подготовить людей, предупредить действие фактора новизны, неожиданности, внезапности, быстро преодолевать психологические последствия их применения.

Обычное оружие — огневые и ударные средства, применяющие артиллерийские, зенитные, авиационные, стрелковые, инженерные боеприпасы, ракеты в обычном снаряжении, зажигательные боеприпасы и огнесмеси и др. Оно способно производить не только уничтожающий и разрушающий, но и психологический эффект. Вид огневых валов, вздымающихся в небо столбов земли и дыма, массовых разрушений, искореженной боевой техники, тел убитых, грохот взрывов, свист пуль, крики и стоны раненых, жар от очагов возгорания и т.д. оказывают мощное психологическое воздействие на воинов.

Психологические последствия могут вызываться и непосредственными факторами применяемых боевых средств. Так, взрывная волна, возникающая после взрыва снаряда, мины или бомбы, может травмировать внутреннее ухо и вызвать невротическое последствие, получившее название «контузия» («военный невроз»). Потеря крови или кислородная недостаточность во время боя могут стать причиной психических нарушений, проявляющихся как замешательство, агрессивность, неспособность сосредоточиться[1].

Психологический эффект ОМП обусловлен прежде всего спецификой действия его основных поражающих факторов: ударной волны, светового излучения, электромагнитного импульса, радиоактивного заражения местности.

Так, в результате специфического действия *светового излучения* возможны временная или длительная потеря зрения у большого количества людей, а иногда и у целых воинских подразделений. Психологические реакции, вызываемые ослеплением, известны с древних времен. Отмечалось, что частично или полностью ослепленные солдаты поддавались панике, переставали отличать своих сослуживцев от солдат противника, подчинялись неконтролируемым защитным реакциям, поражали своим огнем сослуживцев.

Световое излучение вызывает многочисленные возгорания. Человек легко поддается панике, если ему угрожает огонь, так как смерть в огне многие считают самой мучительной. Из-за врожденного страха перед огнем можно ожидать развития у военнослужащих так называемых «*термических неврозов*»[2].

Ударная волна, распространяясь от эпицентра взрыва, производит мгновенное изменение картины поля боя. Вместе со световым излучением она

[1] *Макнаб К.* Психологическая подготовка подразделений специального назначения. С. 49.

[2] См.: *Сторм У.* Психологический эффект массовых потерь // Современная буржуазная военная психология. М., 1964; *Берк Я.* Разум против ядра // Современная буржуазная военная психология. М., 1964.

в считанные секунды до неузнаваемости изменяет боевой пейзаж. По существу военнослужащий, очнувшись после секундного замешательства, обнаруживает, что находится в другом мире. Перед его взором может возникнуть пейзаж, похожий на лунный, дополняемый картиной невиданных разрушений, завалов, очагов пожаров, большого количества выведенной из строя боевой техники, пораженных военнослужащих. Воины увидят жуткую картину горящих лесов, строений, боевой техники, людей. Эта картина поля боя не может не вызвать у военнослужащих ошеломления, ужаса, дезориентации, так называемого «*шока новизны*». В таких условиях следует ожидать нарушений восприятия, внимания, ориентировки в пространстве, во времени, в боевой ситуации. На основе физических травм (особенно головного мозга), ожогов, ранений возможно развитие психических расстройств различной тяжести.

Проникающая радиация может оказывать воздействие на психические состояния воинов как непосредственно (через поражение жизненных процессов в нервных клетках и расстройство условно-рефлекторыных связей в коре головного мозга), так и своим устрашающим эффектом.

Психологический эффект проникающей радиации и радиоактивного заражения местности обусловлен определенными факторами.

Во-первых, воздействие радиации ни с чем не сравнимо. Большинство воинов не имеет опыта действий на зараженной местности. В результате срабатывает известная психическая закономерность «Чего не знаю, того боюсь», т.е. действует известный в психологии восприятия «эффект новизны».

Во-вторых, радиация не имеет цвета, запаха, звука, вкуса и обнаруживается только с помощью специальных приборов. При их отсутствии или выходе из строя наличие радиоактивного заражения может предполагаться всегда, преувеличиваться или, напротив, игнорироваться. Это ведет к формированию у военнослужащих неверия в собственные силы, недоверия к людям, ответственным за контроль над радиоактивным заражением местности и людей.

Перечисленные факторы могут породить такое особое психологическое явление, как *атомобоязнь* или *индивидуальный ядерный невроз* («*невроз радиации*»). Ядерный невроз характеризуется тем, что даже опытные воины, страдающие этим расстройством, будут повсеместно «обнаруживать» признаки выпадения радиоактивных осадков (роса, туман, лужи, бурые пятна на почве и деревьях, пыль и др.); рассматривать обычные нервно-психические реакции (головокружение, головную боль, тошноту, слабость в мышцах, жажду и др.) как симптомы лучевой болезни; отказываться от воды и пищи; сторониться товарищей; жаловаться на симптомы радиоактивного поражения; будут особенно подвержены слухам и панике; испытывать парализующее чувство тревоги, смертельной опасности, повышенную чувствительность к слухам о радиации, о полной невозможности защититься от нее. Особенно травмирующе действуют на людей страхи, связанные со способностью радиации вызывать импотенцию и раковые заболевания[1].

---

[1] См.: *Сторм У.* Психологический эффект массовых потерь...; *Берк Я.* Разум против ядра...

Развитию негативных переживаний воина будет способствовать применение защитных комплектов. Действия в таких комплектах оказывают неблагоприятное влияние на психику и поведение воинов: нарушается теплообмен в организме (температура воздуха под прорезиненным костюмом может достигать 65 градусов); нахождение в костюме в течение трех часов снижает боеспособность воина на 50—80%; маска противогаза затрудняет обзор, так как очки запотевают от дыхания; существенно снижается способность военнослужащих слышать друг с друга; возникает ощущение физической изолированности от товарищей; некоторые реакции организма на действия в таком костюме (учащенное сердцебиение, усиленное потоотделение, затрудненность дыхания и т.д.) похожи на симптомы радиационного поражения[1].

Применение военнослужащим, заподозрившим радиоактивное заражение, атропина сопровождается обезвоживанием организма, расстройством двигательного аппарата, нарушением мышления. Все это многократно усугубляет состояние психологически неподготовленного военнослужащего.

Сильное психологическое воздействие на воинов окажет применение противником *отравляющих веществ* (ОВ). Психологическая симптоматика отравления характеризуется сужением сознания, возникновением беспокойства, безотчетного страха, стремлением убежать, депрессией, манией преследования, подозрительностью, быстрой утомляемостью.

Многие виды ОВ представляют собой химические соединения без цвета, вкуса и запаха и обнаруживаются только с помощью специальных приборов. Порой единственным способом определения наличия ОВ является снятие противогаза.

Информация о применении ОМП, умышленно инсценируемая противником или распространяемая посредством слухов, способна вызвать *панические настроения* больших групп людей. Проникновение психотравмированных военнослужащих в расположение и боевые порядки войск, не пострадавших от ядерного взрыва, будет способствовать их деморализации.

Опыт показывает, что при угрозе применения ядерного, химического и бактериологического оружия возможно возникновение ложных групповых и массовых поражений («психических инфекций»), развивающихся по механизму психического заражения и подражания.

Так, в годы Первой мировой войны в английской и французской армиях было ошибочно эвакуировано с поля боя 25 тыс. солдат, у которых отмечались симптомы поражения ОВ, хотя они не находились в зоне применения газов.

На Западе разработана статическая модель возможных реакций военнослужащих на ядерный взрыв. Предполагается, что 12—25% личного состава сохранит способность выполнять боевую задачу, 75% временно и 10—25% на длительный срок утратит ее. Считается, что многие солдаты, не получившие физические повреждения, окажутся в состоянии психического шока: одни из них будут бесцельно бродить по полю боя, другие

---

[1] См.: *Сторм У.* Психологический эффект массовых потерь...; *Берк Я.* Разум против ядра...

будут находиться в состоянии ступора, третьи откроют беспорядочный огонь по всему, что покажется им подозрительным, четвертые потянутся в тыл[1].

Психологические особенности ведения боевых действий ночью. Ночь является весьма сложным условием для ведения боевых действий и обусловливает существенные психологические особенности вооруженного противоборства. По мнению Н. А. Корфа, «успех ночного боя основан почти целиком на духовных данных»[2]. Психологическая характеристика ночного боя отражена в табл. 9.4.

Таблица 9.4

Психологические преимущества и недостатки ночных боевых действий

Психологические преимущества	Психологическая уязвимость
Возможность достижения внезапности	Нарушение ориентировки, снижение чувствительности зрения и точности огня
Возникновение «иллюзии закрытия»	Новизна, неопределенность
Купируется действие некоторых фобий (снайперофобия, агорафобия)	Затруднение взаимодействия
Снижение страха перед «визуально грозным» противником	Ощущение изолированности и одиночества, страх остаться на поле боя раненым
	Повышение подверженности паники

Из табл. 9.4 следует, что для подготовленных в боевом отношении подразделений ночь содержит положительные психологические предпосылки боевой эффективности. Если воины чувствуют себя ночью «волками этого леса», они используют условия плохой видимости для незаметного приближения к противнику, просачиванию в его боевые порядки, внезапной, деморализующей врага атаке, совершения диверсий в его тылу, захвата «языков» и т.д. Для компенсации ухудшающейся возможности ориентации в боевой обстановке используются современные приборы ночного видения, действующие на различных принципах. В целях снижения своей видимости для противника могут применяться специальные маскировочные костюмы, невидимые для тепловизоров. Наблюдатели и снайперы противника могут ослепляться лазерными винтовками и пушками.

Действия ночью дают возможность снизить страх перед численно и технически превосходящим противником, а также предотвратить возникновение у воинов снайпербоязни, агорафобии и других фобий.

Применение таких современных гаджетов, как объединенные в «микросоциальную» сеть воинского подразделения мини-планшеты, позволяют видеть на экране перемещение «иконок», обозначающих боевых товарищей, отдавать боевые указания подчиненным, предупреждать товарищей об опасности, избегать возникновения чувства одиночества и страха остаться раненым на поле боя.

---

[1] См.: Социальная и военная психология.

[2] *Корф Н. А.* О воспитании воли военачальников. С. 41.

Благодаря активным ночным действиям может достигаться эффект внезапности — важное условие для деморализации и дезорганизации противника и решающее обстоятельство достижения победы над ним.

Вместе с тем ночной бой имеет и негативные психологические стороны. Среди них нарушение ориентировки в пространстве, действие эффекта новизны, неопределенности; снижение воинского мастерства воинов; затрудненность слаженных совместных действий; ухудшение управления подразделениями; возрастание тревоги и чувства изолированности от своих войск; усиление подверженности панике и др. Эти негативные эффекты могут усиливаться в случае применения противником современных средств ночного видения (видеокамер, биноклей), инфракрасных датчиков и сигнализаторов, чувствительных микрофонов, флуоресцентных красителей, «высвечивающих» приближающего противника, боевых роботов, снующих по нейтральному пространству и т.д. Применение противником трассирующих пуль может вызывать страх, так как каждому солдату противника кажется, что они летят именно ему в лоб.

При организации боевых действий необходимо предусмотреть характер влияния на психику и боевую активность воинов факторов, связанных с природно-географическими и погодно-климатическими условиями (табл. 9.5).

Таблица 9.5

Психологические факторы особенностей среды ведения боевых действий

Преимущества	Недостатки
Боевые действия в горах	
Возможность обеспечения скрытности и достижения внезапности; возможность надежного укрытия и развития уверенности; возможность (при занятии господствующих высот) контроля за деятельностью противника	Нарушение ориентирования на местности вследствие динамичного изменения образа среды при перемещении; нарушение ориентировки в бою вследствие возникновения эха; возможность возникновения синдрома абстиненции вследствие гипоксии; снижение точности прицеливания и эффективности стрельбы; повышенная утомляемость из-за большой физической нагрузки и повышенного расходования энергии (большой вес снаряжения, потери веса тела); повышение возможности попадания в засаду (тревога, неуверенность, страх); ощущение дискомфорта из-за сложности привыкания к резким колебаниям температуры, изменения вкуса продуктов и т.д.
Боевые действия в пустыне (в условиях жаркого климата)	
Возможность дальнего обнаружения противника	Затруднение ориентировки (отсутствие ориентиров); угнетающее психологическое воздействие высокой температуры воздуха и песка (до 60 °С), пыли, вызывающих апатию, безволие; опасность перегрева;

Преимущества	Недостатки
	негативное воздействие колебания температур (от 55 °С днем до 10 °С ночью); преимущественное перемещение ночью порождает трудности ночных действий; нарушение водно-солевого обмена, опасность обезвоживания; открытость противнику, трудность маскировки; сложность устройства укрытий, боевых позиций и военно-полевого быта; большие физические нагрузки; возможность возникновения песчаных бурь; галлюцинации, миражи; высокие требования к волевым качествам воина
Боевые действия в условиях холодного (арктического, антарктического) климата	
Возможность дальнего обнаружения противника	Сложность ориентировки; угнетающее психологическое воздействие низких температур воздуха (апатия, безволие); опасность обморожения и замерзания; большие физические нагрузки (перемещение по снегу в тяжелой зимней одежде); большой расход энергии; сложность устройства укрытий и военно-полевого быта (постройка иглу); сенсорная депривация; высокие требования к волевым качествам воина; возможность развития «снежной слепоты»

Таким образом, различные виды и способы ведения боевых действий, используемые виды оружия, разные средовые факторы обладают различной степенью влияния на психические кондиции участников боевых действий, их боевую эффективность. Их целенаправленный учет при планировании боя, организации боевой и психологической подготовки с личным составом позволит снизить их негативные эффекты.

Рекомендуемая литература

Военная психология / под ред. А. Г. Маклакова. — СПб. : Питер, 2004.

Военная психология: методология, теория, практика : в 2 ч. / под ред. П. А. Корчемного. — М., 1998.

Караяни, А. Г. Введение в профессию военного психолога / А. Г. Караяни, И. В. Сыромятников. — М. : Академия, 2007.

Караяни, А. Г. Прикладная военная психология / А. Г. Караяни, И. В. Сыромятников. — М. : Питер, 2006.

Корчемный, П. А. Военная психология : учебник / П. А. Корчемный. — М., 2005.

Макнаб, К. Психологическая подготовка подразделений специального назначения / К. Макнаб. — М., 2002.

Практикум

Контрольные и аналитические вопросы

1. Каковы психологические преимущества и недостатки наступательных боевых действий?

2. Каковы психологические преимущества и недостатки оборонительных боевых действий?

3. Какие психологические обстоятельства затрудняют ведение боевых действий в ночное время?

4. Как сказываются на психическом состоянии военнослужащих боевые действия в пустынной местности?

5. Какие психологические факторы следует учесть при ведении боевых действий в условиях крайне низких температур?

6. Какие факторы негативно влияют на психологические возможности участников боевых действий в горной местности?

7. Почему засада считается эффективным способом боевых действий?

8. Как ошибки в светомаскировке могут сказаться на эффективности боевых действий?

9. Каковы особенности когнитивных факторов боевых действий в горах, пустыне и в арктических районах?

10. Каковы эмоциональные факторы боевых действий в обороне, наступлении и засаде?

11. Каковы поведенческие факторы боевых действий в ночное время и в населенном пункте?

Практические задания

1. Изучите табл. 9.5 и оцените по пятибалльной шкале степень выраженности негативных психологических факторов ведения боевых действий в различных природно-географических условиях. Наметьте пути предупреждения влияния неблагоприятных средовых факторов на психику и боевую активность воинов.

2. В армиях некоторых государств в комплект боевого снаряжения военнослужащих включаются электронные мини-планшеты, с помощью которых каждый воин видит не только элементы поля боя, но и иконки, обозначающие его сослуживцев.

Составьте перечень психологических эффектов использования подобных устройств.

3. Рецепторы-палочки (орган ночного зрения) расположены на периферии сетчатки глаза.

В роли военного психолога оцените, какое значение имеет данный факт для психологической подготовки воина.

Учебное издание

Караяни Александр Григорьевич

ВОЕННАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Часть 1

Учебник и практикум для вузов

Формат 70×100 $^{1}/_{16}$.
Гарнитура «Petersburg». Печать цифровая.
Усл. печ. л. 16,9.

ООО «Издательство Юрайт»
111123, г. Москва, ул. Плеханова, д. 4а.
Тел.: (495) 744-00-12. E-mail: izdat@urait.ru, www.urait.ru